

ISSN 2221-8521

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
МӘДЕНИЕТ ЖӘНЕ АҚПАРАТ МИНИСТРЛІГІ
АҚПАРАТ ЖӘНЕ МҰРАҒАТ КОМИТЕТІ

АРХЕОГРАФИЯ ЖӘНЕ ДЕРЕКТАНУ ҰЛТТЫҚ
ОРТАЛЫҒЫНЫҢ

ХАБАРЛАРЫ

ИЗВЕСТИЯ

НАЦИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА АРХЕОГРАФИИ И
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

BULLETIN

OF THE NATIONAL CENTER OF ARCHAEOGRAPHY
AND SOURCE STUDIES

4/2012

ISSN 2221-8521

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
МӘДЕНИЕТ ЖӘНЕ АҚПАРАТ МИНИСТРЛІГІ
АҚПАРАТ ЖӘНЕ МҰРАҒАТ КОМИТЕТІ

АРХЕОГРАФИЯ ЖӘНЕ ДЕРЕКТАНУ ҰЛТТЫҚ
ОРТАЛЫҒЫНЫҢ

ХАБАРЛАРЫ

ИЗВЕСТИЯ

НАЦИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА АРХЕОГРАФИИ И
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

BULLETIN

OF THE NATIONAL CENTER OF ARCHAEOGRAPHY
AND SOURCE STUDIES

4/2012

АСТАНА

ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛ

Жылына 4 рет шығады
Журнал ҚР Байланыс және ақпарат министрлігінде
2011 жылы 21 ақпанда тіркеліп, № 11470-Ж куәлігіне ие болды

Құрылтайшысы
АРХЕОГРАФИЯ ЖӘНЕ ДЕРЕКТАНУ ҰЛТТЫҚ ОРТАЛЫҒЫ

БАС РЕДАКТОР
Археография және деректану ұлттық орталығының директоры
Л. Ә. Әбдірәсілова

РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫ:

Қазақстан мұсылмандары діни басқармасы мен Орта Азия мүфтилер кеңесінің төрағасы, Бас мүфти **Шейх Әбсаттар қажы Дербісәлі** (Қазақстан), ҚР Ұлттық ғылым академиясының академигі **Б. Е. Көмеков** (Қазақстан), тарих ғылымдарының докторы, профессор **Қ. М. Атабаев** (Қазақстан), тарих ғылымдарының докторы, Түркі кеңесі Бас хатшысының орынбасары **Дархан Қыдырәлі** (Қазақстан), тарих ғылымдарының докторы, Қырғызстан Тарих қоғамының Президенті **Т.К. Чоротегин** (Қырғызстан), тарих ғылымдарының докторы, профессор **Н.Э. Каримова** (Өзбекстан), тарих ғылымдарының докторы, профессор **А.К. Камалов** (Қазақстан), тарих ғылымдарының докторы, профессор **Г.К. Көкебаева** (Қазақстан), тарих ғылымдарының докторы, профессор **С.И. Ковальская** (Қазақстан), Болон университетінің Шығыстану институтының директоры, профессор **Маурицио Пистозо** (Италия), Хоккайдо университетінің профессоры **Уяма Томохико** (Жапония), ҚР МАМ Ақпарат және мұрағат комитетінің бас сарапшысы **Ж.А. Сатаева** (Қазақстан), тарих ғылымдарының докторы, профессор **Ж.М. Төлебаева** (Қазақстан), Индиана университетінің библиографы, PhD докторы **А. Хабибуллаев** (АҚШ)

ЖАУАПТЫ РЕДАКТОР
Т. Е. Төлебаев

Редакцияның мекенжайы:
Археография және деректану ұлттық орталығының баспасы
010000, Астана қ., Нұржол желекжолы, 12
тел. 8 (7172) 44-63-71, факс: 44-62-88
E-mail: nc-ais@mail.ru

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит 4 раза в год

Журнал зарегистрирован Министерством связи и информации РК
Свидетельство № 11470-Ж от 21 февраля 2011 г.

Учредитель
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР АРХЕОГРАФИИ И
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Директор Национального центра археологии и источниковедения
Л. А. Абдирасилова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Председатель Духовного управления мусульман Казахстана, Верховный муфтий **Шейх Абсаттар кажи Дербисали** (Казахстан), Академик НАН РК **Б.Е. Кумек** (Казахстан), доктор исторических наук, профессор **К.М. Атабаев** (Казахстан), доктор исторических наук, заместитель Генерального Секретаря Тюркского Совета **Дархан Кыдырали** (Казахстан), доктор исторических наук, Президент Кыргызского Общества истории **Т.К.Чоротегин** (Кыргызстан), профессор **Н.Э. Каримова** (Узбекистан), доктор исторических наук, профессор **А.К. Камалов** (Казахстан), доктор исторических наук, профессор **Г.К. Кокебаева** (Казахстан), доктор исторических наук, профессор **С.И. Ковальская** (Казахстан), Директор института востоковедения, профессор Болонского университета **Маурицио Пистозо** (Италия), профессор университета Хоккайдо **Уяма Томохико** (Япония), главный эксперт Комитета информации и архивов МКИ РК **Ж.А. Сагаева** (Казахстан), доктор исторических наук, профессор **Ж.М. Тулибаева** (Казахстан), библиограф университета Индиана, доктор PhD **А. Хабибуллаев** (США)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Т.Е. Тулибаев

Адрес редакции:

Издательство Национального центра археологии и
источниковедения

010000, г. Астана, Бульвар «Нұржол», 12

тел. 8 (7172) 44-63-71, факс: 44-62-88

E-mail: nc-ais@mail.ru

МАЗМҰНЫ СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

ҚАЗАҚСТАН МҰРАҒАТТАРЫ • АРХИВЫ КАЗАХСТАНА • KAZAKHSTAN ARCHIVES

Еділбек Әлиев. Жан қайғы 5

МҰРАҒАТ ҚҰЖАТТАРЫ • АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ • ARCHIVAL DOCUMENTS

Гүлмира Күлмұханбетова, Гүлназ Якубова. Ашаршылық туралы мұрағат құжаттары не дейді? 11

Баршагүл Диханбекова. Алматы аймақтық мұражайы мұрағат деректерінде 14

Таисия Мармонтова. Материалы центра документации Оренбургской области по национальной политике советской власти в начале XX века 18

ШЫҒЫС МҰРАҒАТЫ • ВОСТОЧНЫЙ АРХИВ • ORIENTAL ARCHIVE

Жулдыз Тулибаева. «Таварих-и аваил ва авахир» как источник по истории взаимоотношений казахов с соседними народами XVIII – первой половины XIX вв. 23

ДЕРЕКТАНУ • ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ • SOURCE STUDIES

Құрманғали Дәркенов, Бибіхадіша Әбжаппарова. Торғай тарихы мұрағат деректерінде: талдау және көзқарас эволюциясы 28

Канша Калиева. Информационный потенциал и репрезентативность источников по истории учета населения в Казахстане в 1898–1919 гг. 38

Анна Щетинина. Общая характеристика источников государственных архивов по беженцам Первой мировой войны на Алтае 48

РУХАНИЯТ ТАРИХЫ • ИСТОРИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ • HISTORY OF SPIRITUAL CULTURE

Torlanbayeva Kenzhe. Pre-Islamic roots of the Sufi brotherhood of Yassaviya in Central Asia 54

ТАРИХ • ИСТОРИЯ • HISTORY

Айболат Кушқумбаев. Военное право и воинская дисциплина в монгольской и золотоордынской армии 59

РЕЦЕНЗИЯЛАР • РЕЦЕНЗИИ • REVIEWS

Светлана Ковальская, Вячеслав Меньковский, Александр Максимович Рецензия на книгу К.Н. Абдуллаева «От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века» 77

Жулдыз Тулибаева. Рецензия на книгу А.К. Султангалиевой «Город и люди: социокультурная трансформация в Казахстане» 84

БІЗДІҢ КІТАПТАРЫМЫЗ • НАШИ КНИГИ • OUR BOOKS

Алмас Ерназаров. «Қазақстан тарихы шетел мұрағаттарында» көптомдық ақпараттық анықтамалығы 87

Ернар Оразбек. Рецензия на книгу «Археология Семиречья. 1857–1912 гг.: Сборник документов и материалов» 89

Авторлар туралы мәлімет 92

ҚАЗАҚСТАН МҰРАҒАТТАРЫ

Еділбек Әлиев

Жамбыл облыстық мемлекеттік мұрағатының мұрағатшысы

ЖАН ҚАЙҒЫ

(Мақаланың жалғасы, басы алдыңғы санда)

7. «ЖАУ ЖАҒАДАН АЛҒАНДА БӨРІ ЕТЕКТЕН»

демекші ашаршылық кезеңінде «тап жаулары» мен «қоғамға қауіп төндіретін элементтерді» кәмпескелеу науқаны қатар жүріп жатты. Мысалы «кулак» деп табылған азаматтар мал ұстау, адам жалдау құқынан айрылып, өзге аймақтарға тіпті, Қазақстаннан тыс жерлерге жер аударылды. Олардың құқы аяққа тапталды. Оның себебі бар еді. И.Сталин, В.Молотов 1932 жылдың 8 қарашасында барлық басқару органдарына мынандай жеделхат жолдайды: «ЦК и СНК предупреждает вас, что случае если в кратчайший срок не будет организован в республике действительный перелом в хлебосдаче, они будут вынуждены прибегнуть к мерам репрессии» (Хангелді Әбжанов, «Егемен Қазақстан», 22 мамыр 2012 жыл). Кулактар өзінің меншігіндегі жерлерді иелену құқынан айырылды. Коммунаның жерін игеруге мәжбүр болды. Және олардың мал-мүлкін тәркілеуге, ешқандай сот араласқан жоқ. Байлардың қолындағы барын тартып алу үшін жаңа құрылып жұмыс істей бастаған колхоз мүшелерінің жалпы жиналысының қабылдаған шешімі де жетіп жатқан еді.

Сонымен бірге сыбайлас жемқорлыққа, бандитизмге қарсы күрес секілді науқан белең алды. Ақ гвардияның қалдықтары өзге де коммунистерге қарсылық көрсеткен партиялардың мүшелері жат таптың элементі ретінде танылса, партия қатарын жиі-жиі ондай жат элементтен тазартып отыру жөніндегі жиындар жаңа советтік құрылымдар арасында жиі өткізілді. Әсіресе 1931-1933 жыл аралығында ауылшаруашылығы өнімдерінен жоспарлы көрсеткіштерге қол жеткізе алмаған шаруашылықтардың басшылары қуғындалды, сотталды, партия қатарынан шығарылды. Тіпті ату жазасына ұйғарылды. Мысалы қазіргі Байзақ ауданы аумағындағы Ынтымақ колхозының бастығы Дуб Бункайнатов 480 гектар егістік алқабының 300 гектарына ғана дән сепкен. Мұрағат құжаттарында кемшіліктің неден орын алғаны жайлы айтылмайды. Мүмкін қаржы, өндіргіш күштер (адам күші) немесе техника жетіспеушілігі себепші болған шығар, қалай десек те «қилы-қилы... қарағай басын шортан шалған заман ғой». Қуаңшылықтың қатты болғаны сондай танаптардың аптап ыстық, аңзақ желмен кензесі кеуіп, алқаптағы дән шықпай жатып, күйіп кеткенге ұқсайды. Ағын судың да жетіспеуі мүмкін. Болмаса осыншама алқаптан

жоспардағы 603 центнердің орнына бар болғаны 9 центнер өнім алу мүмкін емес қой. Шаруашылықта мақта өндіру жоспары 1 пайызға ғана орындалған. Әулиеата аудандық партия комитеті бұл ячейкада партиялық ұйымдастыру жұмыстары дұрыс жүргізілмеген деп тауып, 1933 жылы бастығын қамаққа алған. Бастықтың одан арғы тағдыры беймәлім. 1931-1933 жылдары партия мүшелерін жат элементтерден тазалау аталған ауданның барлық шаруашылықтарда жүрген. Мысалы Шаповаловка ауылында (бұрынғы «Трудовой Пахарь» колхозының орталығы) партия ячейкасындағы Гринев және Цепнев екеуі де партияға кандидат еді. Бірі ячейка бастығы, бірі ауылдық советтің төрағасы. Алайда 1932 жылы ауылшаруашылығы өнімдерін өндіру жөніндегі белгіленген жоспарды орындамаған осы ұйымда шаруашылық мүшелерінің қатысуымен үлкен жиын болады. Аудандық партия комитетінің өкілі мен басқосуда сөз сөйлегендер партия мүшелігіне кандидат екі бастықты да астықты талан-таражға салды деген сылтаумен әрі бұрынғы кулактардың құйыршық- қалдығы ретінде, Совет өкіметіне қарсы жат таптың элементі деп таниды. Қостөбе ауылындағы «Красная Звезда» колхозы құрылғанда шаруашылық есебінде 218 ат, 115 бие, 93 жабағы тай болды. Ал 1933 жылдың қаңтар айына дейін осы малдың 10,5 пайызы ғана қалған. Сол үшін бұл колхоз жат таптың элементтерінен былғанған деп танылып, басқарушылар қамаққа алынады.

Құмжота колхозының партия ұйымының хатшысы Алтыбек Тілеукеев қайтыс болған әкесіне діни рәсіммен бата жасату үшін үйіне 2 молда шақырып, құран оқытады, 500 рубль ақша береді. Осы үшін хатшы орын толмас өкінішке ұрынады. Үстінен түскен шағым арызға байланысты ауылға аудан орталығынан арнайы құрылған комиссия келіп шаруашылықтағы есеп-санақ жұмыстарын тексереді. Шаруашылық жұмысына қаншалықты қатысы бар екені белгісіз 3 мың рубльді талан-таражға салды және астықты тонады, совет өкіметіне жат әрекет танытты деген айып тағып, партия ұйымының хатшысын ең ауыр- ату жазасына кеседі. №15 ауыл советі бұл кезде 3 колхозды біріктіруші еді. Көкөзек ауылында 7 адам, Қарасу ауылында 15 адам, Батырақ ауылында 8 адам- барлық коммунистер саны 30 болатын. Партия ұйымының хатшысы Шере Күлмурзаев шала сауатты кісі екен. Мұнда да 1932 жылы мемлекетке астық және мақта өткізудің науқандық жоспары орындалмай қалған. Ал Шере жазасын жеңілдету үшін соңғы мүмкіндіктің бәрін жасайды. «Қуаңшылық болды, су жетіспеді, тұқым дұрыс аудандастырылмады» деген шындық, дәлел сөздер әдірем қалды. Бастық сол кездегі елімізде кең етек жайған тоталитарлық жүйенің қатал тәртібінің бұғауынан құтыла алмады. Хатшы жұмыстан босатылып, ісі сотқа беріледі. Бұл бір ғана қазіргі Байзақ ауданына тән. Жалпы сол кездегі Әулиеата аудандық коммунистік партиясына қарасты колхоздардағы астық, мақта, мал өнімдерінің жоспарлы көрсеткіштерін орындай алмай жазаланғандардың сандары жетіп артылады (облыстық мұрағат, 778-қор).

Әулиеата аудандық партия комитеті әр коммунисті мұқият тексеру арқылы партия қатарын тазалау жұмыстарының қорытындысы шын мәнінде репрессия жүргізумен тең еді. Жоспарды орындамаған басшылар

кінәлі болып табылған. Олар шынында да кінәлі ме еді. Әрине жоқ. Олардың қолында шаруашылықты басқаруды жетілдірудің әдістемелік құрал тетігі болған жоқ. Әрі табиғат құбылыстарын жерден реттеп басқаратын жаратушы да емес, ауылдың қарапайым азаматтары болатын. Бар қолдан келетіні жоғары жақтың тапсырмасын орындату үшін қарамағындағыларды қорқытып, қолындағы қамшымен бастарына қара аспанды үйіріп, аузынан боқтау сөзді төге жүріп жұмысқа жегу болатын. Жазушы Ғалым Ахметовтың мына бір сөзі оған дәлел: «Қаладан (Әулиеатадан Е. Ә.) алпыс-жетпіс шақырым жерде Новоивановка деген орыс селосы бар екен, қазақтар оны Жетібай дейді. Селоның орыс тұрғындары түгел дерлік қашып кеткен. (әңгіме 1931 жыл туралы болып отыр. Е. Ә.)... Ауданнан келген бір жауапты қызметкер сол маңдағы колхоз басшыларын жинап, мәжіліс өткізіп жатыр екен...колхоз басшыларын біресе орысшалап, біресе қазақшалап боқтайды...осылай сөйлеспесең, бұлар жоспарды орындамайды дейді» деп жазады ол өз естелігінде.

8. ҚАЗАҚТЫҢ МАЛЫ – ЖАНЫ, МАЛЫ – БАҒЫ

Осы жерде тақырыбымызға сай елімізге, тіпті біздің облысымызға да ішінара тікелей қатысы бар мынандай бір мысалды айта кетпесе тағы болмайды. Біз Совет өкіметі тұсында Қазақстан үнемі мал, оның ішінде, қой шаруашылығын өркендетуде зор жетістікке жетті деп біржақты мақтаумен келдік. Алайда сол кездегі Ресей, кейін совет өкіметінің билігі қазақ жеріндегі қаншама сапалы азық-түліктен-ет өнімдерінен айрылғанын мынандай цифрлармен дәлелдеуге болады.

1913 жылы қазақ жеріндегі жылқы саны 35 846 900, ірі қара 52 388 600, қой 80 305 000, ешкі 5 762 600, шошқа 16 844 200 екен. Барлығы 191 557 300 мал болыпты. Ал, атақты тың көтеру жылдарынан кейінгі 1961 жылы есеп бойынша жылқы - 4 233 900, ірі қара - 4 953 900, қой – 17 203 800, ешкі - 2 793 700, шошқа - 173 500 болатын. Яғни, қазақ жеріндегі жалпы мал саны 29 358 800 бас қана болған. Сөйтіп бар болғаны 58 жылдың ішінде қазақ жерінің ен төскейінде мыңғырып еркін жайылған төрт түлік мал саны бақандай 162 миллион 198 мың 500 басқа азайған. Пайызға шаққанда бар жылқының - 11,8, ірі қараның - 9,5, қойдың - 21,3, ешкінің 49,3, шошқаның 1,3 пайызы ғана қалған. («Победа социализма в Казахстане». 1961 жыл 84- бет).

1960 жылдың ортасынан бастап еліміз мал санын арттыруды қолға ала бастады. Қазақстанда шошқа мен қой санын өсіру жөнінде орталық комитет арнайы қаулы қабылдайды. Жамбыл облысындағы жаңа ірілендірілген ауылшаруашылығы артельдерінің мүшелерінің бәрі бірауыздан мал шаруашылығын өркендету жөніндегі бастаманы бір ауыздан қолдайды. Тіпті, сол жылдардағы Жамбыл облыстық «Еңбек туы» және аудандық газеттердің мақалаларына көз жүгіртсеңіз торай бағып, «бақ пен бақытқа» кенелген қазақтарды да кездестіресіз. «Қойды 50 миллионға жеткіземіз!» деген ұран да көтерілді. Ауыл жастарының белгілі бір бөлігі жоғары білім алуды қойып, мектеп қабырғасынан шыға сала тек қана мал

бағуға жегілді. Бұл да кеңес өкіметі тарапынан жіберілген кемшіліктің бірі еді. Алайда шошқа да, қой да көздегендей деңгейге жетпеді. 1985 жылға дейін «қой 32-36 миллионға жетті» деген екі ұштылау мәлімет бар.

Сөйтіп, шет елдерде отарланған Австралия, Мексика, Аргентина, тағы да басқа мемлекеттерде байырғы тұрғындардың ежелгі кәсібі мәдени түрде жетілдіріліп, азық-түлік, оның ішінде, ет өнімдері арта бастаған тұста совет мемлекеті керісінше малды қысқартуды көздеп, мал жайылымын жыртып, тоз-тоз етті. Бергін келе халық саны, әл-ауқаты артқан кезде азық-түлік қорының ішінде ет өнімдерінің жетпейтіні байқалды. Бұған дейін Американың өзі қазақ жерінен сапалы ет өнімдерін алып келсе, совет өкіметі орнаған соң бұл алыс-беріс мүлдем тоқтады. Патшалық Ресей кезінде қазақ жерінің кез келген аймағында малдың көп болғанын және оның баспа-бас айырбас құралына айналғанын мына цифрлар дәлелдей түседі. Ресей 1910 жылы Әулиеатадан 10 мың ірі қара, 200 мың уақ мал, 14 мың жылқы, 9 мың сиыр, 20 мың түйе, 100 мың қой терісі, 60 мың пұт қой жүні, 2 мың пұт түйе шудасын алған. Және бұл көрсеткіш жыл сайын қайталанып отырған. («В борьбе единства мы нашли», Ә.Жүргенов 1972 жыл). Ашаршылықтың алдында 1928 жылы Қазақстанда ең ірі тәркілеу жүргізілді. «Осенью 1928 года Казахстане было проведено еще одно крупное и важное социально-экономическое мероприятие – конфискация скота и имущества у 700 наиболее влиятельных баев – полуфеодалов. В результате этого 150000 крупный рогатый скот и д...были переданы в руки казахских трудящихся масс» («Победа социализма в Казахстане», С.Бәйішев 1961 жыл). Осы тәркілеуден кейін ауылдық жерлерде қолында меншік малы бар ауқаттылар санының 5 пайызы ғана қалған. Бұрын жалдамалы күш, яғни, ауыл халқына нанын тауып беріп отырған байларды құртқан соң жұмыссыздар көбейді. Ал тәркіленген малдың бәрі қарапайым еңбекшілердің қарнын томпайтқан жоқ. Олар бір орталыққа шоғырландырылып, коммуна меншігіне берілді. Одан әрі билік бұйрығымен өзге аймақтарға жөнелтіліп жатты.

Қазақстан коммунистік партиясы орталық комитеті 1929 жылы мал шаруашылығын өркендету туралы шешім қабылдады. «Вопрос о формах организации живодноводческих колхозов еще совершенно не проработан. Необходимо в ближайшее же время провести обследование немногих уже существующих живодноводческих колхозов и тщательно изучить результаты обследования» делінген сол жылғы қаулылардың бірінде. Алайда мемлекет басшылары мал шаруашылығын жедел түрде өркендетудің жолын таба алмай, бастаған істерінің тұйыққа тірелгенін сол жылдардағы қабылданған құжат негіздеріне сүйене отырып зерделеуге болады. Кемшіліктің ең басты себебі мемлекеттегі қазына қорының таяздығы, қаржының жетіспеушілігі еді. Сол жылғы ВКП/б/ ОК ноябрь /қараша/ пленумы былай деп атап өтеді. «Государственная помощь колхозам оказывается лишь при условии растущих вложений в колхозы со стороны самого крестьянства». Бұл кезең қолында малы барларды тіркеуден қайта өткізіп, олардың арасында бай, кулак деп танылғанының малын тәркілеп жатқан уақыт еді. Билік өкілдері жергілікті азаматтардың

шаруашылық жұмыстарын басқаруын қаламады. Кулактармен «жең ұшынан жалғасып кетеді» деп ойласа керек. Сырттан «еті тірі» адам іздеді.

Сондай «еті тірі» адам басқарған көптеген шаруашылықтардың қожалықтары малмен тез арада толыға бастады. «Еті тірі» адамдардың құрамын кім толықтырды? Олар орыс революциясында тап жауларымен күресте шындалып, жаңа өкіметтің сеніміне енген әрі советтік өнеркәсіп пен өндіріс саласында ірі табыстарға қол жеткізген Ресейдің Мәскеу мен Ленинградтың зауыт, фабрикаларынан Қазақстан жеріне жаңа құрылған шаруашылықтарды басқару үшін арнайы жіберілген, «жиырмабесмыңыншылар» деген атпен белгілі болған, жай ғана қатардағы жұмысшылар болатын. Өмірі мен еңбек жолын қалалардағы өндіріс пен өнеркәсіп салаларында бастаған олардың ауылшаруашылығы саласын басқаруға қыры бар ма, жоқ па деген сауал ешкімді толғандырған жоқ. Облыстағы алғаш артель болып құрылған және араға көп уақыт салмай колхоз атауына ие болған қазіргі Жуалы ауданына қарасты Кантемировка, Казанка, Алексеевка, Бурно-Октябрьская, Бурное станциясы, Петровка, Ново-Покровка секілді орыс елдімекендеріндегі шағын шаруашылықтарды «жиырмабесмыңыншылар» басқарды (778-қор). Олардың ерекше жеңілдіктерге де ие болғанын аталған қор құжаттары айғақтайды. Жұмыстағы ұйымдастырушылық қабілеті жоғары деп саналған олардың әрқайсысы жеке баспанамен қамтамасыз етілді, үйлеріне телефон байланысы орнатылды. Күнделікті атқарған жұмыстары қабырға газеттері арқылы жарияланып тұрды. Ұжымдарға жолдамамен жіберген ұйым басшылары олардың әрқайсысының іс-сапарының құнын толық төлеп отырды. Жалақылары уақтылы қолдарына тиді. Өкінішке орай 1930-1931 жылдары нағыз жұт басталғанда олардың басым бөлігі келген жолдарымен кері тартып отырған. Атап айтқанда олардан келген пайда шамалы болды. Ауыртпалық тағы да кезінде орталық басқару саласының тізгінін бермеген жергілікті кадрларға түсті.

Орталық комитеттің қаулысын басшылыққа алған Әулиеата ВКП/б/ аудандық комитеті 1930 жылдың 18-21 қаңтары аралығында 3-ші кеңейтілген пленум өткізеді. Пленум соңында ауданда мал шаруашылығын өркендету туралы қарар қабылданады. Онда аудан аумағындағы совхоздардағы 300 ірі қараны 1933 жылға дейін 15000-ға, колхоздардағы 4000 ірі қараны 44000-ға жеткізу көзделген. 1930 жылы совхоздарда - 3000, колхоздарда 35000 қой болыпты. Пленум қабылдаған қарарда 1933 жылы қой санын тиісінше 100000-291000-ға жеткізу міндеті қойылған. Одан бөлек жылқы, қоян, құс, шошқа шаруашылықтарын барынша жедел дамыту туралы шаралар қарастырылады. Жергілікті жылқылардың тұқымын жақсартып, асылдандыру мақсатында Ақыртөбе, Шаповаловка, №6 ауыл, Кеңес, Беласар, Билікөл ауылдарынан қолдан ұрықтандыру пункттерін ашуды мақсат етеді. Әулиеата қаласында қоян және құс түрлерін көбейту, өнімділігін арттыру үшін тұқымын асылдандыру көздері де ұқыпты қарастырылған. Спиртзавод жанынан 2000 малға арналған бордақылау базасының, 5000 ірі қараға, 15000 уақ малға арналған мал қораларының құрылысын 1930 жылдан кешіктірмей бастау керектігі міндеттелген.

Сонымен бірге мал майы мен сүт өнімдерін ұқсататын арнайы кешенді құрылыс базасын пайдалануға беру туралы айтылады. Малды аман сақтау үшін жаңа құрылған ұжымдарды білімді кадрлармен қамтамасыз ету, жемшөп қорының әлеуетті базасын жасау да назардан тыс қалған жоқ. 1930 жылы кем дегенде 10000 ірі қара бордақылайтын 25 өндірістік бірлестік құру және кем дегенде қоғамдық малды барынша көбейтетін 15 колхоз ұйымдастыру керек делінген пленум қарарында (778-қор). Алайда бұл болжамдардың жолы кесілді. Ол қалай кесілді?

(Мақаланың жалғасы келесі санда)

МҰРАҒАТ ҚҰЖАТТАРЫ

Гүлмира Күлмұханбетова

Алматы облыстық мемлекеттік мұрағатының бас директоры

Гүлназ Якубова

Алматы облыстық мемлекеттік мұрағаты бас директорының орынбасары

АШАРШЫЛЫҚ ТУРАЛЫ МҰРАҒАТ ҚҰЖАТТАРЫ НЕ ДЕЙДІ?

Тарих бетіндегі деректерге көз салсақ, қазақ халқы 20-шы ғасырдың басында 1931-1933 жылдары ашаршылыққа ұшырағаны баршамызға мәлім.

Міне, биыл осы аталған ашаршылық нәубетінің ата-бабаларымыздың басынан кешкеніне 80 жылға жуық уақыт өтсе де ел есінде сақталған «Ұлы жұт» ұрпақтан-ұрпаққа тарих болып қала беретіні анық.

Мұрағат ісінің негізгі бағытының бірі мұрағатта сақтаулы тұрған тарихи маңызы бар құжаттарды баспасөз беттеріне жариялау және оны ғылыми айналымға енгізу болып табылады.

Осы міндеттерді жүзеге асыру мақсатында Алматы облысының мұрағаттар және құжаттама басқармасы мен Алматы облыстық мемлекеттік мұрағатында бірқатар жұмыстар атқарылуда. Атап айтқанда:

Біріншіден, 1931-1933 жж. ашаршылыққа қатысты мұрағат қорлары анықталды;

Екіншіден, 2010 жылы «Қазақ халқының қасіреті» атты құжаттар мен материалдар жинағы жарық көрді;

Үшіншіден, ашаршылықтың 80 жылдығына орай «1931-1933 жж. Алматы облысындағы ашаршылық» атты құжаттар көрмесі дайындалуда;

Төртіншіден, осы тақырыпқа байланысты ғылыми жұмыспен айналысатын зерттеушілер мен ізденушілерге әдістемелік көмектер көрсетілуде.

Сонымен бірге мұрағат құжаттарына сүйене отырып, 1931-1933 жылдардағы халқымыздың басынан кешкен ашаршылық нәубетіне қатысты барлық мұрағат деректерін қамту мүмкін емес болғандықтан, кейбір мәселелер мен деректерге ғана шолу жасауды жөн көрдік. Өлкедегі ашаршылық тарихы туралы мұрағат құжаттары не дейді?

БК(б)П облыстық атқару комитеті уәкілінің «аса құпия» бағанды баяндама хатында «... Откочевка, связанная с продовольственными затруднениями, началась в октябре 1932 года. ... Особенная острота чувствовалась во второй половине декабря и первой половине января 1933 года, т.е. приняла массовый характер, в то же время наблюдались случаи смертности в отдельных колхозах, не смотря на то, что районные организации особенной тревоги не проявляли, считая положения терпимым, однако упрямые цифры показывают обратное...» деп көрсетілген¹.

Халық комиссарлары кеңесінің жанындағы атқару комиссиясы төрағасы орынбасарының Шу ауданы бойынша жазған баяндама хатында былай делінген: «... На сегодняшний день ... район в основном находится в чрезвычайно тяжелом положении. ... По данным учета объектов на май 1931 года числилось хозяйств – 12787, душ – 63451, на май 1932 года хозяйств – 6665, душ – 20277 (уменьшение почти в два раза – А.Т.). ... Положение усугубляется эпидемическими заболеваниями ...»². Елді жайлаған аштық пен зорлық-зомбылыққа шыдай алмай, ішерге тамақ таба алмай ашаршылыққа ұшыраған көптеген қазақ отбасылары көршілес Қытай, Монғолия, Ресей, Өзбекстан, Қарақалпақстан және тағы да басқа мемлекеттерге қашып кетуі және аштық кезінде пайда болған жұқпалы аурулардан халықтың жаппай қырылғандығы туралы бүгінгі күні бәрімізге де белгілі.

«Балхашстрой» басшысы Каринский Ф. Голощекин мен И. Құрамысовқа жазған жеделхатында былай дейді: «Откочевщики продолжают идти большими партиями со всех сторон Голодной степи на Бертыс, преобладают пешие, из них выбывают по пятнадцать человек в среднем ежедневно. В настоящее время насчитывается около 500 юрт – свыше 2 тысяч человек, продпомощи нет ... возможны эксцессы на почве массового вымирания...»³.

Бұған жоғарғы басшылық немқұрайдылықпен қарады. Осы жағдайға байланысты облыстық Орталық атқару комитетіне жедел хаттар жіберіліп жатты. Солардың бірінде былай делінген: «... Наряды продпомощи до сих пор не получены, положение угрожающее.»⁴ Мұрағатта сақтаулы құжаттарға сүйене отырып, осы кезеңдегі ата-бабаларымыз өздерінің және отбасыларының амандықтарын сақтап қалу үшін көршілес елдерге жаппай көшуге мәжбүр болғандарына анық көз жеткізуге болады. Осы кезеңде облыс басшылары тарапынан көшпенділерді кері қайтару үшін бірқатар шаралар қолданыла бастады.

Халық комиссарлары кеңесінің төрағасының орынбасары Т. Құлұмбетовке және БК(б)П облыстық атқару комитетінің хатшысы И. Құрамысовтың атына облыстық атқару комитетінің төрағасы И. Молдажановтың жазған баяндама хатында мынадай мәліметтер келтірілген: «Считаю необходимым информировать о положении дел по возврату и устройству откочевщиков.

I- По неполным данным из 14 районов Алма-атинской области откочевало:

В Киргизскую Республику	7312 х-ств.
В Китай	11530 х-ств.
Внутри области, межрайонные откочевки	– 17204
В другие области КАССР	923 х-ств.

Всего 37970 х-ств.

при чем отсутствуют данные от 7 районов, а именно: Т. – Курганского, Урджарского, Коунрадского, Четского, Алакульского, Лепсинского и Октябрьского.

II.- По данным на 28/VII-32 года возвратилось из Кирреспублики 686 х-ств., из Китая – 305 х-ств., из других районов внутри области к своим

прежним местожительствам – 3527 х-ств. Однако нужно отметить, что возвращение этих хозяйств проходили стихийно, без организованного планового руководства со стороны области и районных организаций, благодаря этому во многих районах эти хозяйства до сих пор продолжают бездействовать нам неизвестно где и как они устраиваются.

3/ Краем было отпущено возвратная продсуда 45060 цен.
безвозвратная 20480 цен.

Назначением этих фондов - оказать продовольственную помощь нуждающимся населением вообще и возвращающимся в частности.

Этот фонд распределен по районам, за исключением 2 тысячи цент. которые оставлены в распоряжении областной комиссии»⁵.

Бірақ, халық басқа елдерге көшкенімен жағдайлары жақсарған жоқ. Сандалған жұрт кері көшіп келгенімен, әлеуметтік-экономикалық мәселелері толық шешілмегендіктен қайта көшуге мәжбүр болды: «... По мимо действительного хозяйственного устройства, уже возвратившихся х-ств перед нами на сегодня стоят три серьезных вопроса:

1- Мероприятия по возвращению из Киргизии.

Как было сказано выше на территории Киргизии на сегодня остается 6626 х-ств откочевников, есть случаи, когда эти хозяйства стихийно возвращаются на территории Казахстана, но не встречая организованного приема обратно откочевывает в Киргизию (Чу и Курдай). Разумеется, такое неорганизованное движение приведет к массовой голодовки и смертности. Полагаю, что из 6626 х-ств должны возвратиться на территорию области 4000 х-ств, остальные осядут на территории Киргизии...»⁶.

Сол кездегі оқиғаның куәгері 1923 ж. қазіргі Қарасай ауданы Еңбекші ауылында дүниеге келген Қамза Әлімұлы атамыздың аузынан жазып алынған әңгімеден үзінді келтірсек: «1932 жылдың суық күзінде бас сауғалап, жаяулатып Шамалған стансасына жеттік. Бір орыс машиниске алтын-күміс беріп, жүк пойызына отырдық. Бағытымыз - Қырғызстан, ол жерді ашаршылық жайламапты дегенді естігенбіз, мақсатымыз сонда жету. Қанша жүргеніміз есімде жоқ, пойыз бізді Тоқымақ қаласына әкеліп тастады. Стансаға түссек, ана жер, мына жерде сіресіп өліп жатқан қазақтар. Қала халқының дені өзбектер екен, олар ашаршылыққа ұшырамаған тәрізді... шайхана табалдырығында қатып қалған қазақтардың өлі денелерін киген киімдерінен танысың.»⁷.

Осы жоғарыда аталған қиын жағдайлар халықтың басына нәубет түсіріп, адамдардың жаппай қырылуына әкеліп соқты. Бұл туралы мұрағат құжаттарында көптеген жан түршігерлік мәліметтер кездеседі. Мысалы: «В одной из хат селения Касык обнаружено три трупа. Глава семьи и двое детей, у одного из которых был разрезан живот и удалены печень и легкие. При вскрытии главы семьи в желудке последнего оказалась печень ребенка, съеденная в сыром виде.»⁸.

Қорыта келгенде, Кеңес үкіметінің жүргізген саясаты, яғни, көшпелі қазақ халқын отырықшылдыққа көшіруі, халықты жаппай ұжымдастыруы, аяқ астынан зорлықпен іске асырыла бастаған мал, астық салығы және халық мүлікінің тәркіленуі, сондай-ақ, малдардың жаппай қырылуы халыққа үлкен

зардаптар шектіріп, қазақ халқының тарихында болмаған демографиялық апатқа әкеліп соқтырды.

¹ ГААО, ф.1, оп. 15, д. 56, л. 12.

² ГААО, ф.1, оп. 15, д. 60, л. 2.

³ ГААО, ф.685, оп. 1, д. 26, л. 26.

⁴ ГААО, ф.1, оп. 15, д. 8, л. 1.

⁵ ГААО. Ф. 685. Оп.4. Д. 37. Л. 31-33.

⁶ ГААО. Ф. 685. Оп.4. Д. 37. Л. 31-33.

⁷ Қазақ халқының қасіреті. Құжаттар мен материалдар жинағы: XX ғасырдың 20-шы, 30-шы жылдарындағы Қазақстандағы ашаршылық. Алматы: - 2010, - 69 бет.

⁸ ГААО, ф.1, оп. 15, д. 8, л. 1.

Баршагүл Диханбекова

Алматы облыстық мемлекеттік мұрағатының бас қор сақтаушысы

АЛМАТЫ АЙМАҚТЫҚ МҰРАЖАЙЫ МҰРАҒАТ ДЕРЕКТЕРІНДЕ

Мұражай – әр халықтың рухани асыл қазыналарын жинақтап, тарихтың өткені мен бүгінін жалғап отырған көпір іспеттес.

Мұражай - қай заманда болмасын қоғамға аса қажет орда. Өткен тарихқа сапар шеккіңіз келсе, мұражайға барыңыз. Ол – халықтың өткені жайлы көптеген мәліметтер береді. Оның жәдігерлері сол заманның тілімен сөйлейді.

Қоғамдағы мұражайлардың өзіндік орнын жұртшылықтың жақсы тануын қамтамасыз ету үшін Халықаралық Мұражайлар Кеңесі (ICOM) 1977 жылы 18 мамырды – Халықаралық мұражайлар күні (IMD) деп жариялады. Содан бері бұл күн әлемдік деңгейде аталып келеді.

Қазір елімізде мұражайдың түрлері өте көп. Олардың саны күннен-күнге артып келеді. Мұражай тарихының іргесін қалаған алғашқы қарлығаштарының бірі - 20 ғасырдың басында өз жұмысын бастаған Алматы қаласында ашылған Алматы аймақтық мұражайы. Оның тарихы 19 ғасырдың соңынан бастау алады. Алматы аймақтық мұражайы туралы деректер Алматы облыстық мұрағатының қор құжаттарында сақталған. Сол құжаттарға сүйенсек 1879 жылы Верный қаласында Жетісу облыстық статистикалық комитеті құрылды. Оның мүшелері сол кезеңдегі атақты өлкетанушылар А. Кушакевич, Н. Аристов, Л. Костенко, Н. Пантусов және т.б. еді. Олар Жетісу өлкесін жан-жақты зерттеу жұмыстарымен айналысты.

1898 жылы Н.Н.Пантусовтың басшылығымен осы статистикалық комитет жанынан мұражай ашу туралы бастама көтерілді. Мұражайға жәдігерлер жинақтауға көмек сұрап статистикалық комитет мүшелері институттарға, сол кезеңде ғылыми жұмыстармен айналысқан мекемелерге өтініш- хаттар жаза бастады. Бұл хаттар өз кезегінде қолдау тауып, мұражайға қажетті құнды жәдігерлер жинақтала бастады. 1898 жылдың өзінде-ақ жинақталған жәдігерлердің саны мұражайға жеке ғимарат бөлуді қажет етті. Мұражай алғашында Н. Пантусовтың үйінде орналасты. Н.Пантусов туралы қысқаша айтып өтсек, ол – өз ғұмырын Қазақстанды және Орта Азияны зерттеуге арнаған белгілі орыс археологы, географы, этнографы. Бірнеше ғылыми еңбектердің авторы. 1874 жылы Верный қаласына қызметке келіп келіп, 30 жылдай қаланың ғылыми-мәдени өміріне белсене араласты. 1896-1907 жылдары Жетісу статистикалық комитетін басқарды. Ол мұражайды өз қамқорлығына алып, өзі алғашқылардың бірі болып мұражайға өзінің археологиялық-этнографиялық коллекцияларын, жеке кітапханасындағы кітаптарын, ғылыми еңбектерінің қолжазбасын сыйға тартты.

Мұражайдың алғашқы меңгерушісі және оның іргесін қалаушылардың бірі Статистикалық комитет хатшысы В.Е.Недзвецкий еді.¹

1913 жылы статистикалық комитет мұражайға арнайы ғимарат бөлді. 1925 жылға дейін мұражай Жетісу облыстық мұражайы деп, 1925 жылдан 1928 жылға дейін Жетісу губерниялық мұражайы деп, 1928 жылдан 1930 жылға дейін Алматы аймақтық мұражайы деп аталды. Мұражай алғашында тарихи-жаратылыстану, тарихи-мәдени бөлімдерден тұрды.. Тарихи-жаратылыстану бөлімі-зоологиялық, ботаникалық, геологиялық бөлімшелерден, тарихи-мәдени бөлімі - этнографиялық, археологиялық, тарихи, нумизматикалық бөлімшелерден тұрды. Мұрағат деректеріне сүйенсек, 1922-1923 жылдары мұражай қоры 11215 жәдігерді құрады.²

Мұражайдың сол кезеңде халыққа қажеттілігін мына деректерден байқауға болады. 1920 жылы мұражай есігі келушілерге 120 рет ашық болды. Сол жылы мұражайды 20682 адам көріп қайтқан. Мұражайды қаржыландыру сол жылы 490 сомды құраған. Экспедицияға 600 сом бөлінген.³

Қызметкерлер құрамы 1921 жылғы 13 мамырдағы мәліметке сүйенсек 7 адамнан тұрды. Мұражай меңгерушісі В.Д. Городецский, геологиялық бөлім меңгерушісі Е.И. Сергеева, кітапханашы Ф.В. Рябинин, археологиялық –этнографиялық бөлім лаборанты И.А.Чеканинский, зоологиялық бөлім лаборанты С.А.Харин, күзетші Н.Календаров, еден жуушы Ш. Календарова.⁴ Мұражай 1921-1922 жылдары көптеген қиыншылықтарды бастан кешірді. Қаржы жағы жетіспеді. Қыста жылу берілмеді. Соның себебінен білікті мамандар тұрақтамады. Соған қарамастан мұражай өз қызметін тоқтатқан жоқ. Ол сол кезеңдегі ғылыми орталыққа айналды. Оның көмегіне көптеген мекемелер жүгінді.

Қаражаттың жетіспеуінен 1922 жылдан мұражай ақылы қызмет атқара бастады. Ол туралы мұрағат құжаттары былай дейді:

«Вести входную плату за посещение музеев по всей Республике, за исключением одного дня в неделю для бесплатных групповых посещений. Установление размера платы за индивидуальные посещения определен в 2

рублей с каждого взрослого и в 1 рубль с каждого малолетнего посетителя».⁵

Мұражай жанында 1922 жылдан Жетісу өлкесін зерттейтін қоғамдық ұйым және үйірме жұмыс істеген. Ол жергілікті зерттеушілердің басын қосты. Өлкетану мақсатындағы үйірмеге мектеп оқушылары мүше болды. Олар жергілікті жердің табиғатын, өсімдіктер әлемін зерттеуге өз үлестерін қосты.

Сонымен қатар мұражай жанында талапқа онша сай келмейтін лаборатория, шағын мұрағат болды. Мұрағатта өлке тарихын суреттейтін қолжазбалар, суреттер, күміс ыдыстар т.б құнды бұйымдар сақталды.

Мұражай қоры жалпы 2 жолмен: біріншісі- қайырымдылық жолымен, екіншісі-мұражай қызметкерлерінің іссапардан әкелген бұйымдарымен толықтырылып отырған. Оған қоса жергілікті тұрғындардың кездейсоқ тауып алған құнды бұйымдарын сатып алып отырған.⁶

Мұражай жәдігерлерін толықтыру және тарихи-мәдени ескерткіштерді қорғау, оларды мұражай қарамағына алу мақсатында мұражай басшылары жастар ұйымдарымен, облыстық атқару комитеттерімен хат алмасып тұрған.

Талғар коммунистік жастар комитеті президиумына жазған хатында:

«Товарищи комсомольцы, оказать услугу музею по сбору тех археологических предметов, которые населением случайно найдены при хищнических раскопках. Соберите их из рук населения, по при этом запишите точно где, когда, при каких обстоятельствах, на какой глубине они взяты, кем. Если можете, то сделайте описание того места, где произведена находка. Особенно ценны для музея предметы с надписями (камни, монеты, пластинки) рисунками и украшениями.»⁷

Ерте кезден-ақ мәдениеттің ошағы болған Жетісу өлкесі өзінің әсем табиғатымен, жер байлығымен орыс ғалымдарын қызықтырғаны белгілі. 20 хасырдың басында да Жетісу өлкесіне бірнеше экспедициялар келді. Мұражай басшылары бұл экспедициялармен тығыз байланыс орнатып, қажетті мәліметтерді жинақтап отырған. Өздері де экспедицияларға шығып Жетісу өлкесінің тарихын, өсімдіктер әлемін, жануарлар дүниесін зерттеуге үлестерін қосты. 1927 жылғы мамыр айындағы ғалым Б. Н.Дублицкийдің Талғар қаласы маңындағы ескі қала орнын зерттеу үшін шыққан археологиялық экспедициясының қорытынды есебінде ол: Монғол шапқыншылығына дейін ерте ортағасыр кезеңінде бұл аймақта елді мекен болғанын, оған дәлел ол жерден кездестірген әртүрлі көлемдегі қорымдарды, тасқа қашалып жазылған көне түркі жазуларын, әртүрлі бейнедегі салынған жануарлардың суреттерін, күйдірілген қыш ыдыстарды, қола және темір пышақтарды, садақ ұштарын тапқанын алға тартады.⁸ Бірақ қаражаттың жетіспеуі Жетісу өлкесін зерттеуде ауқымды жұмыстар атқаруға кедергі болды.

Мұражай өз қызметінде әртүрлі көрмелерге де қатысып, өз жәдігерлерін тамашалауға ұсынып отырған. 1927 жылы КСРО халықтарының өнер көрмесіне қатысып, Хлудовтың 12 туындысын ұсынған.⁹ Ленинград қаласындағы мемлекеттік эрмитажбен де жәдігерлер алмасып тұрған.

Оған қоса мұражай басшылары облыс аумағындағы тұрғындармен келісім-шартқа отырып, гербарий жинауға, қазақ халқының тұрмыс-тіршілігін бейнелейтін суреттер т.б құнды жәдігерлер жинауға шамалары келгенше қаражат бөліп отырған.¹⁰

Мұражай басшыларының 06.02. 1923 ж. «Мұражай, өнер, табиғат ескерткіштерін қорғау ісі жөніндегі Түркістан комитетіне» жазған хатында атақты суретші Хлудовтың Жетісу өлкесінде әртүрлі экспедициялар құрамында болған жылдарында салған, қазақ халқының салт- дәстүрін, тұрмыс тіршілігін, табиғатын бейнелейтін тамаша өнер туындыларын сатып алуға қаражат бөлуді сұрайды.

«Все эти экспедиции и поездки художником были использованы надлежащим образом, благодаря ему у него скопилось крупное богатство, имеющее огромное научное значение – а именно около 70 полотен его произведений, написанных с натуральными масляными красками на холстах, с размерами от 1-го до 2,5 кв. аршин, оцениваемое им 20 000 руб. золотом»¹¹

Сонымен қатар мұрағат деректерінен Хлудовтың 1926 жылы 9 маусымда мұражай басшыларына жазған өтінішін хатын да кездестіруге болады. Ол өз хатында өзінің қазақ даласында болған жылдарында салған, қазақ халқының жойылып бара жатқан салт-дәстүрін бейнелейтін 17 құнды туындысын қаражат тауып сатып алуды сұрайды.¹²

1929 жылы орталық мемлекеттік мұражайдың Алматы қаласына көшірілуіне байланысты Халық Комиссарлар Кеңесінің 10.07.1929 ж. № 32 қаулысымен аймақтық мұражай орталық мемлекеттік мұражаймен қосылып, оның ғимараты жоғарғы оқу орындарының қызметкерлеріне пәтер ретінде берілді. Басшылықтың мұражайды қалдыру туралы жоғары жаққа жазған хаттарына қарамастан ғимарат 1930 жылы босатылып беріліп, мұражай өз жұмысын тоқтатты.¹³

Өзінің қысқа ғұмырына қарамастан Алматы аймақтық мұражайы осы өлкені зерттеуге және оның мәдени дамуына айтарлықтай үлес қосты. Олардан қалған құнды жәдігерлер тарихымызды танытуға әлі де өз үлестерін қосуда.

¹ АОММ 187 қор, 1 тізімдеме, 41 іс, 1 бет

² АОММ 187 қор, 1 тізімдеме, 17 іс, 2 бет

³ АОММ 187 қор, 1 тізімдеме, 6 іс, 2-3 беттер

⁴ АОММ 187 қор, 1 тізімдеме, 12 іс, 3-4 беттер

⁵ АОММ 187 қор, 1 тізімдеме, 13 іс, 4 бет

⁶ АОММ 187 қор, 1 тізімдеме, 20 іс, 13 бет

⁷ АОММ 187 қор, 1 тізімдеме, 32 іс, 2 бет

⁸ АОММ 187 қор, 1 тізімдеме, 51 іс, 1-6 беттер

⁹ АОММ 187 қор, 1 тізімдеме, 43 іс, 53 бет

¹⁰ АОММ 187 қор, 1 тізімдеме, 57 іс, 11,14-19 беттер

¹¹ АОММ 187 қор, 1 тізімдеме, 21 іс, 8 бет

¹² АОММ 187 қор, 1 тізімдеме, 48 іс, 23 бет

¹³ АОММ 187 қор, 1 тізімдеме, 63 іс, 1, 156 беттер

Таусия Мармонтова

Кандидат исторических наук, доцент

**МАТЕРИАЛЫ ЦЕНТРА ДОКУМЕНТАЦИИ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ
ПО НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В НАЧАЛЕ
XX ВЕКА**

Несмотря на то, что сегодня г. Оренбург находится не на территории Казахстана, именно в документохранилищах первой столицы Казахстана отложились ценные документы, позволяющие пролить свет на многие события из нашей истории. Центр Документации новейшей истории сегодня стал местом хранения документов Центрального краевого архива Киргизской республики. В 1924 г. при организации партийного архива Оренбургского обкома КПСС туда поступили документы партийного архива Киргизской республики.¹ Документы архива Киргизской республики сегодня сосредоточены в Фонде Центра документации новейшей истории Оренбургской области.

В данной статье, на основе ряда документов данного фонда, предпринимается попытка проанализировать некоторые особенности национальной политики советской власти в первые десятилетия XX века.

Генеральную линию коммунистической партии в регионе определяли документы первых партийных конференций. Из целого ряда протоколов партийных документов становится ясно что «съезды киргиз высказывались все за совместную работу с русскими». Это отражало новые исторические реалии. 3 - 11 января 1920 г. в Актюбинске было созвано первое совещание Советов Киргизии. На нем присутствовало 150 делегатов. Был избран новый состав Киргизского ревкома, в который вошли Пестковский, Байтурсунов, Мендешев, Джангильдин, Айтиев, Мирзагалиев, Арганчев, Сидельников и др. В мае 1920 г. председателем Кирревкома стал В. Радус - Зенкович.

На заседании политбюро ЦК РКП(б) 25 августа 1920 г. было утверждено Киргизское бюро в составе В. Радус - Зенковича, И. Акулова, А. Джангильдина, А. Коростелева и др., а 26 августа декретом ВЦИК и СНК была образована Киргизская АССР. Дополнение к декрету от 22 октября 1920 г. предусматривало включение Оренбурга с прилежащими к нему районами в состав Киргизской республики на правах губернии. Оренбург стал столицей Казахстана.

Учредительный съезд Советов Киргизской АССР проходил в Оренбурге с 4 по 12 октября 1920 г. в здании клуба им. Свердлова. На съезде было представлено 273 делегата, из них 128 — казахов, 127 - русских, 18 делегатов - представители других национальностей. Съезд избрал ЦИК Киргизской АССР. В состав президиума КирЦИК вошли С. Мендешев, В. Радус - Зенкович, А. Джангильдин, С. Сейфулин и др. Председателем СНК республики был избран Радус - Зенкович.²

Протокол того самого заседания, проходившего в клубе Свердлова, сегодня находится на хранении в Центре документации новейшей истории Оренбургской области. Анализ данного документа позволяет сделать ясные выводы по поводу позиции коммунистической партии по национальному вопросу.

Приведем одну цитату. «За все время революции не так часто разбирался в рядах РКП как после нашего последнего Партсъезда. Несмотря на это многие члены партии все ждут еще дополнительных пояснений и материалов. Часто мы слышим от довольно ответственных работников: «А где грань между колонизаторством и шовинизмом? Где кончается первое и начинается второе?». Между тем все вникающие в этот вопрос и мало-мальски уясняющие в себе наши практические отделение и практические мероприятия вынесенные на съезде, чувствуют, что мы ходим по грани....Ныне же, когда капитализм низвергнут и нет причин для разжигания розни и всякие поползновения к национальному гнету вытравливаются в корне, казалось бы вполне нормальным, чтоб даже скрытый шовинизм отсутствовал, а между тем зачастую приходится с такими фактами сталкиваться....Большая часть русских, выросших в условиях существовавшего великодержавного государства сохранили еще и поныне дух и настроение командующей нации... ..отдельные маленькие явления кладут известный отпечаток и порождают у некоторых скрытый шовинизм».³ Данная цитата весьма показательна для общего анализа подходов советской власти к населению национальных окраин, к которым относился и Казахстан. Из приведенного фрагмента видно, что коммунисты четко разграничивали политику царского правительства и собственную. О царском периоде речь идет как о времени, к которому в плане характеристики отношения к национальным окраинам применима дефиниция «колония-метрополия», однако, новая власть считала что следует изменить отношение и понять, что ситуация изменилась и все народы в новом, советском государстве были равноправны. Показательна в данном документе фраза о том, что большая часть русских сохранили дух и настроение «командующей нации», и это несколько расходится с общепартийной линией по поводу руководящей роли Москвы в жизни молодого советского государства.

Важность привлечения коренного, «туземного» населения к государственному строительству отмечена в «Проекте тезисов Г. Котляр о работе в туземной деревне». В тексте данного документа ясно сказано о необходимости «вовлечение коренного населения Кирстана к непосредственному строительству своего советского государства».⁴

Данные тезисы не противоречат в основной своей позиции по отношению к населению национальных окраин. Решения X съезда ВКП(б) (1921) призывали привлекать к государственному и партийному строительству даже бывших членов национальных партий. В документе, очень точно подмечена общая тенденция внутренней политики, что привлечение национальных кадров к государственному строительству происходило преимущественно в городах и крупных населенных пунктах, а сельская местность по-прежнему проживала привычным им строем, причем риторика оценки этого строя была резко отрицательной.

Естественно, что подобная ситуация не устраивала большевиков и ими предпринимались большие усилия для того, чтобы активизировать процесс национального и государственного строительства.

Это подтверждает ряд документов из фондов ЦДНИ ОО. Так в упомянутых выше тезисах отмечено, что для усиления партийно-государственного строительства предлагались следующие меры по привлечению «киргиз» Акмолинской области к процессу строительства нового строя: «организовать союзы батраков и полубатраков, на основе профессионально-классового подхода в каждом кишлаке и ауле. Особо отмечалось, что при наличии в данном регионе промышленного производства наличие союзов батраков не должно мешать их взаимодействию с рабочим классом. Руководить данной работой должно бюро по объединению киргизской деревенской бедноты при парт. аппаратах».⁵

Если несколько дистанцироваться от фактологии двух анализируемых документов, то становится ясно, что имеет место некоторое противоречие.

С одной стороны документы центральных региональных структур говорят об уважении к представителям национальных меньшинств, о том, что необходимо следить за тем, чтобы у всех народов были равные права.

С другой стороны документы местного руководящего аппарата уверенно заявляют о том, что традиционный общинный строй кочевника является отсталым, и цели и задачи нового государства состоят в том, чтобы модернизировать общественный строй и содействовать строительству «советского» государства.

Показательно, что в документах Акмолинской области фигурирует название «Кирстан», которое представляет по сути некий конструкт из слов «киргиз» и приставки «-стан», что было характерно для раннего советского периода, но никак не отражает название региона.

Однако документы партийных структур Оренбурга и Акмолинска весьма показательны в части анализа принципов советской национальной политики. С одной стороны в тексте присутствует высокая риторика о равном положении всех народов, а с другой стороны явно видно пренебрежение новой власти к традиционным общинным структурами. В своем стремлении модифицировать жизнь по новому «советскому» образцу реформаторы совершенно не учитывали вековые традиции. Итог этого пренебрежения известен и печален. Если бы новая власть была чуть более дальновидна, то

возможно Казахстан избежал бы той колоссальной трагедии, которая разразилась в конце 20-х-начале 30 х гг. XX века.

Анализ текста данного документа позволяет довольно уверенно предположить, что политика «Малого Октября», начавшаяся в 1926 г. не была некой новацией из центра. «Малый Октябрь» был подготовлен общим настроем местных партаппаратчиков. Приведенная ниже выдержка их архивного документа практически одни в один повторяет идеи Ф. Голощекина.

«Киргиз бедняк не получал ничего конкретного, ни в экономической области, ни в области социального раскрепощения, ни в области просвещения – ничего, что хотя отделение намекнуло бы ему о тех светлых перспективах, за которых борются товарищи, мировую революцию пролетариата.....

Надо изыскать средства как пробиться сквозь буржуазно-националистическое средотечение, которое сейчас отделяет бедняка киргиза от русского пролетариата. Надо взять решительный курс на киргизскую бедноту....».⁶

В стенограмме первой всекиргизской партийной конференции сохранились тезисы доклада Мурзугалиева по национальному вопросу, который можно считать неким осознанием необходимости активизации партийного строительства в регионе: «Когда революция вместе с завоеваниями Красной Армии подвигались к киргизскому краю, часть бедноты киргизского населения была вовлечена в революционную деятельность: если не повсеместно, то отдельными частями, на отдельных территориях. Не имея политического сознания, киргизы инстинктивно чувствовали, что идут освободители. Так, например, был взят Уральск..... Но в дальнейшем революционная деятельность бедной части Киргизии приостанавливается, перестает расширяться, постепенно замирает. Революционные идеи, исходящие из Москвы, далее территории захваченной Красной армией не распространяются и революционный дух, революционный энтузиазм киргизских масс не мог проявиться. Здесь лежит начало великой ошибки нашей организации. Революционная пропаганда, развившаяся по России, здесь расплылась и умолкла... ..крупную роль в охлаждении революционного пыла киргизской бедноты сыграло стремление Центральной власти и Кирревкома вернуть поскорее алаш-ордынцев в Оренбург... Много ошибок, допускают местные органы, не вовлекая киргизские массы в советское строительство».⁷

Тон данного документа говорит о том, что в регионе назревают серьезные перемены, и желание их производить исходит не только от центра, но и от местных партийных лидеров.

Исследуя партийные документы начала 20-х гг. XX века можно прийти к выводу, что для Москвы Казахстан был по-прежнему отсталой национальной окраиной. Изменения в системе управления «по советскому образцу» начались не сразу, и это было не желание новых властей сохранить привычный для кочевника строй, а скорее невозможность сразу модернизировать жизнь национальной окраины. Этому мешала гражданская

война. Активные реформы начались сразу после того, как завершился период активных военных действий.

Трудно сказать, что двигало первыми казахами коммунистами, когда они подвергали серьезному сомнению все традиционные ценности своего народа. Был ли это революционный романтизм, влияние ли это коммунистической пропаганды, или же какая-то недальновидность.

Но в документах партийных организаций Казахстана можно обнаружить немало документов, призывающих полностью изменить жизнь в степи, по новым, отправляемым из центра указаниям.

Приведем еще одну цитату: «Надо знать, как киргизы смотрят на власть, и что представляют собой киргизы в массе. Киргизы до сих пор не имеют определенной системы управления. В отдаленные времена бывало, когда ханы как будто управляли ими и то совместно с главами родов. При царизме ханское управление сменилось чиновничеством... «Медальное» стремление к власти до сих пор сидит у каждого представителя казахского рода. Это стремление мы должны изжить самыми твердыми, решительными мерами».⁸

Анализируя данный документ, можно солидаризироваться с мнением некоторых экспертов о фактически организованном голоде конца 20-х-начала 30х гг. XX века. В начале 20-х гг. XX века реформаторы в порыве революционного идеализма надеялись быстро изменить ситуацию и буквально за несколько лет перестроить жизнь в степи по новому, «советскому» образцу, то спустя буквально несколько лет, когда стали видны первые результаты революционного эксперимента тон документов несколько изменился.

Тогда после массовых конфискации основная масса «обобществленного» скота в республике пала из-за отсутствия корма и помещений, что привело к сокращению поголовья скота в 10 раз. А для казаха-кочевника это означало не что иное как мучительную смерть от голода, который не заставил себя долго ждать.

¹ Байрева О.В., Люкшина И.В., Сухачева Ю.В. Центр документации новейшей истории Оренбургской области//<http://www.orenport.ru/images/doc/241/archiv.doc>

² История Оренбуржья. - Учебное пособие. // Сост. и науч. ред. Л.И. Футорянский. - Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1996. - С. 231-234

³ Документы ЦДНИ ОО. Ф 1., Оп 1, Д. 230. ЛЛ 19-20

⁴ Документы ЦДНИ ОО Ф 1., Оп 1, Д. 230. ЛЛ 23

⁵ Документы ЦДНИ ОО Ф 1., Оп 1, Д. 230. ЛЛ 23-24

⁶ ЦДНИ ОО Ф.1, Оп.1, Д. 230. Л. 47

⁷ ЦДНИ ОО Ф1. Оп 1. Д. 230. ЛЛ. 50-51

⁸ ЦДНИ ОО Ф.1 Оп. 1 Д. 230. Л. 52

ШЫҒЫС МҰРАҒАТЫ

Жулдыз Тулибаева

Доктор исторических наук, профессор

«ТАВАРИХ-И АВАИЛ ВА АВАХИР» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КАЗАХОВ С СОСЕДНИМИ НАРОДАМИ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ.

Относительно жизни и деятельности автора сочинения «Таварих-и аваил ва авахир» («История начал и концов [царствований]») мы не располагаем никакими данными. Перед текстом приведено заглавие труда и написано, что некий Му'ин ад-Дин написал данное сочинение в эпоху эмира Насраллаха (1826-1860)¹. Сочинение начинается с краткого изложения о времени и продолжительности жизни пророков, начиная с Адама, правоверных халифов, имамов и основателей четырех мазхабов, истории Чингизидов, Тимуридов (л.1б-15а). Далее идет изложение истории Бухары при Шейбанидах (л.15а – 22а), Аштарханидах (л.22а – 26б), Мангытах (л.26б – 60а). Сочинение заканчивается описанием восшествия на престол Бухары эмира Насраллаха в 1826 году.

Для нас представляют интерес сведения, содержащиеся в оригинальной части труда, посвященной истории Бухарского ханства при Мангытах (л.144б – 176а). Хотя сведения о казахах, содержащиеся в «Таварих-и аваил ва авахир» носят отрывочный характер, все же представляют определенный интерес для изучения истории казахского народа XVIII –первой половины XIX вв.

Извлечения из сочинения «Тарих-и аваил ва авахир»

(перевод с персидского языка)

//(л.145а) В 1134 [1721-22] году [Ибрахим-бий], возведя Раджаб-хана на ханство, два раза водил войска на Бухару и потерпев поражения, возвращался. Затем, не найдя другого выхода, подстрекая, призвал в Мавераннахр султанов казахских и каракалпакских. В течение семи лет эти племена последовательно уничтожали селения в окрестностях Самарканда и Бухары...

...//(л.146а) Надир-шах², после завершения похода в Индию, сам намеревается выступить в Мавераннахр. Переправившись через Джейхун³, подошел к Бухаре. Мухаммад Рахим-бек⁴ сын Хакима аталыка встретил его в местности Барзам. Надир-шах //(л.146б) в 1156 [1743-44] году завладев Бухарой и возвратив обратно Абулфейз-хану, увел с собой [в поход] всех знатных узбеков вместе с двенадцатью тысячами воинов. Мухаммад Рахим-

бека назначил их военачальником. Надир-шах после покорения Бухары выступил в Ургенч. Илбарс-хан ургенчский⁵, собрав казахов и каракалпаков, приготовился к сражению. Войско казахов и каракалпаков, увидев, многочисленное войско Надир-шаха, обратилось в бегство. Надир-шах силой захватив Илбарс-хана, предал казни.

...// (л.158б) Мухаммад Рахим-хан⁶ повел войско на Чахар-джуй⁷. Достигнув западного берега реки, в местности Хасан Тат около десяти дней оказывал сопротивление [эмиру Саиду]. Эмир Саид⁸ расположился напротив, на восточной стороне реки, в местности Хирадж. Спустя десять дней без битвы и сражения каждый вернулся к себе, в область. Однако грабеж и разбой его [Мухаммад Рахим-хана] всегда обнаруживались. Победа, также, чаще на стороне его разбойников была. Каждого с кем они сталкивались // (л.159а) убивали, будь они малочисленны или многочисленны. По этой причине люди были в смятении. Каждому, кто попадет к нему в руки, [Мухаммад Рахим-хан], отрезав уши, даровал ему жизнь или убивал. Обычай брать пленных не имел.

Летом, следующего года, в течение двух месяцев, разграбив три племени, около двух тысяч отважных юношей убил. Вначале придя в Чахар-джуй, сразился с калмаками, обратив их в бегство, всех убил. Спустя месяц, образовав две группы, выступили с двух сторон. Одна из групп, придя в Кам Миг, расположенной в окрестностях Кермине⁹, атаковало, большое количество людей было убито. Эмир Саид, на полпути достигнув его, выступил на север вилайета Бухары в Дашт-и Казак¹⁰. Раджаб-бека парваначи¹¹ послал вперед. // (л. 159б) Прodelав двух дневный путь, вместе с двумя тысячами воинов настигли врага в местности Кандерлик-Казак...

... (л. 170а) Эмир Омар¹², сын эмира Саида, после брата стал эмиром... (л. 170б) Он был юноша недалекий, от государственных дел был далек... Большинство эмиров, сговорившись, послали в Карши человека, чтобы эмир Насраллах¹³ быстро придя, стал в вилайете хозяином, так как его [вилайет] уже отнимают... Насраллах в последний день месяца Раджаб¹⁴, в благоприятное время выступил из Карши в сторону Самарканда. Весь народ Самарканда толпами вышел встречать его. Упомянутый эмир шесть дней пребывал здесь и воссел на Серый камень¹⁵...

// (л. 172а) В это же время эмир Омар, собрав войско, выступил из Бухары и пришел в Кермина. Бек-углы диванбеги¹⁶ бахрин, Ишана ходжа Файзи, Мир Забира сына эмира Саида с несколькими военачальниками послал впереди себя. В тот же день для участия в сражении эмир Насраллах выступил из Катта-Кургана в сторону Кермине. Высланные вперед эмиром Омаром, все, придя, примкнули к эмиру Насраллаху, и были вознаграждены. Жители Мианкаля с племенами китай-кипчаков, найманов, етти-уруг, все пришли приветствовать [эмира Насраллаха]. Когда известие об этом дошло до эмира Омара, он бежал и за одну ночь прибыл в Бухару. Опасаясь, что окажется в осаде, ворота и стены, на которые надеялся, передав [воинам], приготовился к приходу врага. Эмир Насраллах, придя в Кермине, завладел [областью]...

//(л.172б) ...Эмир Омар также собрав знать города, давал обещания, каждому чиновнику пожаловал пост, лучше прежнего, а не имеющим поста, дал пост. Ворота города [для защиты] распределили между ними. Из мангытских эмиров //(л.173а) в городе находился Раджаб-бек парваначи, из мелких чиновников никого не было. Из шагирд-пиша¹⁷ – первый Хаким-кушбеги, Мирза Ибадаллах-бий, Мулла Салих-бий, Закарийа-бий, Тарагайхан¹⁸, Исматулла-бий с четырьмястами калмаками, Ишан Ходжа с тремя братьями находились на службе у ворот. Абдалкарим туксаба¹⁹ [был] со стами карлуками, Агзам мирахур²⁰ с двумястами афганцами, Гулям Мухаммад туксаба с четырьмястами мервцами, Гулям Айяз-бий с четырьмястами лазги, турками, иранцами, Дулаб каравул-беги со стами найманами.

В течение пятидесяти дней продолжалась его осада. Все войска потеряли надежду на победу. Некоторые в свою страну бежали, а бухарцы направили в город письма и для того, чтобы спасти себя в этих письмах они писали восхваления своему доверенному. Остальные бежав, вошли в город. Етти-уруг, найманы, каждый отправившись в свою область, проявили неповиновение и стали нападать. Китай-кипчаки из Шахрисабза привели Хусейн-бия Утарчийского, ввели в Янги-Курган. Крепость Чилек также [отняли] у Ширдана-бека мангыта. Чернь из бедняков Самарканда, учинив в городе несправедливость, убили своего Аксакала Ходжа Латифа. Мухаммад Алям мирахур мангыт был военачальником, его хотели захватить в плен.

//(л.174а) В это время знатные люди Самарканда находились на службе у эмира Насраллаха в Базарча. Найманы, распространив ложную весть, что эмир Насраллах бежал из под Бухары, этим подстрекали чернь самаркандскую. Он [Мухаммад Алям мирахур] бежав из рук черни, пришел к Хаким-заде. Хаким-заде был сыном Сафар-бия Гуляма. [Хаким-заде] схитрив сказал беднякам: «Если вы являетесь [подданными] эмира Омара, то мы тоже на вашей стороне, хотя мой отец [ушел] с эмиром Насраллахом». Сказав таким образом, Мухаммад Алям мирахуру и другим знатым военачальникам, каждому дав гарантию, успокоил бунт черни. Услыхав шум черни, правитель Джумабазара Санокул-бий отправил человека к правителю Панджикента Сарымсак-дадха. И объединившись, оба разграбили имущество Катта-бия уругтского. Катта-бий приходился тестем эмиру Насраллаху и находился при нем в Базарча. (л. 174б) Оба послали человека к эмиру Омару [со словами]: «Сослужили вам службу».

Племя найманов в крепость Дабус явились, взяв дорогу на Бухару, послали к эмиру Омару сто всадников. Пообещали, что если хисарикпчаки, объединятся с ними, то вышлют еще две тысячи воинов. А хисарикпчаки став друг другу противниками, начали враждовать. Короче, осада затянулась, люди устали.

Каждое утро после утреннего приветствия народа военачальники верхом осматривали окрестности города, чтобы люди не везли в город зерно и солому, а начальники орудий, проходя мимо конного базара, стреляли из пушек. За эти пятьдесят дней многих убили. Затем Раджаб-бек парваначи договорившись с Хакимом кушбеги, вместе с Гулямом Айязом //(л.175а) на

рассвете, во вторник, 27 числа месяца Рамазан²¹, в упомянутом году, открыли самаркандские северные ворота и впустили сторонников эмира Насраллаха.

После утреннего намаза эмир Насраллах вступил в город. Эмир Омар бежав, укрылся в доме Накиба-ходжи. В тот же день убили пятьдесят человек. Были убиты Тарагай-хан казах, Исматаллах-бий с сыном. Из прочих – Мулла Турсун Баба ташкентский вместе с сыном Мирза Азизом астрологом, Мирза Азим-мунши, Гази-бек Рахматаллах-бек, Кази-мохаррем, Ходжикули Гулям и 15 человек из найманов были убиты. Остальных помиловали. Утром, в четверг, подарив помилование эмиру Омару, дал в сопровождение людей и отправил в Герат...

¹ Рукопись Института востоковедения АН РУз № 4468/III.

² Надир-шах – шах Ирана [1736-1747 гг.]

³ Джейхун – р.Аму-Дарья.

⁴ Мухаммад Рахим-бек – основатель мангытской династии в Бухаре [1753-1759 гг.].

⁵ Ильбарс-хан – чингизид, хан Хивы [1728-1740 гг.].

⁶ Мухаммад Рахим-хан – один из наиболее могущественных ханов Хивы в XIX в. [1806-1825 гг.].

⁷ Чахар-джуй – современный Чарджоу.

⁸ Эмир Саид – один из титулов эмира Хайдара, правил в Бухаре в 1800-1826 гг.

⁹ Кермине – богатая область с городом того же имени, находившаяся на северо-востоке от г. Бухары.

¹⁰ Дашт-и Казак – казахские степи.

¹¹ Парваначи – один из высших сановников, особа двенадцатого класса /в восходящем порядке/, в переводе означает носителя ханского приказа [парванэ].

¹² Эмир Омар – один из семи сыновей эмира Хайдара, восемнадцати лет стал государем, правил несколько месяцев в 1826 г.

¹³ Эмир Насраллах – представитель династии Мангытов, правил в Бухаре в 1826-1860 гг.

¹⁴ Раджаб – название седьмого месяца арабского лунного года.

¹⁵ Т.е. на известный Кок-таш, находящийся в Самаркандской цитадели.

¹⁶ Диванбеги – сановник по финансовой части, ведавший приходо-расходными статьями. В Бухаре диванбеги был тринадцатым чином в восходящем порядке иерархической лестницы. /А.А.Семенов, Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре. СВ, Т.5, С.137-153/.

¹⁷ Шагирд-пиша – нечиновные служащие, исполнявшие поручения при высших военных чинах.

¹⁸ Тарагай-хан – казах по происхождению, находился на службе у эмира Омара.

¹⁹ Туксаба – седьмой чин в бухарском военном сословии с титулом «убежище войны». / А.А.Семенов, Очерк поземельно-податного и налогового устройства в Бухарском ханстве. Т., 1929, С.8

²⁰ Мирахур – конюший, шталмейстер.

²¹ Рамазан – девятый месяц мусульманского лунного года.

ДЕРЕКТАНУ

Құрманғали Дәркенов

Тарих ғылымдарының кандидаты

Бибіхадиша Әбжаппарова

Тарих ғылымдарының докторы

ТОРҒАЙ ТАРИХЫ МҰРАҒАТ ДЕРЕКТЕРІНДЕ: ТАЛДАУ ЖӘНЕ КӨЗҚАРАС ЭВОЛЮЦИЯСЫ

Қазіргі кезеңде зерттеушілер назарынан тыс қалып келе жатқан мәселелердің бірі Торғай тарихына қатысты мұрағат құжаттары. Әрине, бұл арада Торғай тарихы зерттелмеді, жазылмады, бұл мәселе орынынан жылжымады деген пікір тумағаны дұрыс.

Торғайдың әрлі-бергі тарихына тікелей қатысты бірнеше танымдық еңбектер жарық көрді. Аталған еңбектер ішінде Торғай елінде ұзақ жылдар басшылық қызметте істеген Ж. Қосабаев пен Р.Х. Сариева еңбектерінің орны бөлек¹. Бұл еңбектердің ел тарихын зерделеудегі құндылық екендігін теріске шығаруға болмайды. Аталған еңбектерде Торғай тарихына ауқымды шолу жасалды. Солай дегенімізбен, олар ғылыми ортаға емес көпшілікке арналды, танымдық сипаты басым. Ғылыми талдау, терең зерттеу тәсілінде емес, Торғай елінің өткен тарихы оқиғалар желісін сипаттау, баяндау, жеткізу сипатында жазылды.

Сонымен қатар, Торғай тарихындағы оқиғаларға немесе белгілі бір кезеңдеріне қатысты әр жылдары З.Мұхамеджанов, Ә.Жүсіпұлы, Б.Әлденұлы, М.Сүлейменов, С.Кенжеахметов т.б.² жергілікті азаматтардың еңбектері жарық көрді. Жергілікті жазушылар еңбектерінің артықшылығы сол, олар ел ішіндегі өздері білетін, естіген, көне көздерден жинаған материалдары негізінде елге азды-көпті таныс дүниені жаңартып, жинақтап ұсынды.

Сондай-ақ, кәсіпқой зерттеуші ғалымдар А.Нұрқанов, Б.Сүлейменов, В.Я. Басин, Х.Маданов, А.Елеуов, С.Бейсенбаев, Р.Б.Сүлейменов, П.М.Пахмурный, В.Григорьев³ және т.б. еңбектерінде Торғай тарихына қатысты бірқатар мәліметтер берілген. Бір айтарлығы бұл еңбектер әр жылдары өткен ғасырдың 60-шы жылдары мен 90 жылдары аралығында жарық көрді. Аталған ғылыми еңбектер заман талабына, уақыт лебіне сай кеңестік жылдардағы көзқарас тұрғысында жазылғандығын айтып өткен орынды. Онда Торғай елінің тұлғалары А.Байтұрсыновты, М.Дулатовты, А.Бірімжановты, А.Юсуповты «феодалдық-байшыл көзқарастағылар», «ұлтшылдар», «алашордашылар», «большевиктік таптық саясатқа қарсылар» деп бір жақты жазды. Кейкіні де «кеңес үкіметі саясатына, большевиктің идеяға қарсы шықты, оқшауланды, бандиттік іс-әрекет

жасады» деп жазғаны да ақиқат. Әбдіғалпал мен Оспанды «хандық билікті, өткенді көксеушілер», «халық көтерілісін басқа арнаға салып жіберуге мүдделі болды, Кеңес үкіметін қолдамады» деп айыптады.

Әрине, аталған ғалымдарды кеңестік заманда ақиқатты айта алмады деп кінәлау артық болар еді. Себебі, олар проблемаға, ғылыми-зерттеу объектісіне кеңестік көзқарас призмасынан қарады. Ғалымдар осы жылдары 1916 жылғы ұлт-азаттық көтерілісіне, А.Иманов пен Ә.Жанкелдин образдарына назар аударды. Оларды кеңестік көзқарас тұрғысында төменгі, каналушы тап мүддесін қорғаушылар, орыс-қазақ еңбекшілерінің интернационалдық достығын орнатушылар ретінде жазды. Бірақ кеңестік ғалымдар Торғай халқының жартысынан астамы қырылып, тірі қалғандары босып кеткен 1920-21 жылдардағы және 1930-1932 жылдардағы ашаршылық жөнінде ештеңе жазбады. Осы ашаршылық зардабын өз көздерімен көрген Н.Ахметбековтың «Күләндам» және К.Жолдыбаевтың өлеңдері да баспа бетін көрмеді. Торғай оқығандарының 20-30-шы жылдардағы тағдыры мен қасіреті жөнінде де ештеңе айтылмады. Торғай елінің 1917 жылғы революцияға дейінгі тарихы да, оның ішінде Шақшақ Жәнібек тархан, Дәуітбай, Шәкір батыр, Иман батыр, Кенесарының Торғай елінде болуы, патша үкіметіне қарсы күресі т.б. зерттеу жұмыстарында айтылмады. Кейбір еңбектерде бірер жолдар берілгенімен, оларды үстірт бір жақты ғана баяндалды.

Тек қана 90-шы жылдар басынан Торғай тарихына қатысты деректер мұрағат сөрелерінен алынып, М.Қозыбаев, К.Нұрпейісов, Т.Кәкішев, Ғ.Ахметов, Т.Жұртпай, Х.Әбжанов, Р.Сағынбекұлы еңбектерінде айналысқа түсті. Ғылыми-зерттеу еңбектерінде тікелей немесе жанама түрде Торғай елі тарихына қатысты деректер қолданылды. Әсіресе ұзақ жылдар зерттеушілер назарынан тыс қалып келген алаш зиялылары, Алашорда тақырыптарына байланысты ауқымды ғылыми еңбектер мен мақалаларда Торғай тарихына қатысты деректер бүгінгі көзқарас тұрғысында қаралды. А.Байтұрсынов, М.Дулатов, А.Бірімжанов, Н.Құлжанованың өмірі, саяси-ағартушылық, қайраткерлік қызметіне байланысты тарих, саясаттану, педагогика, философияда бірнеше кандидаттық, докторлық диссертациялар жазылып, қорғалды.

Сонымен бірге көпшілікке арналған ғылыми-танымдық сипаттағы С.Кенжеахметовтің ұзақ жылдардағы ізденістері нәтижесінде жазылып жарық көрген еңбектерінің де орны ерекше. Ақиқатын айтсақ, тілге бай, әр сөйлемі ойлы, шұрайлы қасаңдықтан ада С.Кенжеахметовтің қайсыбір мақалаларын алсақ та ел тарихы, әдебиеті, мәдениеті, салт-дәстүрі соншалықты шынайы, соншалықты жатық берілді.

Қазіргі кезде де Торғай еліне қатысты жазылып жарияланып жатқан дүниелер азды-көпті баршылық. Бірақ өкінішке орай ел тарихын айшықтайтын дүниелердің мұрағат сөрелерінде қолданылмастан, ешкім бетін ашпастан қозғалыссыз жатқаны да ақиқат. Сөзіміз дәлелді болу үшін жүйелі түрде баяндайық.

Қазір Қазақстан Республикасы мемлекеттік мұрағатында «Торғай облыстық Басқармасы» деген атаумен көптеген біздің елге қатысты XIX

ғасырды толық қамтыған ХХ ғасырдың 18 жылымен аяқталатын 25 қор бар⁴. Айтып өтетін жай, бұл қор Ресейден Орынбор мемлекеттік мұрағатынан әкелінген. Бұл 25-ші қор бірнеше тізбеден, ал әр тізбе 400-500-ге дейінгі байламнан, әр байлам төрт-бес мыңға жуық істен тұрады. Жай ғана қарапайым түрде есептесек, осы 25-ші қордың өзінде елу-алпыс мыңдай іс, папка бар. Ал кейбір іс мың парақ құжаттардан тұрады. Сонда ойлап қарасаңыздар қаншама мыңдаған құжаттар бар. Бір өкініштісі кейбір істерді осы күнге дейін ешкім аспаған, көрмеген. Оларда біздің елдің өткен тарихы жатыр. Осы қордан ішінара келтірейін.

Осы қордағы, үшінші тізбе, екінші байлам, 5 істе «1867 жылдың 24 августі мен 1873 жылдың 3 февралі аралығында Торғайдың жергілікті басшыларын, старшындарын, билері мен басқа да қазақтарды марапаттау жөніндегі» құжаттар сақталған⁵.

Бес томнан тұратын 4449 істе 1845 жылы 24 июньде Красноярцов пен Биглов деген екі шенеунікті Торғай және Ырғыз өзендері бойына салынып жатқан екі бекіністің жұмысын жеделдету үшін жіберілгені, сонымен бірге Торғай өзені жағасында салынып жатқан бекініс құрылысы, сол жерде тұратын ру-тайпалар, олардың басшылары жөнінде мәліметтер берілген. Торғай және Ырғыз бекінісін салу арқылы Кенесары Қасымовты осы аймақтан ығыстырып шығару керек, оған жергілікті ру басыларын, билерді қарсы қою керек деп анық жазылған⁶.

Үшінші тізбедегі, 4472 істе де Торғай және Ырғыз өзендері бойында далада екі бекініс құрылысын салу үшін Орынбор шекаралық комиссиясының екі шенеунігі Красноярцов пен Бигловты іссапарға жіберу, жергілікті билеуші сұлтандардың орналасуы мен қозғалысы, оларды Өлкейік өзені, Бестауға қарай орналастыра отырып Кенесары сұлтанның бүлігін бақылау және Торғай өзені бойында Орынбор бекінісі мен Ырғыз өзені жағасына Орал бекінісін салу үшін бекітілген әскерлермен тосқауыл қою жөніндегі көптеген құжаттар тіркелген⁷.

Аталған 3-тізбенің, 12-ші байламының, 376 ісінде 1897 Торғай облысы уездерінің тізімі беріліп, онда болыс басқарушылары, ауыл старшындары, әр болыстардағы үй саны және басқа да мәліметтер толық берілген⁸. Бұл құжаттың құндылығы сол кезеңде Торғай облысында, оның уездерінде, әр болысында қанша адам тұрды, ел билігінде кімдер болды. Оларға қатысты қандай құжаттар сақталған осы мәліметтерді біле аламыз.

Қазіргі Жанкелдин ауданының Қызбел, Шобан, Бидайық, Алтынсары елді мекендері кезінде Сарқопа, Майқарау болыстары құрамында болды. Менің ата бабам осы аталған Сарқопа, Майқарау болыстарында туып, осында тұрғандықтан осы екі болысқа қатысты құжаттарды да көтердім. Бірінші тізбенің 276 байламының, 2889 ісінде «1907-1910 жылдары Торғай уезі, Сарқопа болысында лауазымдық қызметтерге сайлау туралы»⁹, 291 байламның, 3063 ісінде «1910-1914 жылдары Торғай уезі, Майқарау болысында лауазымдық қызметтерге сайлау туралы»¹⁰, 3064 ісінде «1910-1914 жылдары Торғай уезі, Сарқопа болысында лауазымдық қызметтерге сайлау туралы»¹¹ құжаттар тігілген. Онда аталған болыстардан сайлауға кімдер түсті, дауыс беру нәтижесі қалай болды, қанша адам дауыс берді,

жалпы ел ішіндегі ахуал қандай, осы мәселерге қатысты маңызды деректер бар.

Осы 25 қорда сақталған құжаттардың ішінде 1916 жылғы Торғай және Ырғыз уезіндегі ұлт-азаттық көтерілісіне қатысты көптеген деректер бар¹². Қазақтарды тыл жұмысына шақыру жөніндегі құжаттар да тіркелген¹³. Ал 65 байламда «Жатжұрттықтарды әрекет етуші майдандағы армияның әскери жұмыстарына мобилизациялауға байланысты қазақтардың арасындағы тәртіпсіздіктер мен наразылықтар туралы»¹⁴ істе Торғай уезіндегі халықтың наразылығының күшейіп отырғандығын, оны басуға жергілікті әкімшіліктің шарасыз болып отырғандығын баяндайды. Торғайдағы наразылықтың басқа аймақтарға тарап «Қарабалық уезінде болыстың өлтірілгендігін»¹⁵, сондықтан бүлікшілерге қатаң шара қолдану керектігін¹⁶ мәлімдеді.

Жергілікті халықтың наразылығы күшейіп тұрған жағдайында патша үкіметінің органдары қазақ оқығандарын да бақылауда ұстады. Орынбор губернаторына 1916 жылы 19 июльде Оралдан телеграмма беріліп, онда Ә.Бөкейхановтың хатын оқыған қазақтардың призывқа қарсылық білдіріп жатқанын, «Қазақ» газетінің редакторы А.Байтұрсынов, М.Дулатовқа қазақтар кеңес алуға барғанын баяндайды¹⁷. Торғай облысының генерал губернаторы Орынбор полицеймейстріне «Қазақ» газетінің қызметкері Ә.Бөкейхановтың қайда жүргенін баяндап тұруды тапсырады¹⁸.

Торғай облыстық губернаторы Эверсман Петроградқа Ішкі істер министрлігіне қазақтардың тәртіпсіздігі облыста күшейіп бара жатқандығын мәлімдеп, Торғай мен Ырғызға әскер жіберу жөнінде телеграмма берді¹⁹.

Ел ішіндегі халық наразылығының өршіп бара жатқандығын байқаған облыстық губернатор Эверсман Қостанайдан облыстық вице-губернатор Обуховқа жеделхат жіберіп, 225 адамнан тұратын жүздікті бөліп Торғай мен Ырғызға жіберуді талап етті²⁰. Обуховқа берілген келесі жедел хатта да тыл жұмысына шақырылғандар үшін призывқа ақсақалдар жауап беретіндігін, орындамағандарды түрмеге жабатындығын, ал призывқа шақырылғандар келмесе, әскери сотқа тартатындығын, осыны уезд басшылары мен болыстық правительдерге жеткізуді талап етеді²¹.

Келесі бір 1916 жылдың 25 июлінде жазылған құжатта Қостанай уезінде, оның ішінде алғашында наразылық байқалған Қарабалық болысында тыл жұмысына шақырылғандарды беру қалыпты жүріп жатқандығы, ал Торғайға тағы да әскер жіберу, жазалау шараларын күшейту қажеттілігі айтылады²².

Қостанай уезі бастығы Торғай облыстық губернаторына елдегі жағдайды баяндап, Торғай уезі жағында найза, шоқпар, балтамен қаруланған 200-дей адамның бүлік жасап жүргенін рапорт жазып мәлімдеді²³. Торғай уезіндегі бүлікшілерге тұрғындар қашып барып қосылып жатыр деп жазды.

Осы 418 істің 309-318 беттерінде Торғай елінде беделді Сарықопа, Майқарау болыстарында болыс билеушісі Иманқұлдың Әбдірахманы жөнінде деректер бар.

Торғай уездік бастығына губернатор Эверсман жеделхат жіберіп Торғайдағы жағдайды баяндап тұруды тапсырып, Торғайда 1916 жылдың 1

қыркүйегінде ақсақалдар съезін өткізетіндігін, барлығының қатысуы міндетті екендігін жазды²⁴.

Губернатор Эверсманнның Торғай уездік бастығы подполковник Каретниковке жолдаған құжатында С.Токин, Тоқмұхамедов, Беспаковтың әр шаруашылықтан төрт малшыны жұмыс істеу үшін әскери міндеткерліктен босату жөніндегі өтініштерінің қанағаттандырылмағанын айтады²⁵.

Торғай уездік бастығының көмекшісі Ткаченко 1916 жылдың 22 сентябрінде рапорт жазып Торғай уезіндегі жағдай шиеленісіп бара жатқандығын, тыл жұмысына шақырылғандардың кең далаға сіңіп жоқ болып кеткендігін, енді бір бөлігінің қаруланып ашық қарсылыққа шығуға дайын екендіктерін жазып «құпия» деген грифпен жолдады²⁶. Сонымен қатар тыл жұмыстарына шақырудан қазақтардың қашуы, бой тасалауы себепті Торғайдағы орыс-казак әскерлері горнизонын шөппен, тұрғындарды отынмен жабдықтау нашарлады. Сондықтан губернатор Эверсман Торғай уезі бастығына Торғайға отын, шөп әкелген қазақтарды майдан жұмысына алуды кейінге шегеру жөнінде жеделхат жіберді²⁷.

Қалай дегенмен де Торғай уезіндегі көптеген учаскелерде қазақтарды жинау сәтті болмады. Көпшілігі тыл жұмысына шақыртудан бұлттарды, келмеді. Шақырту жасына сәйкес келмейтін көптеген адамдарды болыстардың тізімге кіргізгені де белгілі болды. Халық наразылығын басу үшін Торғайға екі казак жүздігі, Екатеринбургтен Дон ерекше казак жүздігі және Самарадан келген жүздік Уфадан келетін әскерді күтпестен жіберілді. Экспедициялық отрядтың бастығы болып генерал-лейтенант Лаврентьев тағайындалды. Олар 28 октябрьде Қазаннан Орынборға шықты²⁸.

Петроградқа Ішкі істер министрлігіне 1916 жылдың 26 октябрінде Торғай облысы губернаторы жедел хат жіберіп, Торғайдағы жағдайды баяндады. Онда Торғаймен байланыс үзілгендігі, почтаның тонағандығы, Торғай горнизонындағы 200 казак пен 100 солдаттың көтерілісшілер бүлігін басуға жеткіліксіздігі, Торғайдың өзін бүлікшілерден қорғаудың қиындығы, азық-түліктің аздығы, келуге тиісті казак жүздіктерінің әлі келмегендігі, артиллерия қажеттілігі баяндалды. Торғай-Ырғыз телеграф линиясын бүлікшіл қазақтардың талқандап қиратқаны, телеграф бағаналарының үш жерде кесіліп тасталғаны, біреуі әдейі жұлынып алынғандығы мәлімделді²⁹.

Мұрағат қорында Торғайға жазалаушы экспедициялық отрядтың келгендігі жөнінде де құжат сақталған. Генерал-адъютант Куропаткин жіберген жүздіктердің Торғай жеріне кіргендігін, олар бүлікшіл қазақтарға патшаға қалай қызмет атқару керектігін көрсетеді және бүлікшіл ордаға (Торғай деп түсіну керек) патша Жарлығын қалай орындау керектігін үйретеді деп, оларды көтермелеп, мақтап жазған губернатордың хаты тігілген³⁰.

Бір таңқаларлығы, 417 іспен танысқанда, онда да 1916 жылғы Торғайдағы халық көтерілісінің сипатын, барысын, сол жылдардағы оқиғаларды жүйелі баяндайтын көптеген құжаттар ретімен, ұқыпты, өте мұқият тігіліп, еш жері жыртылмастан, бұзылмай сақталған.³¹

Ресей Федерациясының мемлекеттік мұрағатында да 1916 жылғы көтерліс туралы анықтама, басқа да тарихи құнды құжаттар сақталған³².

Қазақстан Республикасы Орталық мемлекеттік мұрағатындағы Торғай елі тарихына тікелей қатысты сақталған құжаттардың бірі «Мұсылман дінінің құлшылық етушілеріне шетелдік паспорт беру жөнінде» деп аталатын бірнеше іс бар³³. Аталған істердегі құжаттарды қарау барысында мен атам Дәрке Тілеубаевтың бірнеше Торғай уезі адамдарымен Мекке мен Мединеге қажылыққа барған құжаттарын тауып алдым. 808 а істің 409 және 410, 516 парақтарында Дәрке Тілеубаевқа қатысты құжаттар тігілген. 1910 жылы 6 қазанда Торғай облысының губернаторына Дәрке атамыз Мекке мен Мәдинаға қажылыққа баруға рұхсат сұрап және шетелдік паспорт алуға өтініш жазады, 7 октябрь күні губернатор паспорт берілсін деп виза қояды, ол 409 парақта тігілген, ал 410 парақта Торғай уезі бастығы көмекшісі берген куәлік тіркеліп, 516 парақта берілген шетелдік паспорттың виза қойылған талоны тіркелген.

Сонымен қатар мына мәселеге де назар аударған орынды. Патша үкіметі ұзақ жылдар бойы қазақ жеріне дендеп ену, орнығу, орыстандыру, шоқындыру саясатын жүргізгені белгілі. Айтылған ойдың дәлелі, 25 қорда Торғай облысы қазақтарының шоқынуды, христиан дінін қабылдауы туралы баяндаған төрт парақ болса да құжат сақталған³⁴.

Сондай-ақ патша үкіметінің басқару органдары Қазақстанда уездер арасында жер дауына қатысты талас тудырған, қайшылықты мәселелерге тікелей араласып, шешіп отырды. Ресейдің мемлекеттік тарих мұрағатында Орынбор және Сібір қазақтары (құжатта қырғыздар деп берілген) арасындағы өзара талаптарын шешуге байланысты Сібір өлкесін жаңа әкімшілік бөліктерге бөлу мәселесін қайта қарауға қатысты Комиссия есебі, Ақтөбе облысының Сарысу уезінің бес болысы мен Торғай облысы, Торғай уезі, Қараторғай болысы қазақтары арасындағы жер дауын шешуге байланысты төтенше съездің қаулысы тігілген. Бұл істе 1862 жылдың 10 қазаны мен 1875 жылдың 10 мамыры арасындағы құжаттар тізілген³⁵.

Мұрағатта кеңес үкіметі жылдарына қатысты көптеген құжаттар бар. Қазақ АССР-і ішкі істер Халық Комиссарының қорында Торғай уездік атқару комитеті отырысының хаттамалары сақталған. Хаттамаларды талдай отырып, 20-шы жылдардағы Торғай елі жағдайынан бірқатар мәліметтер алуға болады. Әсіресе, 1920-21 жылдары елді жайлаған ашаршылық зардабы, елдің жайы туралы, кеңес үкіметінің ел ішіндегі қызметтері жайында құнды деректер берілген³⁶.

Ұзақ жылдар бойы қазақ жеріндегі кеңес үкіметі қызметіне көлеңке түсірмеу мақсатында 1920-21 жылдардағы ашаршылыққа байланысты ештеңе айтылмай, неғұрлым бүркемеленіп келгенімен ашаршылыққа ұшырағандарға көмек көрсету жөніндегі губерниялық және уездік комиссиялар отырысы хаттамаларының көшірмелері мұрағат қорында тігілген³⁷. Осы 40 қордан Қырғыз (Қазақ) республикасындағы білім беру ісінің жағдайы, сауаттыларды есепке алу, сауатсыздықты жою жолдары, сауатсыздықты жою пункттері мен мектептер ашу жөніндегі және Оқу

ағарту Халық комиссариаты есебінен Торғай уезіне қатысты бірқатар мәліметтер кездеседі. Бұл аталған құжаттардың құндылығы – кеңес үкіметінің алғашқы жылдарындағы оқу-ағарту ісінің хал-жайы, деңгейі, мемлекеттің аталған саладағы позициясын айқындауға мүмкіндік береді³⁸.

Аталған қорда 1896 жылы Қазан университетінің заң факультетін алтын медальмен бітірген, І-ІІ Мемлекеттік Думаға Торғай облысынан депутат болып сайланған Бірімжанов Ахмет Қорғанбекұлына қатысты құжаттар сақталған. Өз қолымен толтырған Қырғыз (Қазақ) Өлкесі Ішкі істер комиссариаты қызметінің анкетасы, жеке құжаты, Кеңестік мекеме қызметкерінің тіркеу карточкасы сақталған³⁹.

Торғай жері алаш зиялылары А.Байтұрсынов, М.Дулатов, А.Бірімжанов, Ғ.Бірімжанов, А.Юсупов, Е.Омаров, С.Кәдірбаев, С.Токин т.б., ел ішінде танымал Құлжан, Төке, Ә.Жанбосынов, Кейкі батыр және кеңестік тарихнамада ерекше орын берілген А.Иманов, Ә.Жанкелдин, Б.Қаралдин шыққан ел. Алашордаға қырын қараған кеңес үкіметі Торғай зиялыларын «кеңес үкіметіне қарсы шығушылар», «байшыл феодалдық дәуірді көксеушілер», «ұлтшылдар» деп әр жылдары айыптады.

КСРО Халық Комиссарлары Кеңесі жанындағы ОГПУ-дың коллегиясы шешімімен 1931 жылдың 4 сәуірінде «А.Байтұрсынов, М.Дулатов, М.Есполов, Д.Әділов, Ж.Аймауытов, Х.Болғамбаев, Ғ.Бірімжанов, Х.Ғаббасов, А.Юсупов 1921 жылы Орынбор қаласында контрреволюциялық ұйым құрып, Орта Азиядағы пантюркистік ұйымның бастығы Валидовпен байланыс жасағаны үшін; далаға барып қарулы көтеріліс ұйымдастыру туралы жиналыс өткізгені және далаға сіңіп кетуге дайындалғаны үшін; 1927 жылы ВКП(б) Қазақ өлкелік комитетінің секретары Голощекинге қастандық жасауға тырысқаны үшін; А.Юсупов Ғ.Бірімжановтың Валидовқа кеткенін хабарламағаны үшін РСФСР қылмысты істер Кодексінің 58 бабының 2, 4, 8, 11, 13 тармақтары бойынша ату жазасына кесілді⁴⁰.

Кейін Ахмет Байтұрсынов пен М.Дулатов істері қайта бұзылып, 1931 жылдың 13 қаңтарында ұсталғаннан бергі мерзімі қоса есептеліп, тұтастай алғанда он жыл айдауға кесілді⁴¹.

РСФСР Жоғарғы соты қазақ бөлімінің 1922-1936 жылдар аралығын қамтыған 251 қорында қазақ зиялыларына қатысты көптеген құжаттар сақталған⁴².

Тарихқа «Торғай ісі» деген атпен енген 1920-21 жылдары Торғай елі ашаршылық құрсауына түскенде елді аштықтан құтқару үшін Семейде қазақ зиялылары бас болып мал жинап, Торғайға әкеліп таратып, кейін істі болған Ж.Аймауытов пен торғай азаматтарына қатысты мұрағатта бірнеге том құжаттар сақталған⁴³.

Сонымен қатар ҚР Президенті мұрағатының 811-қорында Амангелді Имановқа қатысты 2 мың бетке жуық естелік деректер де сақтаулы⁴⁴.

ҚР ОММ-ның 1023-ші қорында кеңестік мемлекет, партия қайраткері, Қазақстанда Кеңес үкіметін орнату жолындағы күрескер, революциялық қозғалысқа, азамат соғысына қатысушы Әліби Тоғжанұлы Жанкелдинге қатысты көптеген құжаттар жинақталған⁴⁵.

Әрине біз бұл мақалада Торғай елі тарихына қатысты мұрағат құжаттары жөнінде барлық қорларды толық қамтып, көрсете алған жоқпыз. Олай істеу де мүмкін болмаған еді. Солай болғанымен, осы мәселені зерттеймін деушіге бағыт-бағдар көрсеттік. Ресейдегі самодержавиелік билік пен кеңес одағы кезеңіндегі Торғай елі тарихына, жеке тарихи тұлғаларға қатысты тарихи деректерді жүйелеп, әр заманға сай көзқарас эволюциясын талдап, көрсеттік.

¹ Қосабаев Ж. Атамекен ақиқаты: Торғай туралы толғау. – Алматы; Айқап, 1995, 196 бб.; Сариева Р.Қ. Текті Торғай. Алматы. 2000;

² Мұхамеджанов З. Торғай комиссарлары: Тарихи документтер мен сарбаздардың әңгімелері бойынша жазылған очерк - Алматы: Қазақстан, 1974; Ә.Жүсіпұлы, Б.Әлденұлы. Шақшақ Жәнібек. Арқалық, 1992; Сүлейменов М. Әбдіғапар хан. Алматы: Ғылым, 1995; Кенжеахметов Жеті қазына. Атамұра. Алматы. 2006;

³ А. Нұрқанов Амангелді Иманов Алматы: 1957; Б.Сүлейменов, Басин В.Я. Восстание 1916 года в Казахстане: причины, характер, движущие силы. Алма-Ата, «Наука». 1977.; Маданов Х. Светлый образ батыра. Амангельды Иманов. Алматы. «Казахстан» 1986. Елеуов Т. Установление и упрочение Советский власти в Казахстане. Алма-Ата. 1961; Бейсембаев С.Б. Ленин и Казахстан. (1897-1924 гг.) Алма-Ата, «Казахстан», 1968.; Сулейменов Р.Б. Ленинские идеи культурной революции и их осуществление в Казахстане. Алма-Ата. 1972; Пахмурный П., Григорьев В. Октябрь в Казахстане. Алма-Ата. 1978; Историко-партийная наука в Казахстане: некоторые проблемы историографии. Алма-Ата. «Казахстан», 1988. С.54-41; О прошлом – для будущего. Алма-Ата, «Казахстан». 1990. Алиби Джангельдин Документы и материалы. Алма-Ата. 1961:

⁴ ЦГА РК. Тургайское областное Правление ф.25 1869-1917 гг.

⁵ ЦГА РК. Тургайское областное Правление ф.25 1869-1917 гг. Ф.25. Опись 3, св.2, д.5. О награждении управляющих, местных начальников, старшин, биев и др. казахов. 24 авг.1867 г.- 3 февр.1873 г. 204 стр. Опись дел архива Тургайского областного правления. Ф.25. опись 3. д.5. 64 л.

⁶ ЦГА РК. Тургайское областное Правление ф.25. 1869-1917 гг. Ф.25. оп. 3. Д.4449. 483 л. (Орынбор Облыстық архивтен берілген. Составлен 1912 г 12 марта-12 мая.)

⁷ ЦГА РК. Тургайское областное Правление ф.25 1869-1917 гг. Ф.25. оп. 3. Д.4472. (5 томом) 1 т - 244 л; 2 т-591 л; 3 т-303 л; 4 т-287 л; 5 том-317 листов;

⁸ ЦГА РК. Ф.25. оп. 3, св.12. д.37б. Списки уездов Тургайской области с указанием волостных управителей, аульных старшин, количество кибиток в каждой волости и др. 1897 г. 34 стр.

⁹ ЦГА РК. Ф.25. оп. 1, связка 276, д.2889. О выборах должностных лиц Общественного управления по Сарыкопинской волости, Тургайского уезда. 1907-1910 г. 62 стр.

¹⁰ ЦГА РК. Ф.25. опись 1, св.291, д.3063. О выборах должностных лиц Общественного управления по Майкаринской волости, Тургайского уезда. 1910-1914 г. 150 стр.

¹¹ ЦГА РК. Ф.25. опись 1, св.291, д.3064. О выборах должностных лиц Общественного управления по Сарыкопинской волости, Тургайского уезда. 1910-1914 г. 108 стр.

¹² ЦГА РК. Ф.25. опись 1, св. 308, д.3385. О восстании киргиз Иргизского и Тургайского уездов. 1.IX.1916-24.I.1917. 97 стр.

¹³ ЦГА РК. Ф.25. опись 1, св. 308, д.3386. О призыве киргиз на тыловые работы. 16.X.1916-17.III.1917. 28 стр.

¹⁴ ЦГА РК. Ф.25. опись 1, св.65. д.417. О волнениях и беспорядках в связи с призывом инородцов на тыловые работы в действующую армию. 16.YI.1916-21.IX.1917 гг. 80 стр.

¹⁵ ЦГА РК. Ф.25. опись 1, д.418. О волнениях и беспорядках киргиз в связи с их мобилизацией на военные работы в действующую армию.24.YI.1916-31.XII.1917 гг. 853 л.

¹⁶ ЦГА РК. Ф.25. опись 1, д.418. О волнениях и беспорядках киргиз в связи с их мобилизацией на военные работы в действующую армию.24.YI.1916-31.XII.1917 гг. 5 л.

¹⁷ ЦГА РК. Ф.25. опись 1, д.418. О волнениях и беспорядках киргиз в связи с их мобилизацией на военные работы в действующую армию.24.YI.1916-31.XII.1917 гг. 42 л.

¹⁸ ЦГА РК. Ф.25. опись 1, д.418. О волнениях и беспорядках киргиз в связи с их мобилизацией на военные работы в действующую армию.24.YI.1916-31.XII.1917 гг. 43 л.

¹⁹ ЦГА РК. Ф.25. опись 1, д.418. 44-47 лл.

²⁰ ЦГА РК. Ф.25. опись 1, д.418. 82 л., 102 л.

²¹ ЦГА РК. Ф.25. опись 1, д.418. 82 л., 141 л.

²² ЦГА РК. Ф.25. опись 1, д.418. 82 л., 213 л.

²³ ЦГА РК. Ф.25. опись 1, д.418. 277-278 лл.

²⁴ ЦГА РК. Ф.25. опись 1, д.418. 343 п., 353 п

²⁵ ЦГА РК. Ф.25. опись 1, д.418. 343 п., 390 п.

²⁶ ЦГА РК. Ф.25. опись 1, д.418. 391-392 пп., 505-506 пп., 512-513 пп.

²⁷ ЦГА РК. Ф.25. опись 1, д.418. 292 п.

²⁸ ЦГА РК. Ф.25. опись 1, д.418. 654 п.

²⁹ ЦГА РК. Ф.25. опись 1, д.418. 656-657 пп., 659 п., 667-668 пп.

³⁰ ЦГА РК. Ф.25. опись 1, д.418. 728 п

³¹ ЦГА РК. Ф.25. опись 1, св.65. д.417. О волнениях и беспорядках в связи с призывом на тыловые работы. 1916г.

³² Государственный Архив Российской Федерации. (ГАРФ) Ф. Р-5325. Оп. 4. Д. 403. Л. 1-23. Предварительная справка о восстании 1916 года в Казахстане.

³³ ЦГА РК. Ф.25. опись 1, св.107. д.808а. О выдаче заграничных паспортов магометанским полонникам. 7.III.1910- 26.II.1911 г. 564 стр.; Ф.25. Опись 1, св.108. д.818а. О выдаче заграничных паспортов

магометанским полонником. 9.XII.1911- 4.I.1912 г. 455 стр.; Ф.25. опись 1, св.110. д.832а. О выдаче заграничных паспортов магометанским полонникам. 13.YIII.1912- 22.XII.1912 г. 327 стр

³⁴ ЦГА РК. Ф.25. Опись 1, св.222. д.2300. О принятии киргизами тургайской области св.крещения. 26.II.1980-7.I.1981. 4 стр.

³⁵ Российский Государственный Исторический Архив. (РГИА) Ф. 1291. Оп. 82-1862. Д. 30. Л. 94-141

³⁶ ЦГА РК. Народный Комиссариат внутренних дел Казахской АССР. (НКВД КазССР) ф.40., 695 ед.хр. 1920-1930 гг. Оп.1. д.257. Протоколы заседаний президиума Тургайского уездного исполкома и его отделов Букеевской губернии. 4.6.1921-16.7.1922 гг. 24 листов. Оп.1. д.287. Протоколы заседаний Тургайского райисполкома. 15.5.1921-25.12.1921 гг. 8 л.

³⁷ ЦГА РК. Ф.40 Оп.1. д.295. Выписки из протоколов заседаний президиумов губернских и уездных комиссий по оказанию помощи голодающим 18.11.1921-2.1.1922 гг. 30 л.

³⁸ ЦГА РК. Ф.40. Оп.1. д.294. Выписки из протоколов заседаний президиумов Губисполкомов, приказы и отчеты о деятельности народного Комиссариата просвещения КирАССР за 1921 год. 195- листов.

14-16 л. Сводка о состоянии дела Народного образования в Кирреспублике по данным 1 сентября 1921 года.

128-139 лл. Доклад о деятельности Наркомпроса за декабрь месяц 1921 г.

142-181 лл. Отчет о деятельности Наркомпроса за 1921 г.

183 л. Проект постановления КЦИК об учете грамотных по Кир.республике.

184-189 лл. Доклад в Совнарком Киргизской С.С.Республики об отделе Народного образования Кирвоенревкома.

³⁹ ЦГА РК. Ф.40. Оп.1. д.426. Беремжанов Ахмет Кургамбекович. 6.11.1920-6.4.1921. Анкета сотрудника Комиссариата внутренних дел Киркрая. 1 л.; Удостоверение 2 л.; Регистрационная карточка служащих в Советских Учреждениях. 6 л.;

⁴⁰ Жұртбаев Т. Шырмалған шындық немесе бір тергеудің тарихы. – «Өркен», 1989, 17 маусым.

⁴¹ Сағынбекұлы Р. Жүсіпбек (Өмірі мен қаламгерлік қызметі). – Алматы, «Санат», 1997. – 224 бет.

⁴² ЦГА РК. Ф.251, 3337 ед.хр., 1922-1936 гг. Казахское отделение верховного суда РСФСР.

⁴³ КРОММ 5-қор, 2-тізбе, 45-іс; 251-қор, 1-тізбе, 16-іс; 4 тізбе, 4, 7, 8, 13, 17-іс.

⁴⁴ ҚР Президенті мұрағаты 811- қоры.

⁴⁵ КРОММ 1023-қор. 1-тізбе. 1884-1954. Джангельдин Алиби Тогжанович советский, государственный деятель, участник революционного движения, гражданской войны, борьбы за установление советской власти в Казахстане.

Канша Калиева

Кандидат исторических наук, доцент

**ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ
ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ УЧЕТА НАСЕЛЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ в
1898–1919 гг.**

На современном этапе развития исторической науки разработка источниковедческих аспектов истории переписей населения Казахстана является одной из важных и малоизученных проблем.

Для получения данных о населении в науке используется система различных источников информации: текущий статистический учет социально-демографических событий, различные регистры (списки, картотеки) населения, а также выборочные и специальные обследования.

Самым крупномасштабным и многоцелевым источником информации о населении является его перепись. К середине XIX в., когда во многих странах мира уже проводились переписи, приближенные к их современному пониманию, в науке были даны и первые определения переписей населения как масштабных государственных учетных операций, охватывающих все население страны или ее отдельных территорий.

Разработка итогов первой Всероссийской переписи населения и их публикация были завершены в 1905 г., а в 1908 г. был поднят вопрос о проведении новой, очередной переписи населения в 1910 г. (т.е. в соответствии с международными рекомендациям в год, оканчивающийся на 0). Необходимость проведения новой всеобщей переписи населения Российской империи была продиктована огромными сдвигами в перемещении населения и значительными миграциями на национальные окраины¹.

Вопрос о проведении второй всеобщей переписи населения Российской империи был снова поднят П.П. Семеновым-Тян-Шанским. О том же говорил и А.А. Кауфман, другие сторонники и знатоки всеобщего учета народонаселения отечества. В 1913 г. подготовка к новой переписи началась. Из-за трудностей, главным образом финансового свойства, ее в очередной раз отодвинули — на 1915 г. Но и тогда новая всеобщая перепись населения в России не состоялась из-за начавшейся в августе 1914 г. Первой мировой войны. Лишь в мае-июне 1916 г. (а в Казахстане в июне-августе 1916 г.) новая перепись все же прошла в 69 губерниях и областях России, будучи, по сути, не всеобщей, а только сельскохозяйственной. В ней не учтено население городов и временноотсутствующее население².

Организация переписи 1916 г. была поручена Особому совещанию по продовольственному делу. Ему разрешили в работу ввести «работников» земств и представителей Переселенческого управления (созданного еще в 1896 г. и переданного, в 1906 г., из Министерства внутренних дел в главное управление землеустройства и земледелия³).

Цель переписи 1916 г. свелась к получению сведений о продовольственных ресурсах страны. В ходе ее проведения регистрировали следующие данные: численность сельского населения 69 губерний и областей России, число хозяйств, поголовье скота, размер посевных площадей (по культурам), запасы главных продовольственных и фуражных культур. Предварительные итоги переписи были подведены местными учреждениями, на которые было возложено ее проведение. В статистическом отделе Управления делами Особого совещания по продовольствию предварительные местные подсчеты проверили, итоги сбалансировали, и все представили в табличной форме⁴. Предварительные итоги имели погрешности⁵.

Третий том материалов переписи 1916 г. включал данные по Казахстану и Киргизии. Производство переписи здесь было возложено на статистические отделы местных переселенческих организаций. Программа была общей, однако в связи с хозяйственными и бытовыми особенностями региона, в ней произвели некоторые изменения и дополнения, предложенные на съезде переселенческих статистиков, состоявшемся перед началом переписи в Иркутске. Эти изменения и дополнения касались разделения сельского населения на разряды: 1) крестьяне (старожилы, переселенцы), крестьяне из казаков, крестьяне из ссыльнопоселенцев; 2) казаки оседлые, казаки кочевые; 3) инородцы оседлые, инородцы кочевые; 4) мещане; 5) дворяне. Категории эти отмечались в соответствующих переписных формах. Кроме того, на форме 1, о хозяйстве крестьянского типа, делались пометки: приписной — надельный, приписной — безнадельный, посторонний, военнообязанный, беженец. Из-за трудности точного разграничения старожилов и переселенцев было решено считать старожилами домохозяев, родившихся в данном селении, а переселенцами — домохозяев, прибывших (независимо от возраста, в котором прибыли) в данное селение из европейских или сибирских губерний России или мигрировавших в пределах региона⁶.

Разделение на старожилов и переселенцев не распространялось на казахское население, ссыльнопоселенцев и временноприбывавших. Для переселенцев записывался год прихода в Казахстан. Для переселенческих хозяйств, разделившихся после водворения, отмечался год поселения материнского хозяйства. Для всех переселенцев отмечалась губерния как первоначального, так и последнего выхода. Для каждой из категорий населения делалась отметка о национальности. Но этнического деления для русского, украинского и белорусского населения региона в документах переписи 1916 г. нет.

Хозяйства крестьянского типа были переписаны полностью, хозяйства же кочевников — выборочно. Для этого отбирались, на основании ранее произведенных Переселенческим управлением сплошных переписей, типичные для определенных районов аульные общины, хозяйства которых переписывались сплошь. Одновременно с выборочной переписью, составлялись сплошные списки домохозяев, по административным единицам (аулам). Они то и служили основанием для распространения результатов переписи кочевых хозяйств на всю их массу.

По данным Н.Е.Бекмахановой, в 1916 г. в Казахстане было переписано 10 % от общего числа кочевых хозяйств, опрошено от 7,9 до 13,4 % от общего числа кочевников-казахов. Полностью в 1916 г. не опрашивали только в Гурьевском уезде Уральской области, где воспользовались данными обследования произведенного в 1915 г. Переселенческим управлением⁷.

Перепись 1916 г. не учла все сельское население Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей, население войсковой территории Уральской области и Гурьевского уезда той же области⁸.

Перепись 1916 г. в Казахстане была начата и завершена на месяц позже, в сравнении с Европейской Россией, так как переписные формуляры сюда прислали с опозданием. Как они в то время выглядели, из каких пунктов состояли, свидетельствует документ из 583 фонда Центра Документации Новейшей Истории Восточно-Казахстанской области (бывший Государственный архив Семипалатинской области). Документ озаглавлен следующим образом: «Форма № 6 Особого Совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г.». Он представляет собой таблицу с названием области, уезда, округа, волости, станицы, общества (сельского, поселкового, аульного), указанием фамилии, имени, отчества домохозяев и примечаний (количество земельных долей). В нем — список домохозяев селения Еленовка Александровской волости Павлодарского уезда Семипалатинской области. Верность списка удостоверяется подписью председателя Еленовского сельского исполнительного комитета и круглой печатью сельского старосты. В правом углу документа указан номер по списку населенных мест⁹.

Перепись 1916 г. в Казахстане проводилась с 11 июня по 1 августа (включительно). Проводилась она в нелегких условиях — громадные пространства региона, плохие дороги, малочисленность интеллигенции, короткие сроки. Но, благодаря энергии сотрудников статистических отделов местных переселенческих организаций, перепись в регионе завершили и провели подсчеты предварительных ее итогов. В сводных погубернских таблицах переписи 1916 г., кроме населения, охваченного переписью, представлена еще и общая численность необследованных в губернии (области) жителей.

При повсеместном исключении из переписи 1916 г. городского населения, в Казахстане в пределах городской черты учли те хозяйства, что имели скот и посеы (причем, некоторые мелкие города чисто сельского типа, были переписаны сплошь).

В пределы переписи 1916 г. не включили полосы отчуждения железных дорог, не входившие в состав волостей поселения городского типа, население которых не занималось сельским хозяйством (посады, слободы, местечки), а также поселки при фабриках, заводах, рыбацьи поселения, дачные местности.

Сведения о переписном населении в 1916 г. извлекались местными переписными учреждениями из официальных источников, предыдущих переписей, частью дополнительно были собраны в процессе проведения

самой переписи 1916 г. В таблицах этой переписи необследованное население разделено на сельское и городское, полнота сведений оговорена в примечаниях¹⁰.

Оценивая качество материалов переписи 1916 г. отметим, что некоторые учреждения не только вводили в программу переписи дополнения, но и допускали отступления от общегосударственной инструкции, что мешало сводке материалов. В некоторых областях регистрация велась на собственных бланках, с которых записи переносились потом на переписные формуляры, иногда вводились условные обозначения, не предусмотренные инструкцией. Часть местных переписных учреждений направила в Петроград вместо подлинников копии, что затянуло разработку материалов. Но, несмотря на недостатки, перепись дала ценный материал — о хозяйствах на селе, о посевах и скоте, а также об общей численности населения, обследованных 69 губерний и областей страны.

Цифры необследованного населения в материалах переписи 1916 г. поданы суммарно, в итогах — по областям, отдельно — для городов и для сельской местности. Эти сведения были представлены областным переписным учреждениям из уездных переселенческих организаций.

Расположение материала в переписных листах 1916 г. было следующим: поуездные итоги сельскохозяйственной переписи в абсолютных числах о населении, посевах, скоте, погубернские итоги, данные о населении, посевах и скоте в абсолютных величинах и в процентах. Содержание таблиц по Казахстану немного отличалось от содержания таблиц по Европейской России. Различия были в перечне сельскохозяйственных культур и видов скота.

Данные переписи 1916 г. по областям подытожены по двум категориям хозяйств — хозяйствам крестьянского типа и частновладельческим. К частновладельческим хозяйствам относились хозяйства учреждений, кооперативов, заводов, монастырей, а также арендаторские. К итогам по этим хозяйствам приплюсованы также итоговые данные по скоту, принадлежавшему гуртовщикам-прасолам. Эта группа хозяйств по своему составу была весьма неоднородной. К хозяйствам крестьянского типа были отнесены казахские, киргизские, казачьи хозяйства, а также общественный скот и запашки сельских обществ. Итоги для казахских хозяйств были получены путем распространения данных выборочной переписи на всю массу хозяйств: каждая цифра умножалась на отношение числа хозяйств по сплошной массе к числу хозяйств по выборке. Процент хозяйств, попавших под выборку, колебался по отдельным уездам от 7,9 до 13,4 % всего числа казахских и киргизских хозяйств в уезде. Число переписанных хозяйств по каждому уезду давалось в приложении. Численность рабочего скота выражалась в единицах. За единицу была принята лошадь и к ней приравнены пара волов и верблюды¹¹. Итоги переписи 1916 г. были изданы в третьем выпуске статистических сборников — «Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г.»¹². Из работ Н.В. Алексеенко проявляется такая важная деталь, связанная с переписью 1916 года:

статистический отдел Акмолинского переселенческого района в 1917 г. издал поволостные итоги этой переписи, взятой в рамках всех уездов одной (Акмолинской) области¹³.

Переселенческие районы в Казахстане были образованы за несколько лет до переписи 1916 г. К 1905 г. в нем функционировали следующие переселенческие районы: Акмолинский, Семипалатинский, Семиреченский, Тургайский и Уральский (или: Тургайско-Уральский). Через отдельные уезды Казахстан был связан и с Сыр-Дарьинским переселенческим районом, с Закаспийской областью¹⁴.

Обязанностью заведующих переселенческими районами было: «с самым тщательным вниманием» относиться «к надлежащей постановке текущей статистики», к собиранию и к разработке сведений «о ходе переселенческого и поземельно-устроительного дела ... о развитии хозяйственной жизни района»¹⁵.

В каждый переселенческий район командировали группу статистиков, в чью обязанность, в первую очередь, входили: «учет зачисления и водворения переселенцев — ежемесячная сводка данных; исследование хозяйственного положения водворенных в районе переселенцев; учет переселенцев, не приписанных к существующим и вновь образуемым сельским обществам; исследование быта инородцев, в целях их поземельного устройства и перевода на оседлое положение»¹⁶.

«Программой статистико-экономического обследования землепользования и хозяйств инородческого кочевого населения Азиатской России», опубликованной в 1915 г. в сборнике законов и распоряжений, предусматривалась сплошная подворная перепись хозяйств по карточной системе. Относительно населения в подворную карточку следовало вносить такие сведения: «численность населения, с делением по полам и на четыре возрастные группы (дети, подростки, полурабочие, рабочие, старики) ... с отметкой о знании русского языка и русской грамотности»¹⁷. Также предусматривался сбор сведений о промыслах, наемных рабочих, жилых постройках, сельскохозяйственном инвентаре, количестве скота, сборе сена, способах обработки и уборки пашен и сенокосов. Статистикам переселенческих районов вменялось в обязанность анкетное бюджетное описание отдельных хозяйств.

Данные сплошной подворной переписи разрабатывались по следующим таблицам: поаульная сводка, с подведением итогов по административным аулам, волостям и уездам; итоговая сводка по общинам; комбинационные или групповые таблицы, по группам общин, составляющих хозяйственные районы¹⁸.

Материалы статистических исследований публиковались в сборниках, журналах отдельными изданиями. Так, в 1906 г. увидел свет первый том «Вопросов колонизации», подготовленный к изданию Переселенческим управлением (всего таких томов вышло 19). Кроме статей, в этом сборнике приведены данные о численности переселенцев за несколько лет; сведения о бюджетах, сметах, о росте числа жителей

губерний (областей); обозначены итоги работ по статистическим обследованиям казахских и переселенческих хозяйств.

Информация о хозяйственном положении переселенцев на новых местах содержится и в «Отчетах» известного русского экономиста А.А. Кауфмана¹⁹.

С целью выявления «свободных» земель для переселенцев территория Казахстана обследовалась специальными статистическими партиями Переселенческого управления, В 1896–1901 гг. статистические партии обследовали 13 уездов степного Казахстана; в 1904–1912 гг. — 17 уездов, в том числе 10 уездов повторно. Кроме казахских хозяйств обследовались и переселенческие поселки²⁰.

Статистические партии усиленно занимались сплошным хозяйственным и экономическим обследованием казахских и переселенческих хозяйств. Чтобы определить количество земель, находившихся в распоряжении у кочевого населения, и размеров изъятия так называемых «излишков земли», под переселенческие участки были организованы большие и специальные «экспедиции по обследованию степных областей».

Первая такая экспедиция под руководством воронежского статистика Ф.А. Щербины работала в 1896–1909 гг. Она подробно исследовала и получила статистические сведения о территории и населении, о землях и их использовании, о хозяйстве казахов и переселенцев в 12 уездах тогдашнего Казахстана²¹. В 1907–1909 гг. новая экспедиция под руководством статистика В.К. Кузнецова вновь исследовала три уезда из числа тех, по которому прошла ранее экспедиция Ф. Щербины. Впервые в работе этой экспедиции принимали участие грамотные представители из числа местного населения (казахов) в качестве регистраторов — Н. Нурсеитов, Х. Сарсенбаев, К. Бейсенов, Х. Темирбеков, Ф. Абулгазин и другие, проживавшие в то время в Кокшетауском, Петропавловском и Омском уездах Акмолинской области²².

В 1909 г. состоялось обследование всех переселенческих хозяйств, размещавшихся тогда на территории Казахстана. При этом, статистические материалы в Акмолинской и Семипалатинской областях, в отличие от других областей, были собраны анкетным путем, через сельские правления при участии специальных корреспондентов²³.

Итак, между двумя переписями населения, состоявшимися в России в 1897–1916 гг. велся постоянный текущий учет по различным категориям населения, с разными целями, задачами. При этом качество проводимых переписей росло, но трудностей от этого не становилось меньше. Дело по-прежнему осложняли огромная территория страны, плохие дороги, недостаточное число специалистов, большая внутренняя миграция. С 1897 по 1916 г. в России в переселенческом движении на Восток приняли участие не менее пяти миллионов человек, в одном месте учтенные как выбывшие, а в других, переселенческих, районах (в том числе и в Казахстане), прошедшие регистрацию как вновь прибывшие.

Целью подобного мероприятия в 1917 г. стала сельскохозяйственная, поземельная и городская перепись населения России. Дело начиналось так: 18-23 апреля 1917 г. в Министерстве земледелия был созван съезд статистиков страны, который принял программу переписи для сельской местности и городов. Регистрировалось наличное и временноотсутствующее население по месту постоянного жительства. Отдельно учитывались призванные в армию.

5 мая 1917 г. Временное правительство приняло закон о переписи населения. 9 мая 1917 г. было опубликовано постановление министра земледелия о порядке, ходе и цели проведения новой переписи в 61 губернии и области.

Перепись 1917 г. проходила длительное время — с середины июня по октябрь. В Казахстане она проводилась в четырех областях, в остальных использовались результаты переписи 1916 г. и материалы текущего учета²⁴.

В карточку для сплошной переписи сельских хозяйств Азиатской России и Сибири в 1917 г. были включены следующие вопросы: название области, уезда, волости, населенного пункта (деревня, село, поселок, переселенческий участок, хутор, город, имение, заимка, общество); фамилия, имя и отчество домохозяина (и/или название учреждения или предприятия); национальность домохозяина (для иностранцев указать подданство); вопросы для старожиллов и переселенцев (год прихода в Сибирь, год поселения на описываемом и/или выделившемся самостоятельного хозяйства на участке, год выдела, губерния выхода — первая и последняя); вид хозяйства (отсутствующее, частновладельческое); число хозяйств; состав семьи и наличных рабочих с подразделением по полу, возрасту (для мужчин следующие возрастные группы: до 8 лет, от 8 до 14, от 14 до 18, от 18 до 20, от 20 до 60, свыше 60 лет; для женщин — до 8 лет, от 8 до 12, от 12 до 16, от 16 до 20, от 20 до 55, свыше 50 лет), по трудоспособности, грамотности, занятости в промыслах (промыслы за последний год, положение в промысле, для сельскохозяйственного рабочего - где занят); численность скота по видам (лошади, крупный рогатый скот, овцы, козы, свиньи); размеры посевных площадей по культурам и земельной площади по угодьям; размеры землевладений и землепользования с подразделением земель на наделные, купчие, прочие и по формам землевладения; аренда и сдача земли; наличие сельскохозяйственного инвентаря, с указанием, кому инвентарь принадлежит (чужой, свой); наличие промышленного и торгового заведения (название и количество)²⁵.

В Западном Казахстане в 1917 г. были переписаны все основные части региона: Уральская и Тургайская области, Букеевская орда. Собранные данные содержали итоги по всем административным подразделениям. Однако в ходе последующих событий сведения по населенным пунктам и волостям этого края были утеряны, но сохранились поездные и областные результаты переписи²⁶.

По мнению Н.Е. Бекмахановой, "сравнение результатов переписи 1917 г. с данными текущего учета показало меньший разрыв, чем в 1897 г.

Отчеты губернаторов в 1917 г. завысили данные о населении Казахстана лишь на 2%²⁷.

Таким образом, на отрезке времени от 60-х гг. XIX в. и включая 1917 г., население Казахстана учитывалось: во-первых, переписями, как специально демографическими, так и преследующими иные цели, переписями общегосударственными — 1897, 1916, 1917 гг., а также локальными. Во всех этих переписях, как правило, фиксировались численность, этнический состав, вероисповедание населения, но не бралось во внимание национальное самосознание людей. Во-вторых, учет населения Казахстана в то время осуществлялся и с помощью полицейско-административного исчисления, дававшего сведения о численности населения, его составе, внутренних и внешних миграций, естественного движения. В-третьих, учет жителей Казахстана тогда проводился и по линии церковной статистики, которая фиксировала естественный прирост населения (рождения, смертность), число прихожан по вероисповеданиям. Наконец, следует помнить, что учет населения Казахстана в указанное время осуществлялся и с помощью медицинской статистики.

Перепись 1917 г. имела свои недостатки. Она не охватила всей территории России и растянулась на значительный срок (с середины июня по октябрь). Тем не менее, она дала доброкачественный материал, отразивший в общей форме те изменения в численности, в размещении и, отчасти, в этническом составе населения страны, что произошли в ней к 1917 г.

Недостатки учета населения в переписи 1917 г. заключены не только в неполноте охвата в ней населения, но и в разной методике сбора сведений для нее, в их обработке²⁸. Разумеется, при этом нужно учитывать и объективные трудности военного времени. А для Казахстана, оценивая достоверность сведений переписи 1917 г., необходимо исходить из того, что в XIX в., переломном в деле освоения его территории Россией, происходили значительные перемещения казахов; в начале же XX в. участие казахов в событиях 1916 г. также отразилось на подсчете их численности в переписи 1917 г.²⁹

Предварительные результаты сельскохозяйственной переписи 1917 г. начали публиковаться с 1919 г. В 1921 г. были опубликованы сводные данные по 52 губерниям и областям. Наиболее полная публикация под заглавием «Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и земельной переписи по 57 губерниям и областям» была осуществлена в 1923³⁰. Многие собранные сельскохозяйственными переписями 1916 и 1917 гг. данные, содержащиеся в анкетах, в публикации итогов не вошли. Поэтому особый научный интерес представляют первичные материалы переписей — подворные карточки (из наиболее известных проектов — обработка первичных данных переписей по Томской губернии под руководством Л.М. Горюшкина в Новосибирске в 1960-е гг.³¹). Однако, в целом, первичные данные сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. недостаточно введены в научный оборот.

Перепись 1916 г. в центральных районах прошла в мае-июне, а в Казахстане для ее осуществления потребовалось более позднее и более продолжительное время. В Казахстане перепись 1916 г. проходила с 11 июня и по 1 августа.

Перепись 1917 г., получившая статус сельскохозяйственной, поземельной и городской переписи, началась с середины июня и закончилась в октябре. В Казахстане она прошла только в четырех областях. Не было учтено население Тургайской области и так называемое гражданское население Уральской области³². В остальных пределах региона за основу для новой переписи были взяты результаты учета, проведенного в 1916 г., а также материалы текущей информации.

Тем не менее, две переписи военного времени (1916-1917 гг.) позволяют определить основные тенденции демографического развития Казахстана из числа наметившихся к концу досоветского периода. Их данные служат определенной базой для анализа материалов первых советских переписей (проведенных, в том числе, и в пределах современного Казахстана).

Период конца XIX — первой четверти XX в. сыграл большую роль в истории Казахстана. Это время глобальных подвижек в жизни общества. Все они в первую очередь отражались на населении. Политические, экономические, социальные, административные и другие изменения привели к существенной трансформации этнического и социального состава населения Казахстана.

¹ Брук С.И., Кабузан В.М. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XIX в. — 1917 г.) // История СССР. 1980. № 3. С.75.

² Гапоненко Л.С., Кабузан В.М. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916–17 гг. как источник определения численности населения России накануне Октябрьской революции // История СССР. 1961. № 6. С. 25.

³ Ерошкин Н.П., Куликов Ю.В., Чернов А.В. История государственных учреждений России до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965. С. 228.

⁴ ЦДНИ ВКО. Ф. 583. Оп.1. Д. 32. Л. 2.

⁵ Бекмаханова Н.Е. Указ. соч. С. 59.

⁶ Подворные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. (по подсчетам, произведенным местными переписными учреждениями), вып. III. Степной край. Пг., 1917. С. 11. // Цит. по: Алексеенко Н.В. Статистические источники по демографии Казахстана. Усть-Каменогорск, Шыгыс баспа, 1999. С. 29.

⁷ Бекмаханова Н.Е. Указ. соч. С. 60.

⁸ Алексеенко Н.В., Алексеенко А.Н. Демографические кризисы в Казахстане. XX век. Усть-Каменогорск. Медиа-Альянс, 2007. С. 15.

- ⁹ ЦДНИ ВКО. Ф. 583. Оп.1. Д. 32. Л. 2.
- ¹⁰ Бекмаханова Н.Е. Указ. соч. С. 60.
- ¹¹ Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. По 57 губерниям и областям // Труды ЦСУ. Т. 5. Вып. 2. М., 1923; Бекмаханова Н.Е. Указ. соч. С. 61.
- ¹² ЦДНИ ВКО. Ф. 583. Оп. 1. Д. 32. Л. 2.
- ¹³ Итоги сельскохозяйственной переписи 1916 г. в Акмолинской области. Омск, 1917.
- ¹⁴ Переселение и землеустройство в Азиатской России. Сборник законов и распоряжений. Пг., 1915. С.4.
- ¹⁵ Там же. С. 16.
- ¹⁶ Там же. С. 16–17.
- ¹⁷ Переселение и землеустройство в Азиатской России. Сборник законов и распоряжений. Пг., 1915. С. 420.
- ¹⁸ Там же. С. 16–17.
- ¹⁹ Полтаранин И.А. Исторические взгляды А.А.Кауфмана. Усть-Каменогорск, 2002. С. 53–66.
- ²⁰ Алексеенко Н.В. Статистические источники по демографии Казахстана. Усть-Каменогорск, Шығыс баспа, 1999. С. 23.
- ²¹ Волкова Т.П. Некоторые проблемы источниковедческого изучения материалов экспедиции Ф.А. Щербины // Вопросы историографии Казахстана. Алма-Ата, 1983. С. 232.
- ²² История переписей населения и этнодемографические процессы в Казахстане. Алматы: Агенство РК по статистике. 1998. С.17.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Гапоненко Л.С., Кабузан В.М. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916–17 гг. как источник определения численности населения России накануне Октябрьской революции // История СССР. 1961. № 6.
- ²⁵ ЦДНИ ВКО. Ф. 583. Оп. 1. Д. 32. Л. 17–17об.
- ²⁶ Левшин А. Историческое обозрение уральских казаков. Спб. С. 2–3 // Цит. по: Сдыков М.Н. История населения Западного Казахстана. Алма-Ата, 2004. С. 82.
- ²⁷ Бекмаханова Н.Е. Указ. соч. С. 62.
- ²⁸ Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи (По подсчётам, произведённым местными переписными учреждениями). Вып. 1: Европейская Россия. Пг., 1916; Вып. 2: Кавказ. М., 1917; Вып. 3: Степной край, Сибирь и Дальний Восток.
- ²⁹ Сдыков М.Н. История населения Западного Казахстана. Алма-Ата, 2004. С. 82.
- ³⁰ Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. По 57 губерниям и областям // Труды ЦСУ. Т. 5. Вып. 2. М., 1923
- ³¹ Материалы переписи 1916 г. по Томской губернии (из опыта обработки на ЭВМ). Под ред. Г.М. Горюшкина. Новосибирск, 1969.
- ³² Алексеенко Н.В., Алексеенко А.Н. Демографические кризисы в Казахстане. XX век. Усть-Каменогорск. Медиа-Альянс, 2007. С. 15.

Анна Щетинина

Кандидат исторических наук

**ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
АРХИВОВ ПО БЕЖЕНЦАМ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА АЛТАЕ**

Первые беженцы, число которых было незначительным, появились в Сибири уже в начальном периоде войны. Массовое же их прибытие, как отмечается во многих источниках, относится к концу лета 1915 г. До августа 1915 г. в Томской губернии (территория которой в основном и рассматривалась в данной работе, в 1917 г. из ее состава выделилась Алтайская губерния) не существовало специальных учреждений и организаций, которые бы занимались не только учетом и регистрацией беженцев, но и оказанием им необходимой помощи: медицинской, материальной и др. Первую самую необходимую помощь беженцы получали от врачебных пунктов Переселенческого Ведомства, которые располагались вдоль железных дорог¹.

14 сентября 1914 г. было принято положение о Комитете великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий. Первое время он являлся единственной организацией, которая оказывала реальную помощь беженцам по всей России. Комитет по мере надобности создавал свои отделения в разных регионах. В Томской губернии были образованы Томское губернское отделение, три городских отделения (в Томске, Барнауле и Новониколаевске), Кыштовское участковое и Чемальское волостное отделения². К сожалению, среди архивных материалов Государственного архива Алтайского края (далее – ГААК) и Государственного архива Томской области (далее – ГАТО) источников, отражающих в полной мере деятельность этого Комитета и его отделений, нами не обнаружено. Имеются только единичные документы в составе фондов других организаций, занимавшихся устройством беженцев. Однако эти единичные документы не раскрывают историю деятельности Комитета на юге Западной Сибири. Можно предположить, что после ликвидации Комитета в 1917 г. его документы либо были уничтожены, либо вошли в состав архивных материалов центральных архивов РФ. Так, например, в Российском Государственном Военно-историческом архиве (РГВИА) имеется фонд Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий (Ф. 16115); фонд Московского столичного отделения Татьянинского комитета (Фл70) имеется в Центральном Историческом архиве г.Москвы.

Татьянинский Комитет и его отделения являлись благотворительной организацией, однако с увеличением числа беженцев возникла острая необходимость в создании специальных комитетов, которые бы занимались всеми делами по приему, размещению, устройству беженцев в губернии, а также оказывали бы им помощь. В результате в августе 1915 г. был создан Томский губернский комитет по устройству беженцев, который действовал при Томском губернском управлении. Позднее были образованы 7 уездных комитетов, 11 городских и 4 национальных.

Практически все документы по деятельности указанных комитетов за дореволюционный период хранятся в фондах ГАТО. Документы Томского губернского комитета по устройству беженцев выделены в отдельный фонд³. В нем содержится 130 единиц хранения за 1915-1918 гг. Дела фонда по содержащейся в них информации можно разделить на несколько тематических групп:

1. Сведения о движении и распределении беженцев;
2. Дела по размещению, устройству и оказанию разного рода помощи беженцам;
3. Дела по розыску потерявшихся беженцев;
4. Сведения об имущественном положении беженцев, о количестве трудоспособного элемента среди них, о трудоустройстве беженцев и т.п.;
5. Регистрация беженцев, в том числе посемейные карточки регистрации⁴;
6. Организационные вопросы и переписка Комитета с учреждениями по вопросам о беженцах.

Источники, отражающие решение проблем, связанных с беженцами, были выявлены также в фонде Томского губернского управления⁵. Дела фонда содержат документацию по образованию комитетов помощи беженцам⁶, о распределении беженцев по губернии⁷, а также личные дела и списки интернированных и высланных под надзор полиции⁸.

Документы указанных выше 2-х фондов дают достаточно подробную информацию о ситуации, связанной с беженцами в Томской губернии по состоянию на период с 1915 г. по 1917-1918 гг., то есть с начала массового прибытия беженцев в губернию до разделения Томской губернии, а также до момента ликвидации дореволюционных учреждений, организаций и органов власти и управления.

В связи с тем, что Алтай до 1917 г. входил в состав Томской губернии, в фондах ГААК источники, отражающие деятельность первых организаций и учреждений по оказанию помощи и регистрации беженцев в 1915-1917 гг., представлены немногочисленными документами. В основном, это документы из фондов городских и уездных органов власти и управления. Основная масса архивных источников по беженцам за 1917-1919 гг. в ГААК находится в фондах земских управ. Именно при них создавались местные комитеты и отделы по оказанию помощи и устройству беженцев в период, когда власть в Сибири окончательно не была установлена. Среди архивных материалов ГААК документы 1917-1919 гг. по беженцам были выявлены в

фонде Алтайской губернской земской управы, в фондах 4-х уездных и 2-х волостных Земских управ⁹. В материалах этих фондов отражена деятельность Губернского беженского комитета, Губернского Отдела о беженцах при Алтайском губернском комиссаре, Барнаульского и Бийского отделов помощи беженцам¹⁰. Из выявленных документов интерес представляют данные о расселении беженцев, а также анкеты сельскохозяйственной переписи 1917 г., в которых учитывались беженцы и гражданские пленные.

Известно, что на Алтае Советская власть окончательно была установлена в декабре 1919 г. До этого власть в регионе переходила несколько раз из рук в руки: от Советской власти к Временному сибирскому правительству и правительству Колчака. Для периода 1917-1919 гг. было характерно частое прекращение деятельности прежних организаций по оказанию помощи беженцам и возникновение новых. Так, например, после Февральской революции 1917 г. Татьянинский комитет был переименован во Всероссийский комитет помощи пострадавшим от войны. Постепенно его деятельность в связи с гонениями свелась к минимуму, а затем и вовсе прекратилась. На протяжении 1917 г. на Алтае руководил устройством беженцев Алтайский Губернский Комиссар, при нем существовал Губернский Отдел о беженцах.

Как по стране в целом, так и в Сибири в течение 1917 г. делались попытки демократизировать организацию помощи беженцам. В ноябре 1917 г. на Втором Всероссийском съезде беженцев (состоялся 19 ноября) было избрано Центральное правление Всероссийского Союза беженцев при МВД, этот Союз пришел на смену Отделу по устройству беженцев при МВД (Союз был создан на первом Всероссийском съезде беженцев 1-12 сентября 1917 г.). Он рекомендовал в рассылаемых в местные Советы письмах, телеграммах демократизировать прежние беженские организации, политику по оказанию помощи беженцам. Подобное предложение в марте 1918 г. поступило в Барнаульский Совет рабочих и солдатских депутатов. В нем содержалась просьба принять меры для оказания помощи беженцам на местах: назначить комиссара по делам беженцев или Комиссию для контроля над уже существующими национальными или общественными учреждениями, для реорганизации их на демократических началах привлечением широких масс. В уездах и городах предлагалось создавать беженские Советы, члены которых будут избираться на общих собраниях или съездах беженцев. Всеми делами беженцев в губернии должен был заниматься избранный Советами губисполком. С их утверждением деятельность комиссаров прекращается. На Алтае Губернский Совет беженцев был создан не позднее марта 1918 г.: как свидетельствуют источники, 26 марта 1918 г. состоялось одно из его заседаний¹¹.

Частая смена власти и беженских организаций и учреждений в эти годы стала причиной плохой сохранности или полного отсутствия правительственных документов, а также документов организаций по оказанию помощи беженцам. Так, документы Временного сибирского правительства по вопросам беженцев находятся в совершенно разных

фондах ГААК, причем имеются единичные дела, которые не отражают в необходимом объеме деятельность правительства в указанной сфере. Некоторые сведения за 1917-1919 гг. можно найти в переписке Алтгубземуправы с Временным Сибирским правительством, содержащейся в фонде ГААК 233.

В 1918 г. была введена должность Управляющего Алтайской губернией. В ГААК его фонд (Ф.235) содержит 83 единицы хранения за 1918-1919 гг., документальные материалы, необходимые для раскрытия темы данной работы, имеются в двух единицах хранения¹². Также лишь частично сохранились материалы Алтайского Губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (Ф.Р-10) за 1918-1919 гг.

Документы Временного правительства по вопросам беженцев и выселенцев имеются в фондах ГАТО. В отдельный фонд выделены материалы Томского губернского комиссара Временного правительства¹³. Он включает в себя 63 единицы хранения за 1917 г., в том числе документы о высылке в Сибирь иностранных подданных. Фонд Р-1362 содержит материалы Управляющего Томского губернией за 1918-1919 гг. Для данной работы интерес представляют дела на иностранных подданных, регистрационные карточки и списки.

Гораздо лучше в фондах ГАТО сохранились архивные материалы 1917-1919 гг., отражающие разного рода статистические сведения о беженцах за этот период, а также документы по регистрации. Речь идет о регистрационных карточках, списках беженцев и о разного рода ведомостях по учету движения беженцев и их содержанию. Помимо выше указанных фондов Томского губернского управления и Томского губернского Комитета по устройству беженцев, подобные сведения содержатся в документах фонда Томского губернского статистического бюро¹⁴. Прежде всего, в нем нас интересовали регистрационные карточки беженцев на семью¹⁵. Нами было выявлено 786 таких регистрационных карточек, созданных в период с 1915 г. по 1918 г.

Таким образом, архивные материалы за 1917-1919 гг. менее подробно отражают ситуацию по беженцам на юге Западной Сибири, чем дореволюционные. Если до 1917 г. архивные материалы ГАТО и ГААК содержали информацию в целом по Томской губернии, то документы этих архивов, созданные после 1917 г. отражают, в основном, историю только одного региона, то есть только Томской или только Алтайской губернии. Исключением являются некоторые документы Государственного архива Новосибирской области (далее – ГАО) за 1920-е гг., которые создавались центральными Сибирскими учреждениями, организациями и т.п. Например, созданные Сибирским управлением по эвакуации, деятельность которого распространялась на все сибирские губернии.

С восстановлением Советской власти на Алтае в 1919 г. был образован Алтайский губернский революционный комитет (Алтгубревком) как временный чрезвычайный орган гражданской и военной власти. Целью его создания являлась организация обороны, ликвидация сопротивления контрреволюционеров, наведение революционного порядка в губернии,

решение вопросов хозяйственной жизни. При нем в это же время создается Губернская коллегия по делам о пленных и беженцах (Губпленбеж), которая существовала до мая 1920 г. Документация Коллегии содержится в фонде Алтгубревкома¹⁶, в отдельный фонд ее материалы не выделены.

В мае 1920 г. постановлением Сибирского революционного комитета Губпленбеж реорганизована в Управление по эвакуации населения (Губэвак) при исполнительном комитете Алтайского Губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Деятельность Управления частично отражена в материалах фонда Р-9. Несмотря на то, что в августе 1920 г. Алтгубревком передал всю полноту власти Алтайскому Губернскому Совету, фонд Р-9 включает в себя документы и за 1921 г. Кроме источников по проблемам беженцев первой мировой войны, в нем есть материалы по организации переселения и устройству беженцев из голодающих районов Центральной России. Состав документов фонда Алтгубревкома обширный и разнообразный, что позволяет использовать их для всестороннего изучения определенных категорий вынужденных миграций, в том числе и для исследования движения беженцев.

Еще более объемный источниковый материал находится в составе фонда Алтайского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов¹⁷. Совет являлся распорядительным и исполнительным органом власти. Наиболее интересными для данной работы являются его отделы: Отдел принудительных работ, Эвакуационный отдел, Комиссия помощи голодающим. Кроме эвакуационного отдела, при исполнительном комитете Совета, как уже было сказано выше, действовало Управление по эвакуации (Губэвак). Его документация выделена в отдельный фонд, но и среди материалов фонда Р-10 есть немало источников о деятельности Губэвака. Фонд Губэвака¹⁸ включает в себя 21 единицу хранения за 1920-1922 гг.

Деятельность исполнительных комитетов волостных советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов на Алтае отражена в документах 54-х фондов ГААК. В них имеется 1623 единицы хранения за 1917-1926 гг. Деятельность волостных советов интересна с той точки зрения, что они являлись непосредственными исполнителями тех или иных приказов, распоряжений, указаний. Не менее полезными для данной работы оказались волостные списки беженцев. Сведения из них необходимы для выяснения территориального размещения беженцев, а также их численности, национального и профессионального состава.

В фондах ГАНО необходимые сведения по беженцам содержатся, в основном, в материалах 1918-1920-х гг. Прежде всего, это документы Сибирского революционного комитета (Сибревкома), Сибирского управления по эвакуации населения (Сибэвак), Сибирского комитета помощи голодающим (Сибпомгол). Интересующие нас сведения, в основном, представлены общими данными по Сибири о движении беженцев, об их реэвакуации. Имеются тексты приказов, инструкций центральных сибирских учреждений и органов власти по регистрации беженцев, по вопросам реэвакуации, выдачи документов и т.п., а также регистрационные карточки беженцев по Новониколаевску за 1921 г.¹⁹

Помимо беженцев первой мировой войны, довольно хорошо отражена деятельность по приему, размещению и оказанию помощи беженцам из голодающих губерний России. В связи с тем, что в документах фондов ГАНО имеются, в основном, общие для Сибири сведения по беженцам, мы использовали эти документы как дополнительный источник.

Окончание статьи в следующем номере.

-
- ¹ Беженцы в Томской губернии. Вып. 1-й. Томск, 1916 г. С.1.
² Там же, с. XII-XIII.
³ Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф-7. Оп.1, 2.
⁴ Там же. Оп.2. Д.8 и др.
⁵ Там же. Ф.3.
⁶ Там же. Оп.2. Д.6982; Оп.69. Д.1 и др.
⁷ Там же. Оп.23. Д.252 и др.
⁸ Там же. Оп.74. Д.656 и др.; Оп.77. Д.2804 и др.
⁹ Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). Ф.233, 223-228.
¹⁰ Там же. Ф.233. Оп.1. Д.37. Л.1, 2, 9; Оп.5. Д.54; Оп.6. Д.19.
¹¹ Там же. Ф.233. Оп.6. Д.19. Л.44 (об.).
¹² Там же. Ф.235. Оп.1. Д.52; Оп.1а. Д.12.
¹³ ГАТО. Ф.Р-166.
¹⁴ Там же. Ф.Р-321. Оп. 1.
¹⁵ Там же. Ф.Р-321. Оп. 1. Д.388.
¹⁶ ГААК. Ф.Р-9. Оп.1. Д.250-269.
¹⁷ Там же. Ф.Р-10.
¹⁸ Там же. Ф.Р-706.
¹⁹ Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф.Р-1133. Оп.1. Д.163а.

РУХАНИЯТ ТАРИХЫ

Kenzhe Torlanbayeva

Doctor of Historical Science

PRE-ISLAMIC ROOTS OF THE SUFI BROTHERHOOD OF YASSAVIYA IN CENTRAL ASIA

Category ‘asceticism’ is a part of ritual practice in both Manichaeism and Sufism. According to theories, symbolic anthropological rituals fundamental for understanding of what is culture. E. Shils pointed out that ritual and belief are intermingled, but separable, as it was seen by belief, but not ritual actions, connected with them and ritual cannot exist without belief¹. At the same time for a long period the ritual has been looked as an instrument of cognition in religion, but in fact ritual; practice in religion plays a significant role. We can observe that in Sufi brotherhoods a ritual *dzikr* turns into mechanical actions for achieving ecstasy, but at the same time different brotherhoods have different forms of *dzikr*.

Though Islam in Central Asia drew attention of researchers and some work has been done in and outside the USSR on history and nature of Islam in Central Asia (V. Basilov, V. Shukovtsev, O. Sukhareva, A. Toleubayev, A. Nikolson, Z. Validi, E. Bertels), only since the late 1990s new approaches to Islam were used to its study and they were demonstrated in the works by S. Prozorov, R. Mustafina, A. Hismatullina, B. Babadjanov, J. Paul, D. DeWeese, A von Kugelgen, A. Muminov, T. Zarcone etc.; main emphasis in these works has been done on the study of Sufi works of hagiographic nature, life of founders of the brotherhoods and followers, ritual practice, interrelations between Yassawiya and Naqshabnadiya etc. For example, B. Babadjanov worked on ritual practice – *dzikr* in the Yassawiya brotherhood²; works by D. DeWeese are devoted to the history of emergence and formation of this brotherhood, its teaching, questions on influence of pre-Islamic religions which cannot be ignored³. Research by A. Muminov on inscriptions in the Mausoleum of Ahmad Yassawi in the town of Turkistan and genealogy of Hwajas feel gap existed in the knowledge on Yassawiya brotherhood (Muminov, 2010). Comparative analysis of practices in Yassawiya and Naqshbandiya is given in the work by A. Hismatullin, who shows particular features of ritual practice of Yassawiya in Central Asia⁴.

In their studies on Sufis E. Bertels and P. Massignon paid attention to the existence of elements of earlier religions on Central Asian Sufism and they have been adapted to local beliefs and cults. One of such religions was Manichaeism⁵. Official acceptance of Islam in the Karakhanid state in 955 was one time action, and military and political, economic and cultural factors were behind it. In Central Asia typical features of Islam were: sedentary-agricultural and nomadic regions were interconnected with each other through Sogd and its colonies that

led to migrations across the Great Silk Road. Conquest by Arabs of urban centers of Central Asia occurred during the 60 years period from the first earliest invasions of the Arabs (644–704), and possibly, after that we can talk on an acquaintance of population with a new religion. The policy of Caliphate on taxes on Muslim and non-Muslim population also played its role in the process of ousting other religions from Sogd and Sogdian colonies. For Manichean communities Islam became a new challenge that was advancing into the steppe zone where Manicheans started more actively relying on the Turks. It was that time when important stage on the development of Eastern Manichean church starts: gaining political power in the Eastern-Turkic and Uyghur Khanates, while Sogdian metropolis with center in Samarkand gradually were lost for Manicheans due to the rise of other religions.

Two important written sources of the Karakhanid time available now are “Diwan Al-lughat at Turk” by Mahmud al-Kashgari and “Qutadghu Bilik” by Yusuf Khass-Khajib Balassaghuni. The first one informed on privileges of Islam in comparison with other religions and aimed at collection of materials on Turkic tribes and their languages for their representation in the Muslim world. Wisdom of ‘Qutadghu Bilik’ was taken from Persian and Arabic sources as well as the Manichean ones.

The poem ‘Qutadghu Bilik’, three manuscripts of which are known at the moment, was composed during the reign of the Qarakhanid dynasty. It is this dynasty with which conversion of the Turks to Islam is connected: according to Muslim authors Ibn al-Asir and Jamal Karshi, Islam was accepted by the Turkic tribes under the ruler Satuq Bogra-khan Abd al-Kerim and his son Musa⁶. The poem composed in the eleventh century reflected the outlook of Islamic culture. Therefore one of the basic plots of ‘Qutadghu Bilik’ is connected with a figure of eremite Odgurmysh, who most probably was a Sufi, had a *murid* (disciple) and devoted his life to Allah⁷. E. Bertels was the first scholar who paid attention to an ascetic plot in representations of eremite Odgurmysh in the poem ‘Qutadghu Bilik’. We agree with E. Bertels’ explanation of Manichean roots denying posterity in views of Odgurmysh, thus I would like to show that the early Islamic period of history in the Central Asia was formed on the basis of representations existing prior to Islam.

The ascetic attitude to the life is revised in Sufism, important philosophic and didactic component of Islam. Asceticism in Sufism is considered as Divine way of cognition, based on the idea of the agreement between God and human being which concluded long before the human being acquired their sinful bodies. The aim of ascetic man was to return a soul to the sinless state and loyalty to God, demonstrated in perfection, self-analysis, acts of ecstasy in various ritual actions, in order to liberate the soul from one’s ‘self’ as an individuality and merge with God.

Yusuf al-Balasaguni depicted an image of Odgurmysh ascribing him features of a Sufi going on a way to the Allah. His hero lives among mountains, ‘by a sheepskin is covered and also eats bran’, has departed from relatives, has no posterity, spends his days in prays ‘with name of Allah all nights and days’, his path to the Allah is endless⁸. The radical side of his understanding of divine path

was in rejection of posterity. Yusuf al-Balasaguni draws an image of a person having married and giving birth to children, as if sits down in a boat and goes to open sea: 'having married, sat in a boat, and went to sea; when son or daughter is born, his boat breaks!'⁹. Speaking about posterity, Ogdurmysh addresses the issue of enmity: 'If children are bad, you will live, grieving, their enmity will disgrace you. With children to be in enmity - it is much more pleasant than living without enemies. Look: a man eternally keeps his nature in his descents'¹⁰. In Manichaeism enmity of two elements becomes a main scenario of the development of a universe, and a concept of an image in the form of *tamga* or label acquires sense as an analogue of light or dark elements to be in a cover¹¹.

Yusuf al-Balasaguni, possibly, has known wisdom of the people (proverb, parables). In his poem he repeatedly addresses to them. The nature of these wise ideas can be different; some of them might be based on poetic religious Manichean works, which inspired Sufis in their communication with God. As examples of such ideas we can refer to plots a life and a mystical way of Husein b. Mansur al-Hallaj (died in 922), who travelled to the cities of Mavarannahr and Eastern Turkestan and incorporated local ideas into his beliefs to God. These ideas were described in research by L.Massignion¹². In the fifty-sixth sura of Qur'an eschatological motives are reflected in understanding of the right and the left sides, compared to pure and sinful; attention to this was drawn by Tord Olsson, who has compared this *sura* with some Manicheans verses of hymns¹³. While for Manicheans asceticism has been connected with the Eschatology, rescue of light particles in the person, Sufi tradition reinterprets these aspects in respect of achievement or ways of overcoming difficulties of obstacles on the path to the Allah. It is al-Hallaj who urged to search for the God in the heart and said a phrase: 'I am a Truth (that is the God)'. According to the teaching of Mani, in each person there is a soul deriving from both Light and Dark elements, besides the materials cover. Eschatology of Manichaeism has seen its task to separate Light from Dark. While for Manicheans it was important to follow this idea, for Sufi it was important to overcome the path to the single God through comprehension of his own place in a universe.

To my opinion, official acceptance of Islam in the Karakhanid khanate in fact did not mean rejection of the previous cultural values; acceptance of Islam was limited at that time to political circumstances. Strengthening of Islam in the Turkic cultural space among the people occurred later. Mongol conquest of Central Asia intensified this process.

The Mongol invasion became a challenge to the entire Islamic world. In Central Asia Islam differently intruded to the places where dominated other religions such as Buddhism, Lamaism, Christianity and Burkhanism in various parts of the steppe. While in sedentary regions of Mavarrannahr Islam turned into leading religion among other religions, various Muslim streams emerged. It is not by accident that Sufi brotherhood of Yassa Hwaja Ahmad (1103–1167) emerged in the XII century. The sources containing his biography include the works by 'Alim-shaykh 'Aliyyadi «Lahman min nafahat al-kuds» (beginning of the XVII c.), 'Ali-shir Nava'i's «Nasa'im al-mahabba mira», as well as hagiographic work by a Naqshbandi «Rashahat 'ain al-hayat» and other sources, which were

composed by the XIX c. Legends about him are connected with the policy of Amir Temur, who, being non-Chingizid, tried to legitimize his power and use Islam for this purpose. He constructed mausoleum of Hwaja Ahmad Yassawi – famous among the Muslims *hanaka* for pilgrimage in the frontier between sedentary and nomadic areas. Hwaja Ahmad became popular among people with his poetry. Tradition ascribes to him the work «Diwan-i Hikmat». D. DeWeese believes that this poetic work did not belong to Ahmad Yassawi. However, this source points at the Sufi basis of the worldview of that saint that coincides with the only repeating accounts on him as a Sifi shaykh. According to scholars, he and his tradition played a key role in Islamization of nomads of Central Asia.

In historiography draw attention to the influence of pre-Islamic religions reflected in the particular features of Yassawiya brotherhood. Firstly, this was influence of Shamanism on Islam. This opinion has long been discussed in the Soviet historiography based on the study if Siberian peoples of the XVIII – XIX centuries and was substantiated as traditional culture of nomads. Interesting theoretical research was done on Shamanism by Mircha Eliade in the work “Shamanism: archaic technique of ecstasy”. He says: “Shamanism in strict meaning of the word is first of all Siberian and Central Asian religious phenomenon”, and “on entire vast expenses of Central Asia magic religious life of society concentrates around Shaman, since in whole sphere where ecstatic feeling is highly religious, Shaman and only Shaman is indisputable master of ecstasy”¹⁴. Ecstasy is seen as one of its ritual basis; however its interpretation in Shamanism and Sufism is quite different.

The aim of an ascetic approach is to return the Soul to the lap of viciousity and loyalty to God, expressed in spiritual perfection, self analysis, mobility through acts of ecstasy in the form of various ritual actions, in order to liberate the soul from ‘self’ for unity with God. Sufi rituals can be understood as Way to God. Loud *dzikr* in Central Asia is a peculiar element of *tariqat* Yassawiya. Loud *dzikr* (*dzikr dzhahra* and its other types); it is done by accompaniment of music (*samā`*) with a signing of sacral (or understood as such) texts and ritual dances»; *dzikr* is a mention of God, meant ‘purifying the heart of Sufi from the lay rust’, ‘cave a name of Allah in hearts’. In Platonian philosophy (born in 204, Egypt) liberation of the Soul from the disaster of the physical body and joining the divine life is possible only through ecstasy, which creates conditions when a man ceases to realize himself just on individual level. To opinion of Bertels, this position leads to the ultimate aim called “contiguity” and “unity” with a God, i.e. expression of the belief gained through ecstasy¹⁵.

Forty day seclusion of members of the brotherhood in the underground with the aim to cognize Allah became one of the outstanding features of mystic way. In the mausoleum of Hwaja Ahmad Yassawi such underground has survived. Another feature connected with mystic way and asceticism can be seen in the usage of food prepared in big pots. The central is a pot with diameter 2 m and 45 sm. This pot had a ritual meaning, on which a picture on it, as well as big size relate. Food for the brotherhood members and pilgrims was cocked in the pots in the kitchen rooms in the mausoleum Ritual practice for the members of the brotherhood; serving to selected saints was widely spread long before Islam. For

example, selected members did not have right to hold household, therefore these functions were performed by ordinary members which usually came from various social layers.

Ascetism starts to be used as religious practice in gnostic religions. In Central Asia ascetism was practiced in the Manichean communities. In the Sufi brotherhood of Yassawiya ascetims acquires new understanding which is not connected with gnostic ideas. Arab conquest promoted changes in political and religious situation in sedentary and nomadic areas of Central Asia. Islam as a new factor in cultural life of the society did not lead to vanish of previously existed religions, but even adapted to cultural values of new region. At an early stage of Islam existing religious representations were preserved, it was necessary for Islam itself to extend in other cultural environment. Practice of ecstasy exists in the ritual dzikr in Sufi ideas. We can observe that in the Sufi brotherhoods dzikr turns into Manichaeian actions to reach ecstasy state, but execution of dzikr reflects differences between rituals practices in the Sufi brotherhoods.

¹ Shils E. Ritual and Crisis. In Donald R. Cutler, ed. *The Religious Situation*. Boston, 1968. P. 735-738.

² Babadjanov B., Muhammadaminov S. Introduction. – *Sobranie fetv po obosnovani dzikr jakra i sama*. Almaty, 2008. P. 24-93

³ DeWeese D. The Yasavi Sufi tradition and the problem of shamanic “survivals” // *Iranian Studies*, XXII, 1999. № 1, p. 26-34

⁴ Hismatullin A.A. *Sufiyskie ritualniye praktiki*. SPb, 1996. P. 75-78

⁵ Massignion L. *La Passion de Hallaj: martyr mystique de l’Islam exécuté à Bagdad le 26 mars 922*. T. I. Paris, 1975. P. 221, 226; Bertels E. Proishojdenie sufizma i sufijskoy literatury. In *Sufism i sufijskaya literatura*. Moscow, 1965. P. 181-183

⁶ Barthold V.V. *Sochinenie*. T. 2. Part 2. Moscow, 1963. P. 41-42

⁷ Qutadgu Bilik. Yusuf haş hajib Kutadoru Bilik. Urumqui, 1984, line 236; Yusuf al-Balasaghuni. *Blagodatnoye znanie [Qutadgu Bilik]*. Translated by Ivanov S. Leningrad, 1990. P. 286, 296-299

⁸ Yusuf al-Balasaghuni. *Blagodatnoye znanie [Qutadgu Bilik]*. Translated by Ivanov S. Leningrad, 1990. P. 286, 300-302

⁹ Bertels E. *Izrechenie Ibrahim Ibn Adham v poeme ‘Qutadgu Biliq’ in Evgeniy Bertels Sufism i sufijskaya literatura*. Moscow, 1965. P. 182; Qutadgu Bilik. Yusuf haş hajib Kutadoru Bilik. Urumqui, 1984, line 746

¹⁰ Yusuf al-Balasaghuni. *Blagodatnoye znanie [Qutadgu Bilik]*. Translated by Ivanov S. Leningrad, 1990. P. 381

¹¹ Zuev Yu. *Rannie turki: ocherki istorii i ideologii [Early Türks: Essays on history and ideology]*. Almaty, 2002. P. 78-91.

¹² Massignion L. *La Passion de Hallaj: martyr mystique de l’Islam exécuté à Bagdad le 26 mars 922*. T. I. Paris, 1975. P. 221-240

¹³ Olsson T. *The Manichaeian Background of Eschatology in the Koran*. In *Manichaeian Studies Proceedings of the First International Conference on Manichaeism, August 5-9, 1987 Lund Studies in African and Asian Religions. Volum I. Lund, 1988. P. 273-282.*

¹⁴ Eliade M. *Shamanism: archaic technique of ecstasy*. Kiev, 2002. P. 7.

¹⁵ Bertels E. *Proishojdenie sufizma i sufijskoy literatury*. In *Sufism i sufijskaya literatura*. Moscow, 1965. P. 27-28.

ТАРИХ

Айболат Кушқумбаев

Доктор исторических наук, профессор

ВОЕННОЕ ПРАВО И ВОИНСКАЯ ДИСЦИПЛИНА В МОНГОЛЬСКОЙ И ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ АРМИИ

Любая военная организация, военные институты, армия в целом может успешно функционировать только в том случае, если они, безусловно, придерживаются установленной воинской дисциплины и определенного военно-организационного порядка. Монгольские вооруженные силы эпохи Чингиз-хана яркий тому пример. Они имели превосходное военное устройство, строжайшую дисциплину, монгольские воины не стремились просто выделиться перед другими бойцами, а четко и точно выполняли свои обязанности, а командный состав военных сил был послушным орудием в руках верховного главнокомандующего. Военная дисциплина пронизывала все структурные подразделения армии, которой обязаны были подчиняться все, начиная с простых воинов и до высших военачальников. Командир каждой воинской единицы нес главную персональную ответственность за вверенное ему подразделение, а при совершении им серьезных ошибок наказание было довольно жестким¹. Без соответствующего уровня дисциплины и регулярного (системного) поддержания оптимального уровня боевой готовности войск на случай войны невозможно достичь победы – вот приоритетное правило, которого придерживались монгольские полководцы.

Огромное значение в развитии монгольского государства, общества и, конечно, организации военного дела имело принятие «Великой Ясы», которая была не просто обычно-правовым обобщением действующих норм, а монгольским имперским законом, авторство которого приписывается Чингиз-хану². О Ясе упоминают средневековые авторы – Джувайни, Рашид ад-Дин, Абу-ль-Фарадж, Макризи и др., но полной ее версии не сохранилось. «В соответствии и согласии со своим собственным суждением он [Чингиз-хан – А.К.] ввел правило для каждого дела и закон для каждого обстоятельства и для каждой вины установил кару. А так как у племен татарских не было письма, повелел он, чтобы монгольские дети обучались письму уйгуров; и чтобы Ясы и приказы были записаны на свитках. Эти свитки называются Великой Книгой Ясы, и лежат они в казне старших царевичей. И когда станет хан садиться на трон или будет набирать великое войско, или соберутся царевичи и [станут советоваться] о делах государства и управления, то приносят те свитки и с ними сообразуют свои дела; и к

построению войска, и к разрушению стран и городов приступают по тому порядку, который в них предписан»³.

Яса, если брать ее правовые характеристики, то в пространственном отношении, действовала по всей территории монгольской державы, а по кругу лиц, распространялась фактически на все население империи, и была неограниченна во времени, и воспринималось как оригинальный «*edictum perpetuum*» для тюрко-монгольских номадов. О священно-трепетном отношении самих монголов к установлениям Чингиз-хана, для которых Яса была источником его мудрости и божественного откровения свидетельствует монгольская (имперская) легенда о появлении Ясы, записанное армянским историком Григором Акнерци в следующей форме: «У них не было никакого богослужения, а были какие-то *войлочные идола*, которых они и до сих пор переносят с собою для разных волшебств и гаданий. ... они призвали себе на помощь Бога, Творца неба и земли и дали ему великий обет — пребывать вечно в исполнении Его повелений. Тогда, по повелению Бога, явился им ангел в виде орда златокрылого, и, говоря на их языке, призвал к себе их начальника, которого звали *Чангыз*. Этот последний пошел и остановился перед ангелом в виде орла, на расстоянии брошенной стрелы. Тогда орел сообщил им на их языке все повеления Божии. Вот, эти божественные законы, которые он им предписал и которые они на своем языке называют *ясак*: во-первых, любить друг друга; во-вторых, не прелюбодействовать; не красть; не лжесвидетельствовать; не быть предателями; почитать старых и нищих; и если найдется между ними кто либо нарушающий эти заповеди, таковых предавать смерти. Дав эти наставления, ангел назвал начальника *кааном*, который с тех пор стал прозывается *Чангыз-Каан*. И повелел ему ангел господствовать над многими областями и странами и множиться до безмерного числа. Так это и случилось»⁴.

Термин «Яса» происходит от монг. «*yasak*», («*дзасак*») – «закон, постановление, распоряжение, уложение, благоустройство»⁵. По всей вероятности сам термин «Яса» производное от монгольского «*yasa*» – справедливость⁶. Как указывается в специальной литературе, «Яса» несла в себе три значения: 1) нормативное постановление вождей кочевников и первых ханов; 2) постановления, изданные от имени Чингиз-хана, отредактированные к 1225 г. («*Великая Яса*»); 3) более поздние постановления преемников – монгольских каанов⁷. Вероятно, «Великая Яса» – письменный (первоначально устный) свод законов и постановлений (наставлений?), созданный Чингиз-ханом в качестве своеобразного «законодательного ядра» правовой системы средневековых монголов, пополненный его преемниками и действовавший в разных редакциях в улусах Монгольской империи и, возможно, дольше всего существовавший в Золотой Орде и Чагатайском улусе. В то же время создание Ясы показывает, что Чингиз-хан в период геополитического расширения Монгольской империи вполне реалистично представлял необходимость единых письменных законов и правовых установлений⁸. Яса, по-видимому, была принята на Великом Курултае в 1206 г. во время инаугурации Чингиз-хана, подвергнута

редакции в 1210 или 1218 гг. и окончательно утверждена в 1225 году⁹. Естественно, что Яса отражала правовое мировоззрение (обычаи и нравы) номадов и со временем потребовались значительные трансформации, связанные с превращением монголов в господствующий класс (управителей) оседлых народов повлекших изменение политико-правовых методов и форм регулирования общественных отношений.

Конечно, Яса не была единственным источником (формой) права средневековых монголов и тюрков. Как показывают, последние исследования правоведов в систему источников права Монгольской империи и Золотой Орды входили *топе* (*төрү*, *тура*) – обозначавшее «закон, право» вообще, харизматичным носителем которого была персона правителя – хана (монарха). Следующим важным источником права считалось обычное право – *йосун* регулировавшие семейные, наследственные связи, т.е. частно-правовые отношения и являвшееся внутренним («национальным») правом или точнее правовыми обычаями (адат). Кроме того, были и другие источники: ярлыки, судебные решения, шариат, фикх и пр.¹⁰

Современная реконструкция основных разделов «Великой Ясы» и монгольской правовой системы из имеющихся отрывочных данных выглядела следующим образом: в нее были включены отрасли как обычно-правового, так и законодательного регулирования – преамбула (общие предписания), международное, государственное и административное право, статут об охоте, армейский статут, основы судопроизводства, уголовное, торговое право, нормы податного устава, гражданское законодательство¹¹.

Прежде всего, военные преобразования были проведены в личном войске Чингиз-хана, контролировавших и защищавших его кочевую резиденцию. В корпусе кешиктенов, охранявших ханскую ставку (ордо) и дворцовые помещения, лично Чингиз-ханом был установлен жесткий порядок дежурств командиров и их частей и внутренние правила несения службы гвардейцев и наказания за их нарушение. Чингиз-хан отлично понимал, что в создаваемом им монгольском Улусе необходимо создать такой правопорядок, который не только регламентировал основные сферы общественной жизни, но и поддерживался и контролировался особо созданным правоохранительным органом. Уже в том же 1206 г. был учрежден специальный Верховный общегосударственный суд – «*Гурдерейн-Дзаргу*», заведывание которым было возложено на шестого (приемного) сына (по СС брата) Чингиз-хана – Шиги-Хутуху. При его назначении монгольский государь дал следующее наставление главному судье в системе формирующегося государственного аппарата: «Искореняй воровство, уничтожай обман во всех пределах государства. Повинных смерти – предавай смерти, повинных наказанию или штрафу – наказуй». Впредь, все принимаемые судебные решения и постановления должны были записываться в синюю книгу «*Коко Дефтер-Бичик*» и не подлежали изменению узаконенные заключения, вынесенные ханом по представлению Шиги-Хутуху. Первоначально в «*Зарго*» (так стал называться Верховный суд), для разрешения судебных

дел, должны были принимать участие «кебтеулы» – гвардейцы, отвечавшие за порядок в «Великом Аурухе» (ханской ставке)¹².

О монгольском судопроизводстве и «йаргучи» (судьях)¹³ сведений не очень много. В «Джами-ат-таварих» есть краткий рассказ об основных принципах, которым руководствовался Верховный судья Монгольской империи Шиги-Хутуху: «Он решал тяжбы по справедливости и много оказал помощи и благодеяний преступникам; он неоднократно повторял: «Не нужно, чтобы признавались из-за страха и испуга». Он говорил виновным: «Не бойся и говори правду!». Из прений судей известно, что с той эпохи [вплоть] до настоящего времени как в Могулистане, так и в тех пределах, [кои зависят от нее], в основу судебных решений кладут правила его манер и способов [решать дела]»¹⁴.

Монгольский каан с помощью Ясы, являвшуюся в его руках «Силой Вечного Синего Неба», мог наложить строгую дисциплину, как на общество, так и на армию¹⁵. Монгольские законы были весьма суровыми, особенно его репрессивные санкции. Так, за убийство, супружескую неверность, мужеложство, занятие черной магией, крупное воровство, покупка заведомо украденного товара и др. следовало смертная казнь. Любой проступок, халатность, неосторожность возводились в ранг преступления. Гражданское и военное неповиновение считалось равным к преступлению и подпадало под действия *ясака*¹⁶.

Интересным в рассматриваемом контексте является система наказаний по имперскому монгольскому праву, среди которых зафиксированы смертная казнь, телесные наказания, продажа (или отдача) в рабство, конфискация имущества, штрафные санкции. Первый вид наказаний предусматривался за совершение таких тяжких преступлений как государственная измена, убийство, оскорбление достоинства хана и др.¹⁷. Приговоры (решения) суда приводились в исполнение, как правило, незамедлительно. Вместе с тем, отмечает Джувайни, «у монголов существует обычай, согласно которому преступника, приговоренного к смерти, но получившего помилование, отправляют на войну, рассуждая, что если суждено ему быть убитым, то пусть будет убит в сражении». Другим вариантом этого наказания была отправка преступника в составе посольства к ранее неизвестному народу или в отдаленные страны с неблагоприятным климатом¹⁸. В наборе монгольских наказаний этого времени одной из распространенных считалось битье палками. Так, в зависимости от ценности украденного, обвиненному присуждалось вначале семь ударов, далее семнадцать, двадцать семь, тридцать семь, сорок семь, вплоть до трехсот семи. Естественно, многие не выдерживали таких экзекуций и умирали. Особо наказывалось воровство коня, за которое следовало смертная казнь. Приговор приводился в исполнение мечом. В случае если пойманный вор мог возместить в десятикратном размере нанесенный ущерб, то ему сохраняли жизнь. После охоты, нашедший коня, оружие, ловчую птицу, т.е. любую вещь заведомо зная, что она не принадлежит ему, должен был отнести ее к специальному лицу «буларгуджи» («буларгей», смотритель лагеря, отыскивающий и охраняющий потерянное имущество), который хранил ее до появления хозяина. В случае если лицо

утаит свою находку, считается вором. «*Буларгуджи*» находились в самом высоком месте стана с отличительным знаменем, «чтобы те, кто что-либо потерял, тотчас же видели его. Так-то ничего не теряется, а все находится и по принадлежности возвращается»¹⁹. Поэтому «воровство среди них является необычным [делом], ... юрты и все их вещи не запираются. Если же кем-то будут найдены лошади или быки или что-нибудь в этом роде, им либо свободно позволяют идти [своей дорогой], либо их отводят к настоящим [их] владельцам», – пишет средневековый автор²⁰. «Из-за строгости наказания и жестокости кар, назначаемых их властителями, они удерживаются от ссор и от взаимных злодеяний и лжи»²¹. Конечно, не только страх безжалостных наказаний позволял сохранять провозглашенный правопорядок, но и сама авторитетность (харизматичность) верховной власти первых монгольских каанов идущая от Чингиз-хана была непререкаемой в глазах подданных.

Марко Поло, описывая страну Кончи (Куинджи – внук Орды) – восточная часть Улуса Джучи, характеризуя его подданных отметил, что «держатся они татарского закона, а закон этот дикий; но соблюдают они его так же точно, как соблюдал Чингис-хан и другие истые татары»²². Такие понятия как «законность» и «правопорядок», несмотря на их специфическое содержание, в монгольских улусах пользовались в целом среди населения достаточным почтением (доверием) и необходимым авторитетом. По оценке такого исследователя истории Улуса Джучи как И.Н. Березин «право и справедливость были уважаемы в Золотой Орде»²³. Трудно пока дать оценку степени правомерного поведения и соблюдения действующего текущего законодательства со стороны различных социальных групп, в том числе и военнослужащих армейских частей.

Тот, «идеальный» порядок, царивший внутри Монгольской империи, поразил представителей западных дипломатических миссий XIII в. При этом, ими особо подчеркивается власть монгольских правителей над своими подданными, исполнительность приказов нижестоящими. «Император же этих Татар имеет изумительную власть над всеми... Сверх того, во всем том, что он предписывает во всякое время, во всяком месте, по отношению ли к войне, или к смерти, или к жизни, они повинуются без всякого противоречия. Ту же власть имеют во всем вожди над своими людьми, именно люди, то есть Татары и другие, распределены между вождями»²⁴; монголы «послушны своим господам более, чем другие народы, или даже больше, чем лица духовного звания своим прелатам. У них нет места для жалости по отношению к перебежчикам, поэтому у их императора над ними всевозможная власть. Ибо у них нет выбора перед смертью или жизнью, раз так сказал император»²⁵; «Государю своему очень послушны, случится надобность, всю ночь простоит на коне вооруженным; а конь пасется всегда на траве», «приказу повинуются лучше, нежели где-либо в свете»²⁶. Каких-то специальных военных судов в монгольской военной организации не существовало, т.к. военная (в том числе и судебная) власть была вверена в руки войсковых воевод. В год Коровы (1205 г.) Чингиз-хан послал испытанного своего полководца Субэдэй-бахадур в дальний

карательный поход на племя меркитов и в своем приказе указывал: «Сделав потребные распоряжения, **наказывайте нарушителей поркою. А нарушителей наших повелений, тех, кто, известен нам, высылайте к нам, а неизвестных нам – на месте же подвергайте правежу**»²⁷. Иными словами, как говорил известный флорентийский политический мыслитель Н. Макиавелли, «дисциплина на войне важнее стремительности»²⁸. Под контроль армейских начальников и их судебную юрисдикцию не попадали гвардейцы-кешиктены, напрямую подчиненные Чингиз-хану.

До нашего времени дошли редкие, но чрезвычайно информативные правовые документы монгольского периода. Один из интересных монгольских законодательных памятников юаньской эпохи оказался в составе (или был включен) в корейский источник подготовленный, скорее всего, около 1280 г. или ранее этой даты. Это первый, письменно зафиксированный юридический документ на монгольском языке, оригинал которого предположительно написан монгольско-уйгурским или квадратным письмом²⁹. В этом ценнейшем по содержанию правовом уложении, состоящем из 17 статей, регламентируется порядок прохождения воинской службы, права и обязанности мобилизуемых военнослужащих и военных чиновников, указаны запреты и санкции за нарушение военного законодательства. В рассматриваемом документе (ст. 1) особое и первостепенное внимание уделяется систематическому и добросовестному обучению войск ратному искусству: используя разнообразный военный строй, маневрирование, наступлению и отступлению через назначение опытного военного командира (наставника). Там же говорится о недопустимости найма на службу в армии на открывшиеся вакансии военных хучинов (рабов) слабых (не годных) физически. По этим нормам военнослужащим категорически запрещается одновременно числиться в списках и «самодемобилизовываться» или уходить домой за плату (фактически взятку?) деньгами и ценными вещами. Нижние чины лишались права самовольно подготавливать и выдавать документы, приводящие к замене воинов. Таким правом наделялись вышестоящие армейские чиновники. Уход нижних армейских чинов из армии без надлежащих документов считался дезертирством. В случае дезертирства воинов их непосредственный начальник должен был незамедлительно уведомить вышестоящую инстанцию и специальное мобилизационное (?) ведомство («по делам айлов») о дезертире и «объявить о сборе людей через какое-нибудь лицо». После проведения тщательных поисковых мероприятий и обнаружение дезертира надлежит провести подробное расследование (допрос) и точно установить факт совершенного дезертирства. Затем на основе изреченного указа хагана «огласить приговор и казнить его [дезертира – *А.К.*] пред воинами». Если чиновник военно-мобилизационного ведомства не предпринимал должных мер по поиску и поимке беглеца, а также лица, которые открыто оказывали содействие дезертиру (помогали укрыться), то они подвергались аналогичному наказанию (ст. 11). Воинов нельзя было принуждать выполнять трудоемкие (тяжелые) и перегрузочные работы и призывать в армию из числа гражданских лиц (ст. 2). Не допускать

фактов транжирства вверенного военного имущества (ст. 9)³⁰. Характерно, что уже в те времена законодатель пытался бороться с таким тяжелым социальным «заболеванием» как коррупция, подкуп должностных лиц и другими преступлениями этого нездорового перечня правонарушений для любого нормального общества и государства.

В централизованной монгольской военной системе действовала железная дисциплина, неуклонное соблюдение установленных военных правил и эффективный контроль со стороны высших звеньев военного управления. Монгольские войска были обучены действовать как единая скоординированная военная сила, управлявшаяся, через специальные сигналы, подававшиеся флагами и горнами. За нарушения строя установленного боевого порядка или движения, самовольное отступление, организацию личного боя, несанкционированный грабеж, игнорирование приказов ждало неотвратимое наказание³¹. Плано Карпини, непосредственно видевшего монгольскую военную организацию, в специальном разделе своего отчета дает такие военные советы: «должны также установить закон выступать на войну одновременно или иначе, смотря по тому, как они построены, и всякий, кто покинет другого, или идущего на войну, или сражающегося, как всякий, кто побежит, если не отступают все вместе, должен быть подвергнут тяжкому наказанию, так как тогда часть воюющих (Татар) преследует бегущих и убивает их стрелами, а часть сражается с теми, кто остается, и таким образом приводятся в замешательство и подвергаются избиению и остающиеся и бегущие. И равным образом всякий, кто обратится к собиранию добычи, раньше чем войско противников будет окончательно побеждено, должен быть подвергнут самой тяжкой пене. Ибо у Татар такого человека убивают без всякого сострадания»³². Эти рациональные предложения папского посла основывались на аналитических наблюдениях, из которых явствует заметные преимущества и сильные стороны военного дела монголов, основанные на единоначалии, системности, правильной организации ведения войны, жестких наказаниях за бегство и нарушение введенных военных правил.

Яса регламентировало общий порядок прохождения военной службы в монгольском войске, согласно которой воины, зачисленные в военную часть, не имела права самовольно ее покинуть. По Джувайни данная военная норма гласила так: «Чтобы никто из тысяч, сотен или десятков, к которым он приписан, не смел уходить в другое место, или укрываться у других, и никто того человека не должен к себе допускать, а если кто либо поступит вопреки этому приказу, то того, кто перебежит, убьют всенародно, а того, кто его укрыл, ввергнут в оковы и накажут. Посему никто чужого к себе допускать не может. К примеру, если будет царевич, то и наималейшего звания человека к себе не пустит и от нарушения ясы воздержится»³³. В многочисленных притчах оставленных Чингиз-ханом встречается и такое: «Каждого эмира десятка, который не в состоянии построить к бою своего десятка, мы обвиним вместе с женой и детьми, а из

его десятка выберем кого-нибудь в качестве эмира, и таким же образом мы [поступим с эмирами] сотен и тысяч и эмиром-темником!»³⁴.

Военные постановления у монголов выполнялись незамедлительно в намеченный срок, а в случае неисполнения неотвратимо наступало наказание. «Если вдруг понадобится войско, издается приказ, что столько-то тысяч людей должны явиться в такое-то место в такое-то время дня или ночи. *«Они не замедлят ни на час (назначенное им время) и не ускорят»*. И они не опоздают и не придут прежде времени ни на мгновение ока. Повиновение и послушание их таковы, что если начальник тумена, будь он от хана на расстоянии, отделяющем восход от заката, совершит оплошность, хан шлет одного-единственного всадника, чтобы наказать его, как будет приказано; если требуется голова, он отрубит голову, а если золото, то заберет его у него»³⁵. За разглашение военных замыслов и планов виновный наказывался ста ударами палкой по заду³⁶. Во время военных действий карательные нормы за нарушение военной дисциплины предусмотренных Ясой применялось незамедлительно по отношению к виновникам. В этом случае в боевых частях прямо действовал принцип коллективной ответственности. «Когда же войска находятся на войне, то если из десяти человек бежит один, или двое, или трое, или даже больше, то все они умерщвляются, и если бегут все десять, а не бегут другие сто, то все умерщвляются; и, говоря кратко, если они не отступают сообща, то все бегущие умерщвляются; точно так же, если один или двое, или больше смело вступают в бой, а десять других не следуют, то их также умерщвляют, а если из десяти попадают в плен один или больше, другие же товарищи не освобождают их, то они также умерщвляются», - отмечает Плано Карпини³⁷. Характеристика военно-организационных порядков многонациональной армии Чингизидов середины XIII в. данная здесь Плано Карпини не может полностью быть отнесена к войскам, служившим под руководством Чингизхана на начальном этапе завоеваний, как обычно считают большинство наших современников. Воинские подразделения, сформированные и набранные из разношерстных этнических групп (из числа кочевого или оседлого населения) евразийского региона, выступавшие под командованием монгольских военачальников можно было контролировать только такими экстраординарными методами. Монголы, конечно, не были новаторами такой жесточайшей системы наказаний в армии, но они довели это до логического военно-организационного (правового) оформления (завершения).

Военно-управленческий механизм монгольской армии был отлажен и отрегулирован до совершенства. Джувайни, собиравший информацию из первых рук, так характеризует работу десятичной системы в военной организации: «Ибо все разделены на десятки, и из каждого один человек назначен начальником над другими девятью; и из десяти начальников десятков один получает звание «командующего сотней», и вся сотня ему подчинена. И так с каждой тысячей, и точно так же с десятью тысячами человек, над которыми назначен начальник, называемый «командующим тумена». В соответствии с этим порядком, если возникнет необходимость и

понадобится человек или вещь, то дело передают темнику, а тот, соответственно, — тысяцкому, и так далее до десятников. В этом есть истинная справедливость; каждый человек трудится как другой, **и между ними не делают разницы, не принимая во внимание ни богатство, ни власть»**³⁸. Даже если отделить слегка «идеализированную схему» нарисованную промонгольски настроенным персидским чиновником, то им, верно, подмечены основные принципы монгольской военной системы – централизованность, строгая военно-вертикальная иерархия, обратная связь между военными звеньями, контролируемость действий, четкая компетентность каждой военной ячейки, личностные качества индивида, ответственность независимо от социального положения и занимаемого места. Вышестоящие начальники отвечали персонально за действия своих подчиненных (проступки, халатность по службе, снижение уровня военной подготовки и т.д.). Интересно, что эта военно-книжечная структура почти не давала сбоев во время перманентных войн.

Такая система требовала от военно-политического руководства постоянного замера «температурного режима» военного социоорганизма, через отработанные механизмы проверки: облавные охоты, военные смотры, учения, состязания и т.д. Эта делалось не столько, для того чтобы продемонстрировать военную мощь государства, сколько диктовалось практическими соображениями – иметь всегда в наличии боеспособные войска, которые могут противостоять любому противнику. Для того, чтобы поддерживать необходимый военно-технический ритм службы в армии нужна была крепкая военная дисциплина. Поэтому нет ничего удивительного в том, что многие независимые друг от друга средневековые свидетели сравнивают адресированную монгольскую армию и ее бахадуров с хищниками и их повадками.

В соответствии с поучениями (*биликами*) Чингиз-хана два раза в год темники, тысячники, сотники должны были приходить к государю и слушать военные наставления о готовности армии. Те же, кто игнорировал такие совещания, не имели права быть военачальниками³⁹. Например, летом 1234 г. каан Угэдэй сделал большой сбор всех князей и подданных, для того чтобы довести до них свои военные распоряжения: «Все те, кто в случае сбора не придут, а останутся в праздности у себя, — будут обезглавлены. Что касается всех входящих или выходящих в ханской ставке, каждый из которых имеет свиту, то только 10 человек, мужчин или женщин, могут составлять [ее максимальное число], причем [людям из свит этих] входящих или выходящих категорически не разрешается перемешиваться друг с другом. В войске всякому десятку ставится десятник, все слушаются его команд, тот, кто действует самовольно — будет признан виновным в [воинском] преступлении. В том десятке, где десятник пойдет по делу в ставку, сразу же ставится один человек, чтобы временно замещать [его], при этом не допускается ни одному человеку, ни паре людей [из этого десятка] самовольно выходить за пределы [десятка], а те, кто нарушит это — будут виновными в преступлении. Что касается тех, кому нельзя говорить о различных [их] служебных обязанностях, но которые при этом

проговорятся, тех [по первому случаю] — бить кулаком по ушам; при повторном нарушении — бить бамбуковыми палками; за третье нарушение — наказать батогами; за четвертое нарушение — приговорить к смерти. Что касается любых тысячников и темников, которые будут в передних рядах то стрелять в них стрелами с деревянными наконечниками вослед. [Будь то] сотник ли, десятник ли, если в любом его подразделении совершено преступление, то он будет виновным в преступлении наравне с ним [подразделением]. Тот, кто не придерживается этих законов — лишается [должности] и изгоняется [из армии]. Отныне и впредь [постановляем]: если в войске, пришедшем на сбор, в десятках будет не хватать нескольких [человек], то их укомплектовывать забирая лишних [людей] в ближайших подразделениях и направляя [их] в неуккомплектованные [десятки]. Все люди, будь они дома, или находятся в войске, не смеют громко кричать. Все пришедшие на сбор [должны] иметь на службе 50 добрых коней в одном поводе; тех, кто будет их охранять, [должно быть] — 5 человек; [должно быть] занимающихся их] откормом для пополнения — 3 человека; [должно быть] *кересы*, охраняющих [коней] — 3 человека. Тот, кто украдет хоть одного или двух коней — немедленно приговаривается к смерти. Что касается тех коней, что принадлежат всякого рода людям и которые все еще не стреножены *кересы* внутри [кочевой ставки], то [их] в этом случае конфисковывать и отдавать людям, ведающим прокормом тигров и леопардов»⁴⁰.

При движении войск в походе издавались специальные приказы и распоряжения, запрещающие армейским подразделениям травить посевы в оседло-земледельческих районах, причинять материальный ущерб местному населению и их хозяйству. В сохранившемся монгольском нормативном правовом акте Юаньского периода из корейского источника, отмеченным выше, военным чиновникам не разрешалось отбирать жилье местного населения и предоставлять их для нужд должностных лиц, тем самым фактически изгоняя его с места постоянного проживания. В этой связи «покоренных жителей запрещается обманывать, вводить в заблуждение, давать пустые обещания» (ст. 12). Особо выделяется правило, согласно которому военным чиновникам, необходимо пропагандировать среди воинов «антибандитские» настроения, направленные на запрет грабежа населения, торговых магазинов, захват и разрушение домов, имущества, пахотных земель, цветов, фруктов, овощей, деревьев, садов и т.д. Выявленные награбленные вещи следовало вернуть прежним хозяевам (ст. 13). В другом разделе в обязанность военного руководства и чиновничества вменялось в обязанность проводить «разъяснительную работу среди воинов» с целью надлежащей профилактики и предотвращения воинских преступлений «чтобы они не попали под суд из-за пользования запрещенных законом вещей, таких как чай, соль, водка и дрожжи». Причем если все же совершалось преступление, то наказывался как виновный, так и его непосредственный начальник (с. 16). Отдельно сказано о недопущении насильственной женитьбы военных чиновников и воинов на женщинах и девушках в захватываемых городах и селах (по-

видимому, здесь речь идет и о банальных изнасилованиях). Даже не позволялось жениться при обоюдном согласии сторон, а также «торговать родственниками жены и прочими домочадцами, слугами и женить их» (с. 14). В соответствии со ст. 15 «строго запрещается военным чиновникам: на захваченных участках, как и на тех местах, где будут располагаться гарнизон и по которым предстоит проходить войскам и табунам войсковой части, на сделанном по приказу хагана заповедном месте собирать в большом количестве скот, позволять им топтать зерновые культуры на земельных участках местного населения и обглаживать фруктовые и тутовые деревья. Запрещается убивать домашних животных, а именно: свиней, кур, гусей и уток. Запрещается грабить население, пусть даже это будет незначительные вещи частной собственности»⁴¹.

Эпизодически такие запреты прослеживаются и в других монгольских улусах-государствах. Абага-хан в 1270 г. выступил в поход на Чагатаида Барака «в эту пору взошли посевы. Из совершенной справедливости он постановил, чтобы ни одна душа не причиняла вреда даже одному колосу»⁴². Золотоордынская армия хана Джанибека, двигалась по области Хаштруд (район в южном Азербайджане вблизи городов Тебриза и Мераги), а «в том году засеяли большую площадь, и хотя такое громадное войско два раза проходило там, но ни один колос хлеба не был сломан», – пишет автор «Избранной истории» Хамдаллах ибн Аби Бакр Мустауфи Казвини⁴³. Об этом же сообщает Шараф ад-дина Йазди⁴⁴. Тем самым, эти примеры показывают, что в войске всегда поддерживалась суровая (необходимая) дисциплина и порядок. Несанкционированные грабежи, поборы и насилия над жителями проходимых войском земель также незамедлительно карались воинскими золотоордынскими начальниками. Военное командование монгольских войск несло личную ответственность за совершенные воинские преступления вверенных им войск в занятых районах. Конечно, массовые бесчинства и безобразия, творимые монгольскими воинами на оккупированных территориях, уже являются аксиомой в широком общественном сознании, но, все же требуют некоторой корректировки в своих бескомпромиссных оценках.

Монголы, завоевав территорию Дашт-и Кыпчака и западную часть Евразии, распределили все подчиненное им население по крыльевой и улусной системе, прикрепив всех боеспособных (прежде всего мужчин) к введенной им десятичной структуре, для отбывания воинской повинности. Такая военно-организационная модель существовало долгое время и коренным образом изменило этнополитическую ситуацию в завоеванных землях, так что подвластное им население неоднократно дробилось, делилось, перераспределялось и переселялось с запада на восток, с юга на север и обратно и т.д. Кочевые и даже оседлые подданные должны были следовать за своими улусными владельцами в любом направлении.

Даже находясь на территории другого, враждебного государства, воинские подразделения отправленными ранее в целях оказания военной помощи, но приписанные к улусам Чингизидов (точнее находящиеся под их политической юрисдикцией), считались принадлежащим им. В период

военно-политического обострения отношений (1262-1265 гг.) между ильханом Ирана Хулагу и властителем Золотой Орды Берке, последний, по арабским источникам, послал войскам Улуса Джучи, действовавшими совместно с другими монгольскими корпусами в завоевании Передней Азии и Ближнего Востока, письменное указание с требованием покинуть Хулагу и вернуться «к нему (Берке). А в случае «если не могут направиться к нему», то им предстояло присоединиться к союзным войскам Египетского султана⁴⁵. Судя по сведениям арабских авторов уцелевшие джучидские отряды (несколько тысяч), под руководством своих командиров, прибывали в египетские владения в течение года – осенью 1262 и осенью 1263 годов. Они получили хороший прием со стороны египетского султана, приняли его предложение о переходе в исламскую веру и были включены в состав мамлюкской армии⁴⁶. Ч. Дж. Гальперин считает, что общее их количество монголов прибывших в Египет достигало 3000. Причем, приток монголов, хотя и незначительный продолжался вплоть до начала XIV в.⁴⁷ Это позволяет считать, что эти войска, несмотря на то, что они временно располагались здесь под общим командованием Хулагу, в военно-политическом отношении все-таки подчинялись верховному правителю Улуса Джучи.

Также стоит отметить, что золотоордынские воинские части сохраняли верность и преданность своим военачальникам и предводителям. После поражения и убийства могущественного временщика Золотой Орды Ногая, его сыновья – Джека и Тека «возвратились восвояси **и к ним вернулись остатки войска их**, уцелевшего от избиения и разграбления». Вскоре Джека присвоил власть и владения своего отца, тем самым, вызвав недовольство и раздражение своего младшего брата. Тека решил отойти от него со своими сторонниками и перейти к непримиримому врагу их семейства – хану Токте. В разыгравшейся междоусобной борьбе Тека был убит, но смуты и распри на этом не закончились. Наместник улуса Тунгуз, поставленный Джекой, совместно с зятем Ногая – Тазом, составил заговор против него, «но один из войска их проведал, что они условились извести его (Джеку). Он сел на коня, поскакал во весь опор и **уведомил его о положении (его) бескорыстно и дружески**». Предупрежденный таким образом Джека с отрядом в 150 всадников ушел в страну асов «**и воины его убедились, что он жив и действительно еще существует, а не погиб, то многие из них тайком пробрались к нему**. Благодаря им отряд его увеличился и сила его умножилась. Тогда он вернулся, чтобы воевать с Тунгузом и Тазом» и вновь вернул себе власть⁴⁸.

В конце 70-х гг. XIV вв. в результате тяжелой и кровопролитной борьбы к власти в левом крыле Улуса Джучи – «Кок Орде» приходит оглан (царевич) Токтамыш. После военного разгрома его противника Тимур-Мелика, сына Урус-хана, в плен был захвачен Балтычак-бахадур, бывший эмир-ал-умара (беклербек) при прежнем властителе. Наслышанный о его верности, храбрости и добросовестности Токтамыш предложил ему перейти к нему на службу, обещая взамен почет и уважение. В ответ Балтычак произнес следующее: «При жизни Тимур-Мелика я провел лучшую часть своей жизни в командовании и управлении, и я хочу, чтобы выколот был [мне]

тот глаз, который увидит тебя на его престоле. Если ты хочешь оказать мне милость, то прикажи сейчас же отрубить мне голову и положить голову Тимур-Мелика поверх моей головы и бросить его тело на мое тело, дабы почтенное и нежное существо его не прикоснулось к праху унижения!». Тогтамыш отправил этого верного героя в жилище вечности»⁴⁹.

Еще долгое время в глазах подданных Золотой Орды легитимным ханами считались только прямые потомки Чингиз-хана, обладавшие законными правами на ханский престол в соответствии с Ясой. Перед военным столкновением Токтамыша и Мамая⁵⁰, улусные эмиры («князья») золотоордынского беклербека посовещавшись между собой, без боя, добровольно перешли на сторону джучидского царевича-претендента, несмотря на то, что он не относился к прямым отпрыскам Бату. «Мамаевы же князи атай Мамай совещашеся межъ собою, глаголяще: «нести добро нам в Мамаеве царстве жити, всюду бо есмы поругаеми и избиваемы от сопротивных наших; и что пользует нам житие в царствии его? Отыдем убо ко царю Тохтамышу и узрим тамо, что аще будет». **И тако Мамаевы князи, сошедше с конев своих, биша челом царю Тохтамышу, и даша ему правду по своей вере, и пиша к нему роту, и яшася за него,** а Мамай оставиша отнюдь в мале дружине, посрамлена и поругана. Мамай же видева таковая от своих князей, и в той же час скоро побеже с обоими думцами и единомысленики. Царь же Тохтамыш посла за ним в погоне вся своя; Мамай же, гоним сый и бегаше перед Тохтамышевыми гонителями, и прибежа близ града Кафы, и сослсая с Кафинцы до докончанию его к ним и по опасу, дабы его приняли на избавление, доне деже избудет от гонящих его»⁵¹.

Общеизвестно, что согласно монгольской Ясе, лицо, самовольно присвоившее ханский титул и объявившее себя носителем верховной власти подлежало смерти. «Всякого, кто, превознесаясь в гордости, пожелает быть императором собственной властью без избрания князей, должно убивать без малейшего сожаления»⁵². Причем, это касалось и таких лиц, которые официально не получали этого утверждения, а только «потенциально» претендовали на распоряжение верховной политической властью, неограниченно владели и пользовались административно-властными ресурсами, действуя через «карманных ханов». Безусловно, Мамай не принимал «царского сана», но его суверенное политическое поведение в глазах джучидских огланов считалось не допустимым, с точки зрения принятой степной политико-правовой морали, а его статус никогда не мог быть, в данном случае легитимизирован даже среди простых подданных золотоордынской державы.

В то же время, уже в XIV в. наблюдается некоторое ослабление правовых установлений, и даже игнорирование основного закона Ясы, который постоянно приходилось поддерживать силой. О порядках, бывших в этот период в Золотой Орде, есть краткие упоминания в источниках. Ибн Фадлаллах ал'Умари, как-то подчеркнул в своем произведении, что «как первый, так и последний из этого народа не следуют Йасе (уставу) Чингизхана настолько, насколько ей следуют другие из них, хотя, – продолжает автор, – и

наказывают они друг друга весьма сильно за ложь, за прелюбодейство, за нарушение обязательств и договоров». Впрочем, там же, он пишет, что «относительно власти царей их [т.е. золотоордынских ханов – А.К.] (нужно заметить что) когда они разгневаются на одного из своих подданных, то отбирают его имущество и продают детей его»⁵³.

Дольше всего положения и правовые нормы Ясы Чингиз-хана соблюдалась там, где сохранялась власть «*Алтан уруга*» – Дашт и-Кыпчак, Могулистан или государствах основанных Чингизидами⁵⁴, т.е. в степных районах, с преимущественно кочевым населением. У казахов сословие Чингизидов ассоциировалось с понятием «*торе*», от древнетюркского «*Törü*» – закон, порядок, обычай, справедливость. Легитимность власти казахских «торе» (*ақ сүйек*) никем не оспаривалось вплоть до окончательной (насильственной) отмены института ханской власти в Казахстане в первой половине XIX в.⁵⁵

Все сказанное позволяет считать дисциплинированную «вымуштрованную» монгольскую армию XIII в. высокоорганизованной военной машиной функционировавшей бесперебойно в ходе завоеваний и выполнявшей возложенные на нее задачи в обеспечении внутренней безопасности, как в самой империи, так и по охране ее внешних рубежей. Монгольское законодательство позволяло держать в нужном повиновении не только вооруженные силы, но и поддерживать достигнутый правовой порядок среди гражданского населения нуждавшегося, прежде всего в таком основополагающем регламентировании общественной жизни. Это еще раз доказывает, что действенность государственной власти должно зиждется на нормах закона и его возможности эффективно регулировать разнообразными правовыми методами сложные общественные отношения, умело использовать административно-властные ресурсы для достижения необходимого политического и социального баланса. Караванные пути и маршруты, покрывавшие все монгольские улусы, как свидетельствуют очевидцы того времени, на долгое время перестали быть опасными для купцов и проезжающих. Дальнейшее правовое развитие политических наследников монгольских улусов-государств позднего Средневековья опиралось на политико-правовой фундамент, заложенный Чингизовой Ясой и ханскими установлениями, в том числе и на нормы военного законодательства имперского периода. В тоже время, видимо, такая политико-правовая эволюция шла по пути, т.н. феномена «правовой инерции», в которой не все юридические нормы прошлого воспринимались современниками (точнее сохранялись в их правовом сознании) как историко-правовой прецедент, и не являлся обязательным к исполнению или изданию соответствующего решения на этой историко-прецедентной основе.

¹ См., например, Бартольд В.В. Тезисы диссертации «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» // Соч., М., 1963. Т.1. с. 603; Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь-М., 1999. с. 122.

² Вернадский Г.В. Монголы и Русь, с. 106-107. По мнению, Р.Ю. Почекаева, Г.В. Вернадский в «О составе Ясы» подчеркивает, что это была не кодификация обычного права, а принципиально новое законодательство.

³ «Из «Тарих-и Джахан-Гушай» Джувайни» // История Казахстана в персидских источниках / Отв. ред. М.Х. Абусейтова. Алматы, 2007. Т. V., с. 11-12.

⁴ Патканов К.П. История монголов инока Магакии, XIII в. Пер. и объясн. К. П. Патканова. СПб., 1871. с. 4-5.

⁵ Березин И. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева // Труды Восточного отделения Археологического общества. СПб., 1864. Ч. VIII., с. 405.

⁶ Поппе Н.Н. Монгольский словарь Муккадимат ал-Адаб / Труды института востоковедения XIV. М.-Л., 1938. Ч. I–II. с. 450. Монгольско-русский академический словарь дает следующие основные значения слова «Яса» (засаг): 1) власть, политический строй, правительство; 2) владетельный князь, правитель удела; 3) закон, правило, распоряжение, наказание.

⁷ Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды / Ред. И.М. Миргалеев. Казань, 2009. с. 35.

⁸ Rossabi M. Khubilai Khan. His Life and Times. Berkeley. Los Angeles, 1989. p. 8.

⁹ Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы, 2001. с. 29.

¹⁰ Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. с. 30-35, 37-44.

¹¹ Вернадский Г.В. Монголы и Русь, с. 106-116; История Золотой Орды, 2003, с. 33-45, 121-125.

¹² Сокровенное сказание монголов. Пер. С. Козина. Улан-Удэ, 1990. с. 102, 117.

¹³ Термин «**яргучи**» происходит от *монг.-тюрк.* слова *йаргу* – право, суд, наказание, тем самым, «*jarguci*», судья, член суда, судящий и ведущий следствие (яргу) по обычному праву или Ясе, см. Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1869. Т. II. с. 326.

¹⁴ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.-Л., 1952. Т. I. Кн. 1., с. 107-108.

¹⁵ В средние века во многих восточных и западных странах закон трактовался как командное установление с утилитарной целью, см. Графский В.Г. Всеобщая история права и государства: Учебник для вузов. М., 2000. с. 371.

¹⁶ Гроссе Р. Империя степей. История Центральной Азии. Пер. с франц. Вила Мирзаянова, с. 234; Султанов, 2001, с. 31.

¹⁷ Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды, с. 137.

¹⁸ Ата-Мелик Джувейни Ала-ад-Дин. Чингис-хан: История Завоевателя Мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувейни. Пер. текста с англ. на русс. язык Е.Е. Харитоновой. М., 2004., с. 35

¹⁹ Книга Марко Поло. Серия: Путешествия. Открытия. Приключения. Алма-Ата, 1990. с. 82, 106.

²⁰ Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. Крит. текст, пер. с лат. «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа С.В. Аксенова и А.Г. Юрченко. Экспоз., исслед. и указ. А.Г. Юрченко. СПб., 2002. с. 123.

²¹ Матузова В.И. Английские средневековые источники IX-XIII вв. М., 1979. с. 149.

²² Книга Марко Поло. с. 206.

²³ Березин И. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева. с. 426.

- ²⁴ Джиованни дель Пано Карпини. «История монгалов» // Путешествие в восточные страны. Пер. А. И. Малеина. М., 1957. с. 45-46.
- ²⁵ Христианский мир и «Великая Монгольская империя». С. 121; см также Гроссе Р. Империя степей с. 234-235; Христианский мир, с. 28.
- ²⁶ Книга Марко Поло. с. 81, 82.
- ²⁷ Сокровенное сказание монголов. с. 95.
- ²⁸ Макиавелли Н. О военном искусстве / Пер. с итал. Вступит. ст. и примеч. Р. Светлова. СПб., 1999. с. 232
- ²⁹ Мое знакомство с этим историко-правовым источником состоялось благодаря любезности к.ю.н. Р.Ю. Почакаева (г. Санкт-Петербург), которому приношу свою глубокую признательность.
- ³⁰ Сумьябаатар Б. Монгольский законодательный памятник XIII в. – новый список // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. Улан-Удэ, 2005. с. 159, 161, 162.
- ³¹ Юрченко А.Г. Историческая география политического мифа. Образ Чингис-хана в мировой литературе XIII–XV вв. СПб, 2006 С. 50; Барфилд Т. Монгольская модель кочевой империи // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. с. 261-262, 266.
- ³² Джиованни дель Пано Карпини. «История монгалов», с. 62.
- ³³ Вернадский Г. В. О составе Великой Ясы Чингис-хана // Вернадский Г.В. История права. СПб., 1999. С. 145; История Золотой Орды: Сборник материалов. СПб., 2003. с. 38.
- ³⁴ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.-Л., 1952. Т.1. Кн.2. с. 260.
- ³⁵ «Из «Тарих-и Джахан-Гушай» Джувайни». с. 17-18.
- ³⁶ Джиованни дель Пано Карпини. «История монгалов», с. 36.
- ³⁷ Джиованни дель Пано Карпини. «История монгалов», с. 49-50. В джунгарской армии XVII-XVIII вв. также действовала жесткая военная дисциплина. Наказание за несоблюдение воинских правил несли все, невзирая на социальный статус – от полноправных тайдж до простых воинов. «Если кто из владетельных князей, вступив в бой с неприятелем, затем сбежит, то взять с него сто панцирей, сто верблюдов, пятьдесят семей (дворов) и тысячу лошадей». В случае бегства с поля боя джунгарского воина ждало позорное наказание; его одевали в «женскую безрукавку», «а если покинет князя, то убить и разорить» («Их Цааз» (“Великое уложение”): Памятник монгольского феодального права / Пер., введ. и коммент. С.Д. Дылыкова. М., 1981. с.14-15).
- ³⁸ «Из «Тарих-и Джахан-Гушай» Джувайни», с. 17.
- ³⁹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.-Л., 1952. Т.1. Кн.2. с. 260.
- ⁴⁰ (Юань ши) Китайская династийная история «Юань ши (Официальная история [династии] Юань)» // Золотая Орда в источниках. Китайские и монгольские источники / Пер. с кит., сост., введ. ст., коммент. Р.П. Храпачевского. М., 2009. с. 169; «Юань ши» (Официальная хроника династии Юань). Основные записи // Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М., 2005. с. 484-486.
- ⁴¹ Сумьябаатар Б. Монгольский законодательный памятник XIII в. с. 162-163.
- ⁴² Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.-Л., 1946. Т. III. с. 76.
- ⁴³ «Из «Избранной истории» Хамдаллаха Казвини и продолжений к ней» // История Казахстана в персидских источниках. (СМИЗО Т.II) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным / Пер. и доп. Подг. к нов. изд., введ., пер., комм., состав. указ. М.Х. Абусеитовой и Ж.М. Тулибаевой. Алматы, 2006. Т. IV. с. 191.

⁴⁴ «Из «Книги побед» Шараф ад-дина Йазди» // История Казахстана в персидских источниках. (СМИЗО Т.II) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным / Пер. и доп. подг. к нов. изд., введ., пер., комм., состав. указ. М.Х. Абусейтовой и Ж.М. Тулибаевой. Алматы, 2006. Т. IV. с. 288.

⁴⁵ «Из летописи Рукн ад-Дина Байбарса» // История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т.I). Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем. Подг. к нов. изд., введ., доп. и комм. Б.Е. Кумекова, А.К. Муминова. Алматы, 2005. Т. 1. с. 90; ал-Макризи // Там же, с. 301.

⁴⁶ «Из летописи Шафи‘, сына Али» // История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т.I). с. 117-118; Ан-Нувайри // Там же, с. 132-133; ал-Муфаддал // Там же, с.146; ал-Макризи // Там же, с.303-304; Амин аль-Холи. Связи между Нилом и Волгой в XIII-XIV вв. Сокр. пер. с араб. М., 1962, с. 12.

⁴⁷ Гальперин Ч.Дж. Кыпчакский фактор: Ильханы, мамлюки и Айн-Джалут // Степи Европы в эпоху средневековья. Золотоордынское время. Труды по археологии. Сборник научных работ. Донецк, 2008. Т.6. с. 396.

⁴⁸ «Из летописи Рукн ад-Дина Байбарса» // История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т.I). С. 104-105; Ан-Нувайри // Там же, с. 130; Ибн Халдун // Там же, с. 273. В то же время в источниках встречаются факты перехода подчиненных войск на сторону противника «В джумади II 715 г. /2—30 сентября 1315 г. он [Баба-огул, джучид – А.К.] со своим туманом прибыл к султану Улджейту, с изъявлением покорности, и с 1500 всадников двинулся на Хорезм. Правитель Хорезма, Кутлуг-Тимур, с 15 000 всадников выступил для отражения его. Во время столкновения часть войска его (Кутлуг-Тимура) от него ушла, и Кутлуг-Тимур обратился в бегство, а войско его все перешло к Баба-огулу» («Из продолжения Сборника летописей» // История Казахстана в персидских источниках. (СМИЗО Т.II). с. 275).

⁴⁹ «Из «Места восхода двух счастливых звезд и места слияния двух морей» сочинения Абд ар-Раззака Самарканди» // История Казахстана в персидских источниках. (СМИЗО Т.II). с. 364; «Аноним Искандара» // Там же, с. 260.

⁵⁰ Накануне выступления Токтамыша против Мамай, «кок-ордынский оглан» по сведениям Чингиз-наме» обратился к Шибаниду Канбаю, бывшего ханом на Көкедее, со следующими словами: «**Қара кіші Мамай хәлқ-улусның тәмам [ы] дын алыб туруп. Бізгә баш бола бәрсәләр, аның үстігә йүрісәк**», т.е. «Черный человек Мамай завладел всем народом. Встал бы [Кан-бай]» во главе нас, да пошли бы мы на него [Мамай] походом» (Утемиш-хаджи ибн Маулана Мухаммад Дост. «Чингиз-наме» / Факсим., пер., транскр., текстол. примеч., исслед. В.П.Юдина. Алма-Ата, 1992. с. 117, 144). Несмотря на то, что и Шибаниды и Тукатимуриды не имели прямого политического права на «трон Саин-хана», но в кризисных условиях «Великой замятни» 60-70-х гг. XIV в., когда пресеклась династийная линия Батуидов, все политически дееспособные представители дома Джучи стали помогать сарайского престола. Всемогуший беклербек Кыйат Мамай, являясь по происхождению «черным человеком», безраздельно господствуя в правом крыле Золотой Орды и утверждая подставных ханов-джучидов, считался нарушителем установленной политико-правовой традиции (Ясы), даже без присвоения ханского титула. По версии Р.Ю. Почекаева, у Мамай, ко времени битвы с Токтамышем, не было своего хана: Мухаммад-Булак (Туляк) погиб в Куликовской битве, и нового Батуида Мамай просто не успел возвести на трон (см. Почекаев Р.Ю. Мамай

летописный и Мамай исторический (попытка развенчания стереотипов) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. № 2. С. 59-60).

⁵¹ ПСРЛ. Новгородская четвертая летопись (1113-1496 гг.). СПб., 1848. Т. IV. с. 83; ПСРЛ. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью (852-1499 гг.). СПб., 1863. Т. XV. стб. 141.

⁵² Джиованни дель Плано Карпини. «История монгалов», с. 43; Христианский мир и «Великая Монгольская империя». с.117; Утемиш-хаджи ибн Маулана Мухаммад Дости. «Чингиз-наме». с. 103-104.

⁵³ «Из сочинения ибн Фадлаллаха ал ‘Умари» // История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т. I). с. 174; о характере власти монгольских правителей над своими улусными подданными см. Джиованни дель Плано Карпини. «История монгалов», с. 45-46.

⁵⁴ По мнению Р.Ю. Почекаева, «дольше всего Яса соблюдалась в государствах, претендовавших на имперское наследие – Золотой Орде, Чагатайском улусе, государстве Шайбанидов в Бухаре. В «локальных» ханствах Яса, как имперское законодательство, оказалась просто-напросто не нужна, ее даже не нужно было как-то официально отменять».

⁵⁵ По преданиям рода мадьяр (входят в состав кара-кыпчаков Среднего жуза и проживают ныне на территории совр. Омской обл. РФ), у них не было своего торе, что считалось в их представлении неправильным и воспринималось как непорядок. Старейшины клана, посоветовавшись между собой, решили пригласить молодого Чингизида по имени Самай – потомка Абылай-хана, стать их торе. Он (или скорее всего, его родственники) согласился. Это произошло в 20-30-х гг. XIX в. С потомками этого торе наше семейство связано родственными узами. Данное сообщение рассказал мой дядя - К.К. Амиржанов в 1990 г. (Об обязательности института «торе» в казахском кочевом обществе писал Ч.Ч. Валиханов (см.: Валиханов Ч.Ч. Киргизское родословие // Избранные произведения. М., 1986. с. 261)).

РЕЦЕНЗИЯЛАР

Светлана Ковальская

Доктор исторических наук, профессор

Вячеслав Меньковский

Доктор исторических наук, профессор

Александр Максимович

К.Н. АБДУЛЛАЕВ. ОТ СИНЬЦЗЯНА ДО ХОРАСАНА. ИЗ ИСТОРИИ СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ ЭМИГРАЦИИ XX ВЕКА. – ДУШАНБЕ, 2009. – 572 с.

Общество традиционно ждет от историков «объективного» анализа прошедших событий. Но методологический инструментарий историков и их роль в процессе написания исторических работ принципиально изменились за последние десятилетия. Многие ученые стремятся подчеркнуть, что подготовленные ими работы в принципе не могут не быть субъективными и должны именно так восприниматься. Историки, безусловно, готовят свои работы на репрезентативных источниках, но сам выбор источников, формулировка рассматриваемых проблем, выводы, к которым они приходят, не могут быть абсолютно объективными в силу зависимости от столь субъективных обстоятельств как научная подготовка, культурная и социальная база самого исследователя.

Вопросы, поставленные определенными исследователями, и выводы, к которым они приходят, при использовании репрезентативного корпуса источников являются научно обоснованными, хотя могут не совпадать с вопросами и выводами других ученых. Несовпадение не означает, что одни работы являются «правильными», а другие «ошибочными». Разница в оценках связана как с принадлежностью ученых к разным поколениям, так и с личностью исследователя, спецификой его теоретической и методологической подготовки.

После 1991 г. для национальных историографий первостепенной стала задача «выстраивания новых национальных историй», смены тех парадигм, которые создавались в советские годы. Поиск национальной самоидентификации сопровождался совершенно естественной критикой предшествующей историографической модели, направленной на доказательство исторической обусловленности совместного существования в рамках единого государства. Историческая наука выполняла как функцию «политики, обращенной в прошлое», так и функцию науки, формирующей будущее.

Для профессионального сообщества «постсоветского пространства» два фактора представляются наиболее важными в контексте внутринаучных преобразований, кардинально изменивших ситуацию в исторической науке. Во-первых, «архивная революция», начавшаяся в годы «перестройки». Историки, проводя исследования, могли свободно сочетать возможности предоставляемые данными «устной истории», изучением советской и постсоветской политической культуры с архивными материалами. Во-вторых, смена единственной («единственно правильной») марксистско-ленинской методологии на широкий спектр методологических подходов, применяемых в мировой исторической науке.

Конечно, историк не в состоянии проверить свое знание опытным путем, поскольку объект его знания всегда находится в прошлом, и ученый имеет дело только с ее следом - историческим фактом. Исследователь также не может избавиться от своего знания последующих исторических событий и в соответствии с этим неизбежно корректирует отношение к свидетельствам современников того или иного события. Таким образом, исторический факт выступает в трех качествах - как реальность прошлого, как реальность прошлого, отраженная в источниках, и как результат научной интерпретации реальности прошлого, отраженной в источниках. Видение прошлого в конечном итоге определяется исторической ситуацией, в которой работает историк. Особенно важно подчеркнуть, что меняется методология исторического познания, т. е. совокупность нормативных подходов, принципов, приемов, процедур, которые задаются профессиональным сообществом в определенном культурном контексте и призваны определять направление и цели творческого поиска.

«Постсоветские» исследователи оказались в чрезвычайно своеобразной ситуации. Эйфория, связанная с открытием архивов, достаточно быстро стала сочетаться с пониманием того, что историческая наука не в полной мере способна проанализировать этот архивный материал. Среди историков стали усиливаться сомнения в отношении письменного источника как ключевого в понимании исторического события, как инструмента который «покажет то, что действительно произошло», как это было сформулировано основоположниками теории историзма. Письменный источник скорее показывает позицию его автора, чем реальный ход событий, и многие исследователи стали анализировать дискурс в том понимании, которое было предложено французским философом М. Фуко, и использовать такие источники как дневники, письма, мемуары для реконструкции мышления, менталитета определенного исторического периода. Методологические изменения не могли не коснуться и историографии истории Центральной Азии.

Серьезным шагом в развитии центральноазиатских исследований стала фундаментальная монография К.Н. Абдуллаева. Книга справедливо позиционируется как первое в постсоветской историографии исследование истории среднеазиатской эмиграции советского периода. Основное внимание уделено почти миллионной массе таджиков, узбеков, туркмен,

киргизов, казахов, а также русских, вытесненных революцией за рубежи своей родины - в Афганистан, Западный Китай, Иран, Британскую Индию и Турцию в 1917-1934 гг. Заключительная глава затрагивает также основные моменты военной эмиграции 1941-1945 гг., период "холодной войны", войны в Афганистане 1980-х гг., и доводит исследование до начала 2000-х гг. В работе вскрыты причины, вызвавшие исход; даны основные этапы эмиграции; показано расселение эмигрантов за рубежом; представлен их количественный и национальный состав; изучена история эмиграции в стране пребывания; политические течения, а также; попытки возвращения на родину.

В предисловии автор отмечает, что изучаемая им тема долгие годы «была не столько научной, сколько политической: Советским историкам: приходилось "разоблачать", "бороться", "воспитывать в духе" и т.п. Что заставило автора пересмотреть свои взгляды? Если сказать кратко, то изменение политического климата в мире и доступ к новым, доселе неизвестным источникам и литературе» [С. 3]. Историческая судьба народов Средней (Центральной) Азии сложилась так, что территории, на которых они проживают, оказались в государствах с различной политической ориентацией. При этом, только в пяти государствах - Казахстане, Таджикистане, Узбекистане, Туркменистане и Киргизстане народы региона стали государствообразующими (титульными).

К.Н. Абдуллаев считает, что жителей Центральной Азии, проживающих за пределами соответствующих им титульных стран, можно назвать ирредентой (невоссоединенной нацией). «Ирредентизм, пишет автор – это идеологическое и организационное выражение сочувственного интереса какой-либо государствообразующей этнической группы к представителям той же группы, проживающей за пределами государства, в котором представители данной этнической группы являются титульными» [С. 11]. При этом автор выделяет умеренный и экстремальный ирредентизм. Нужно отдать должное автору, он рассматривает данное, неоднозначно оцениваемое, явление с различных сторон. Такой подход является ключевым и прослеживается по всему тексту монографии, в которой автор стремится избежать любой ангажированности.

Наряду с ирредентой существуют и те, кто не по своей воле оказался оторванным от привычной среды обитания. Таких людей, по разным причинам оторванных от исторической родины и живущих за ее пределами на положении национальных меньшинств, принято называть диаспорой, а социально-политический феномен, вызвавший исход этих людей и переселение в другие страны – эмиграцией.

В историографической части исследования автор отмечает, что распад СССР и обретение независимости, дали мощный толчок к росту национальных историографий, не сдерживаемых более идеологическими рамками. Привело ли это к качественному росту национальных историографий Центральной Азии? Невозможно однозначно ответить на этот вопрос. «Большинство исторических сочинений созданных в последние годы в бывших советских республиках, пригодны лишь для ограниченного

«местного употребления». Для «нетитульной» аудитории они не представляют никакого интереса» [С. 46].

К.Н. Абдуллаев затрагивает актуальный для многих постсоветских стран вопрос, связанный с тем, что «большой изъян имеющейся на сегодня литературы заключается в том, что она посвящена больше политическому, нежели социальному и культурному аспектам проблемы» [С.55]. Исследователь видит выход из проблемы в ликвидации идеологических разногласий при рассмотрении событий, максимальном расширении источниковой базы, интеллектуальной интеграции и диалоге современных историографий. В работе представлен широкий круг литературы на английском, русском, таджикско-персидском и тюркских языках. Сам автор свободно владеет каждым из них, демонстрируя тем самым свою принадлежность к уникальному поколению исследователей, которых отличает полиязычие, глубокое знание не только источников, но и прекрасное владение, а также практическое применение современных теоретико-методологических подходов и исследовательских методов.

Кроме того, стоит отметить, что автор провёл серьёзную исследовательскую работу над источниками по теме монографии в архивах России, Таджикистана, Узбекистана, Великобритании.

В первой главе «Большая игра: истоки будущей трагедии» автор представляет этнические и социокультурные исторические корни противоречий в регионе, которые оказали влияние на дальнейшее его развитие. При этом он отмечает, что регион жил без этнических войн во многом благодаря скрепляющему воздействию ислама. А также раскрывает место Средней Азии в системе международных отношений: в разграничении сфер влияния между Китаем, Англией и Россией. При этом интересно мнение автора, что «компромисс Великобритании, России и Китая: имел иллюзорный характер» [С.100]. К.Н. Абдуллаев весьма справедливо отмечает, что колониальная зависимость региона привела к зарождению негативного отношения к «новым хозяевам» и только из-за разобщённости мусульман это негативное отношение не вылилось в джихад.

В главе «Пробуждение Азии» автор уделяет внимание восстанию 1916 г., которое он оценивает как «стихийное выступление против царизма» [С.103], приведшее к обострению национальных отношений. Также весьма подробно освещается становление местных органов власти и взаимоотношения между «красными», «Жокандской автономией» и «белыми». Автор прав, утверждая, что все политические силы забыли о народе, увлекшись политической борьбой за власть, которому пришлось самому заботиться о своей безопасности [С.113]. Зарождение басмачества в системе таких взаимоотношений автор и выводит из народной реакции на безвластие, вызванное глубочайшим политическим и экономическим кризисом в стране [С.114], а вовсе не из целенаправленных действий «автономистов». Басмачество, с гражданской и социологической точки зрения автор определяет как территориальное народное ополчение, своего рода дружинников, которых возглавляли популярные военные и полукриминальные авторитеты [С.263].

По мнению К. Абдуллаева басмачество в Фергане было вызвано: а) глубочайшим кризисом власти; б) экономическим кризисом, вызванным гражданской войной и хаосом в Советской России; в) стремлением населения Ферганы к национальному самоопределению; г) национальной враждой и религиозным противостоянием мусульман и пришельцев-«неверных» [С.115]. В отличие от «сартовского» басмачества, представленного узбекско-таджикским и киргизским населением Ферганы, находившимся под влиянием крупных феодалов, общинных лидеров и консервативного духовенства, руководящее положение в автономном движении занимала светская казахская интеллигенция (Чокаев, Танышбаев и другие), пытавшаяся собрать под свое крыло все «демократические силы», включая русских, евреев и др. Более того, басмачество зачастую было враждебно автономистам, в частности, об этом говорит эпизод с побегом Мустафы Чокая после разгрома «Кокандской автономии».

В описании предреволюционной ситуации в Бухаре К.Н. Абдуллаев проводит анализ политической обстановки и приходит к выводу, что политические расхождения между эмиром и умеренными сторонниками реформ по турецкому образцу – джадидами приводят к втягиванию в этот конфликт басмачей на стороне эмира и большевиков на стороне джадидов. Всё это автор весьма органично связывает с продолжением международной борьбы за контроль над Средней Азией, в которую весьма неожиданно вмешивается и Афганистан. При этом используется ряд зарубежных архивных источников, серьёзно расширяя фактологическое поле для анализа. Рассмотрение отношения Афганистана к событиям в революционной части Средней Азии вообще является одной из первых попыток анализа роли этой страны в истории региона в указанный период.

В главе «Война» исследователь подробно рассматривает боевые действия, связанные с установлением советской власти в Центральной Азии и борьбой с басмачеством, раскрывая причины появления эмиграционных потоков, направлявшихся в Афганистан, Китай. Так, падение эмира Бухары и его отъезд в Афганистан привели, по мнению автора, к росту числа тех, кто покинул Бухару по религиозным мотивам или перешёл на путь вооружённой борьбы с большевиками: «Бухара из мусульманской страны (дар ул-ислам) превратилась в немусульманскую территорию: в такой ситуации бухарцам предписывалось объявить повсеместную войну против агрессоров (то есть джихад) с тем, чтобы восстановить дар ул-ислам и/или совершить хиджру, то есть всем покинуть родину» [С.178]. С точки зрения сегодняшнего дня подобные аргументы, казалось бы, выглядят весьма сомнительно. Однако, учитывая специфику менталитета народов Средней Азии и их глубокую религиозность, данную причину эмиграции и пополнения басмаческих отрядов вполне можно указывать в одном ряду с экономическими проблемами, политическим безвластием и ведением военных действий в регионе. На наш взгляд, сопоставление светской эмиграции и мусульманской хиджры, выделение общего и особенного, является сильной стороной данного исследования и знакомит читателя с уникальной стороной жизни мусульманской общины [С.13-15].

При рассмотрении боевых действий автор опирается на обширный архивный материал, указывающий на интенсивность сопротивления в различные хронологические периоды в различных географических регионах Центральной Азии.

Наряду с рассмотрением стратегии и тактики боевых действий в противостоянии Красной Армии и её местных союзников с басмачами, а также характеристикой отдельных лидеров повстанческого движения (Ибрагимбек, Джунаид-хан) указывает автор и причины поражения антисоветских выступлений. На взгляд К.Н. Абдуллаева, «Завоевание: было определено, с одной стороны силой Красной Армии, с другой – военной слабостью и политической разобщённостью коренного населения» [С.181]. При этом обращается внимание на то, что экономическая политика большевиков, в частности насильственные заготовки зерна и мяса, не только привели к росту недовольства новой властью и вооружённым выступлениям, но и к экономической переориентации на производство зерна вместо традиционного хлопка. Ошибки в экономической политике, агрессивность, излишняя жестокость войск Красной Армии привели к росту сопротивления и приобретению отрядами басмачей «ореола защитников веры» [С.186]. Изъятые у жителей Бухары ресурсы помогли большевикам остаться у власти, а «анализ бухарского восстания 1921 г. показывает, что оно, в известной мере было одним из крестьянских восстаний, потрясавших в то время Советскую Россию» [С.190].

Серьёзное внимание уделил Н.К. Абдуллаев и такой исторической личности как Энвер Паша – турецкий генерал, оказавшийся в 1921-1922 гг. самом эпицентре басмачества. Автор чётко и связно прослеживает и аргументирует с помощью различных источников, в том числе и личной переписки Энвера Паши, изменение политической линии турецкого генерала от сотрудничества с большевиками к противостоянию с ними для продвижения идей панисламизма и пантюркизма в регионе. На взгляд автора, Энвер Паша – неудачный политик и герой-авантюрист, пытавшийся «реализовать планы создания панисламистского государства или конфедерации государств. Во главе такой конфедерации он видел, конечно, свою Турцию, ярким патриотом которой он оставался до последнего своего вздоха» [С.210] и применявший для этого все возможные методы. Однако сам Энвер Паша со всеми его амбициями, с точки зрения Н.К. Абдуллаева, плохо ориентировался в реальной обстановке в регионе и оказался втянут в межплеменную рознь, царившую в регионе, хотя и добился определённых успехов по объединению басмачей. Это заставило советскую власть обратить на регион более пристальное внимание, и Энвер Паша был убит.

Интересен и взгляд исследователя на вопрос о финансировании кампании Энвера Паши. Так, автор выражает согласие с мнением английских агентов в Индии, высказывавшихся о возможном тайном союзе Энвера Паши с Мустафой Кемалем [С.226]. Однако вряд ли это можно считать серьёзным доказательством подобных связей, особенно учитывая личные надежды Энвера Паши на триумфальное возвращение в Турцию, о чём Н.К. Абдуллаев не раз упоминает в монографии. Итогом деятельности

Энвера Паши стало «не только крушение джадидизма и поражение младотурецкого движения, но и дискредитация эмирского басмачества» [С.231]. Вполне объяснима и оценка Энвера Паши как героя среднеазиатской эмиграции, стремившейся в его личности увидеть символ борьбы и непокорённости.

Серьёзный интерес представляет анализ автором процесса национального размежевания в Центральной Азии в 1924-1936 гг. Н.К. Абдуллаев оценивает этот процесс как весьма спорный. С одной стороны размежевание привело в дальнейшем к национальным спорам; с другой – оно дало советской власти возможности перевести сторонников модернизации и национального строительства на свою сторону, а Британии и Китаю, на взгляд исследователя, указало на несправедливость их империй и угнетение там мусульман [С.256].

Почти через всю книгу рефреном проходит аргументированная мысль автора, выраженная во фразе, посвящённой политике большевиков в регионе: «Трудно – почти невозможно – отделить плохое от хорошего в действиях новой власти» [С.259]. Это касается почти всех мероприятий, которые рассматриваются автором: начиная от борьбы с басмачеством, заканчивая ликвидацией безграмотности.

В главе «Белые армии в восставшем Синьцзяне» представлены малоизвестные страницы истории российской эмиграции в Западном Китае (Синьцзяне). Интерес представляет рассмотрение судьбы вооружённых формирований трех лидеров белого движения в Средней Азии – генералов А.И. Дутова, А.С. Бакича и Б.В. Анненкова. Судьба русских эмигрантов, оказавшихся в Синьцзяне, раскрывается через контекст взаимоотношений Китая и СССР. Хотя раздел носит скорее информационный характер, это представляется приемлемым, поскольку факты достаточно ограничены и новы для анализа и требуют проведения отдельного исследования.

Серьёзное значение в монографии придано рассмотрению массового исхода жителей Средней Азии в Афганистан. В главе «Жизнь и борьба мухаджиров и мухаджиров в Афганистане» – К.Н. Абдуллаев рассматривает отношение властей Афганистана к эмигрантам, их расселение и состав, политические движения в среде эмигрантов. Автор отмечает, что национальное размежевание в СССР «вызвало рост национальных настроений во всём регионе» [С.339], что привело к пограничным конфликтам и вылилось в частичную реэмиграцию населения. Исследователь справедливо указывает, что постепенно бывшие басмачи решили озаботиться обустройством жизни в новой стране, а не попытками возвращения, и освещает религиозный, национальный и политический аспекты проблем эмигрантов, чётко сводя данные в систематизированные таблицы. На основании этих данных делается вывод о том, что, несмотря на различные причины и состав, «среднеазиатская эмиграция – это протест той насильственной ломки традиционных, в том числе религиозных, представлений, жизненного уклада, которые несла с собой новая власть» [С.366].

Жулдыз Тулибаева

Доктор исторических наук

АЛМА СУЛТАНГАЛИЕВА. ГОРОД И ЛЮДИ: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ
ТРАНСФОРМАЦИЯ В КАЗАХСТАНЕ. – АЛМАТЫ, 2010. – 244 с.

Каковы же особенности становления городского социума в Казахстане? Каково же качество жизни горожан, общий уровень их культуры и культурности? Насколько комфортна жизнь в казахстанских городах? Какие же особенности городского управления в казахстанском городе на разных этапах его развития? Каковы же взаимоотношения казахов и города? Как же большинство казахов становятся городскими жителями в советское время? Эта книга предлагает рассмотреть урбанизацию в Казахстане как социокультурный процесс и город как среду формирования особого социального и культурного пространства.

В первой главе данной книги анализируются базовые черты городского общества: демография, социальная структура, этничность. Вторая глава посвящена культуре городской среды, ее базовым условиям, прямо или опосредованно влияющим на жизнедеятельность человека: жилище, образование и здравоохранение, городское пространство в его застройке. В центре третьей главы – трансформация отношений между казахами и городом, особенности сельско-городской миграции, стратегии адаптации в городе.

Султангалиева исследует социокультурную трансформацию казахстанского города на ключевых исторических этапах, каждый из которых символизирует собой отдельную эпоху: 1) досоветскую доиндустриальную; 2) советскую социалистическую и индустриальную; 3) постсоветскую и постиндустриальную. Советская эпоха самая продолжительная, в течение которой сформировались социально-культурные основы современного казахстанского города. В качестве “case study” был выбран город Алматы. Однако, по ходу работы локальный контекст переплетается с общеказахстанским.

Автор книги рисует яркую картину жизнедеятельности человека в городе, в том числе повседневные, в историческом разрезе. Она рассматривает элементы повседневной жизни, которые и формируют культуру поведения «человека городского». Это особенно актуально для постсоветского города с его «переходным» характером и связанной с этим несформированностью городского образа жизни как феномена культуры. Тем более это приобретает значимость в условиях высоких темпов прироста казахского городского населения, впервые ставшего городским большинством, но которому предстоит в сжатые сроки усваивать нормы и ценности городской цивилизации.

На протяжении практически всей своей истории казахстанские города развивались в рамках национального советского урбанизационного проекта. По утверждению автора книги, наследие последнего по-прежнему оказывает влияние на постсоветский казахстанский город. Анализируя основные черты урбанизации советского Казахстана, Султангалиева отмечает, что зависимость урбанизации от политических и зачастую недостаточно обоснованных решений превращает ее в нестабильный процесс, что особенно ярко проявится в постсоветский период. В частности, в советское время закладывается проблема неравномерного развития территории Казахстана, приоритетное развитие одних регионов (северных) в ущерб другим (южным и западным). Этот экономический и социальный дисбаланс усугубляло то, что он накладывался на этнотерриториальные различия в расселении. Казахское население, в основном сельское, численно преобладало именно в южном и западном регионах. На фоне низкой технической и социо-культурной оснащенности сельской местности в целом закреплялась социально-экономическая отсталость казахов, высокая степень безработицы среди них. Неслучайно в постсоветское время сельская миграция в города из южного региона станет наиболее многочисленной.

Использованные в работе архивные документы подтверждают, что казахстанский вариант советской урбанизации отличался концентрацией ресурсов и населения в одном-двух городах. В постсоветский период мы видим такую же картину. Сельская миграция концентрируется в двух городах – Алматы и Астане, на долю которых в 2008 году приходилось 86,6 % от миграционного прироста страны. Султангалиева отмечает, что концентрация сельских мигрантов всего в двух городах страны ведет к тому, что эти города растут, но не развиваются. А с учетом доминирования «предпринимательской стратегии» в городской политике дальнейшее снижение стандартов городской жизни будет продолжаться. Модель управления современным городом, так же сложившаяся еще при социализме, не ведет к успешному развитию города.

На различных примерах автор книги показывает незрелость гражданского самосознания горожан. Приводимые в книге материалы подтверждают, что городская идентичность до сих пор не сформированы, что можно считать наследием советской идеологии, не поощрявшей региональное самосознание и локальный патриотизм. Казахстанские города всегда отличались своей «советскостью». В отличие от них, в среднеазиатских городах всегда были сильны традиционные городские квартальные общины «махалля», социальные организации, пережившие все предшествующие эпохи и встроены в новые эпохи. В городах Казахстана, как показано в книге, за два десятилетия выстраивания государственности с казахским «ядром» ничего похожего не было создано. Современный казахстанский городской социальный порядок является набором или гибридом элементов из нескольких социальных и культурных моделей: советской, архаично сельской, глобальной, то есть псевдозападной и капиталистической.

В книге хорошо показано, что доминирующие в настоящем культурные ориентации, ценности, нормы и практика проникнуты влиянием советского прошлого. Султангалиева разъясняет, почему так легко принимаются в обществе резкое социальное расслоение и чрезмерное накопление богатства. Еще с советских времен народ привык к неравенству. Появление нового вида жилья – «элитные» охраняемые многоквартирные комплексы или коттеджные городки, было заложено еще в советском прошлом, с его «закрытыми» территориями для номенклатуры: домами отдыха, магазинами и распределителями и так далее. А с исчезновением тотальной социалистической идеологии казахстанские постсоветские города не в состоянии представить собственную концепцию развития и подвергаются «облучению» глобальными культурными моделями и образцами.

Автор отмечает, что специфическое влияние советского наследия проявляется и в жилищных стандартах, например в том, какое жилье можно считать престижным. В целом неразвитость коммунальной и социальной инфраструктуры в пригородной зоне города, включая дороги, свет и газ, школы и больницы торговые точки и т.д., не дает развиваться субурбанизации и «коттеджной» культуре в целом. Поэтому среднестатистически собственная городская квартира по-прежнему считается больше ценностью, чем собственный дом.

Книга снабжена статистическими данными, столь необходимые для всех исследователей, занимающимися вопросами урбанизации, истории и культуры городов центральноазиатского региона. Автором была предпринята попытка выявить особенности урбанизации в центрально-азиатском регионе, и в какой степени ее казахстанский вариант отражает региональную специфику. И можно согласиться с выводом автора, что казахстанские города в силу исторически сложившихся особенностей развития и регионального окружения трудно отнести к какому-то конкретному региону или группе стран.

Следует особо подчеркнуть, что Султангалиева исследует казахстанский город не в контексте производительных ресурсов, а «человеческого капитала», причем в рамках комплексного междисциплинарного подхода. К сожалению, внимание к этому виду капитала пока еще не стало центральным пунктом практической деятельности правительства и муниципальных органов, общественно-политического и экспертного дискурса в Казахстане.

БІЗДІҢ КІТАПТАРЫМЫЗ

Алмас Ерназаров

Археография және деректану ұлттық орталығының Қазақстанға қатысты шетелдегі мұраларды зерттеу және мәліметтер жинақтау зертханасының бастығы

«ҚАЗАҚСТАН ТАРИХЫ ШЕТЕЛ МҰРАҒАТТАРЫНДА» КӨПТОМДЫҚ АҚПАРАТТЫҚ АНЫҚТАМАЛЫҒЫ

Қазақстанда мемлекеттік саясаттың басым бағыттарының бірі ретінде экономикалық және әлеуметтік дамудың негізгі міндеттерін шешумен қатар, қазақ халқының тарихы мен мәдениетін терең зерделеуге мән беріліп отыр.

Осы орайда қазақ халқының ерте заманнан бүгінге дейінгі тарихы мен мәдениеті, ежелгі мемлекеттермен сабақтастығы, Еуразия орталығында орналасқан Қазақстанның орны мен ролі туралы нақты әрі толық мәліметтерді жинастырудың, тарихи-мәдени мұраны сақтау мен дамытудың маңызы аса зор.

Қазақстан Республикасының «Мәдениет туралы» Заңы бойынша халықтың мыңдаған жылдар жинақтаған мәдени құндылықтарының қатарына жатқызылған мұрағат құжаттарынсыз тарихи мәдени мұраны дамыту мүмкін емес.

Сондықтан Тәуелсіз Қазақстанның Ұлттық мұрағат қорын қалыптастыру, оны тарихи құнды құжаттармен толықтыру – аса маңызды мемлекеттік іс.

Сан ғасырлық тарихымызда мемлекет басшысы Н.Ә. Назарбаев 1998 жылғы 22 желтоқсанда қол қойған «Ұлттық мұрағат қоры және мұрағаттар туралы» тұңғыш заңның 5 бабында «Мемлекет Қазақстан аумағынан тыс жерлерде табылған Қазақстан Республикасының тарихи мұра құжаттарын қайтаруға шаралар қолданады, жинақталған және Қазақстан Республикасымен тарихи байланысты құжаттарды іздестіру мен Отанына қайтаруды көтермелеп, қаржыландырып отырады» делінген.

Шетел мұрағаттарынан ғылыми-тарихи құндылығы бар құжаттарды іздестіру және сатып алу жұмыстары Қазақстан Республикасы Үкіметі қабылдаған Мұрағат ісін дамытудың 2001-2005 жылдарға арналған бағдарламасымен басталып, әрі қарай Қазақстан Республикасында мұрағат ісін және құжаттама жүйесін дамытудың 2007-2009 жылдарға арналған бағдарламасымен жалғастырылды, сөйтіп мемлекеттік мұрағат мекемелерінің маңызды бағыттарының біріне айналды.

Қазақстан Республикасы Президенті Н.Ә. Назарбаевтың бастамасымен әзірленіп, қабылданған «Мәдени мұра» бағдарламасы мұрағат мұрасын

сақтау және көбейту, зерделеу арқылы қазақ ұлтының қайта өрлеуіне жол ашып отыр.

Мұрағатшылар мен ғалымдардың бірігіп күш салуының нәтижесінде Қазақстан Республикасының Ұлттық мұрағат қоры Армения, Египет Араб Республикасы, Түркия Республикасы, Франция, Венгрия, Германия, Ұлыбритания, АҚШ, Ресей, Қытай Халық Республикасы, Польша Өзбекстан Республикасының мемлекеттік мұрағаттарынан, ғылыми мекеме, мұражай, кітапханаларынан іздестіріліп, алынған қазақ халқының шежіресінен сыр шертетін тарихи, мәдени құжаттық деректермен, қолжазбалар мен сирек кездесетін кітаптармен, басылымдармен толықтырылды.

Іздестіріліп жинақталған құжаттар толық зерттеліп біткен жоқ. Бұл құжаттар әлі талай тарихи тың деректерді жариялауға, талай «күпияларды» ашуға ықпал етпек.

Қазіргі таңда Қазақстан тарихына қатысты жинақталған деректер Археография және деректану ұлттық орталығының біртұтас деректер базасына енгізілуде. Сол деректер «Қазақстан тарихы шетел мұрағаттарында» атты көптомдық ақпараттық анықтамалықты құрастыруға негіз болды.

Ақпараттық анықтамалық шетел мұрағаттарында сақталған құжаттардың сақталған орны көрсетіле отырып құрастырылған құжаттар тізімінен тұрады.

Сондай-ақ, тізімнің соңғы бағанында құжаттардың Қазақстандағы сақталу орны да көрсетілген.

Қазақстан аймағын төңкеріске дейінгі және кеңестік кезеңдеріне тән басқаруды ұйымдастырудың өзіндік ерекшеліктеріне байланысты тарихи құжаттардың елеулі бөлігі шектес мемлекеттердің әр түрлі мұрағаттық мекемелерінде қалған. Сондықтан Қазақстан тарихы бойынша неғұрлым құнды деректі материалдар кешені Ресей Федерациясында сақталуы заңдылық.

Қазіргі таңда ақпараттық анықтамалықтың 4 томы (I, II, III IV томдары) басылып шығарылды.

Анықтамалықтың I томына Ресей мемлекеттік көне актілер мұрағаты (РГАДА), Ресей империясы сыртқы саясатының мұрағаты (АВПРИ), Ресей Федерациясының мемлекеттік мұрағаты (ГАРФ), Ресейдің мемлекеттік саяси-әлеуметтік тарихы мұрағаты (РГАСПИ), Ресейдің мемлекеттік экономика мұрағатындағы (РГАЭ) елімізге қатысты деректердің тізімі енгізілген.

II том Ресей мемлекеттік әскери-тарихи мұрағаты (РГВИА), Ресей мемлекеттік әскери мұрағаты (РГВА), Ресейдің мемлекеттік әдебиет және өнер мұрағаты (РГАЛИ), Мәскеу облысының Орталық мемлекеттік мұрағаттарында (ЦГАМО) сақталған Қазақстан тарихына қатысты құжаттарды қамтиды.

III томға Ресей мемлекеттік тарихи мұрағатында сақтаулы (Санкт-Петербург қ.) (РГИА) тарихымыздан сыр шертетін істердің қатары топтастырылды.

IV томға Орынбор облысының мемлекеттік мұрағатындағы тың мәліметтер қатары енген.

Қолданушының ғаламтордағы «Электронды каталог» мәліметтер базасын қолдануға мүмкіндігі болмаған жағдайда осы аталған ақпараттық анықтамалықты қолдануына толықтай мүмкіндігі бар.

Орталық тарапынан баспаға әзірленген «Қазақстан тарихы шетел мұрағаттарында» ақпараттық анықтамалығы республика көлеміндегі мұрағаттар мен ғылыми мекемелер мамандарына және жеке ізденушілерге шет мемлекеттер мұрағаттары, ондағы құжаттар туралы бағыт-бағдар, қажетінше көмек беретін анықтамалық ақпарат болып табылмақ.

Ернар Оразбек

Научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова

АРХЕОЛОГИЯ СЕМИРЕЧЬЯ. 1857–1912 ГГ.: СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ / СОСТАВИТЕЛЬ И. М. САМИГУЛИН. – АЛМАТЫ, 2011. – 664 С.

Предлагаемый вниманию читателей сборник документов и материалов «Археология Семиречья. 1857–1912 гг.» – первая публикация архивных документов и материалов по истории археологии дореволюционного периода не только в Казахстане, но и на постсоветском пространстве.

Идея издания подобного сборника архивных документов, посвященного истории археологического изучения территории Казахстана, принадлежит кандидату исторических наук И. В. Ерофеевой.

В сборнике публикуются архивные документы, выявленные в фондах Центрального государственного архива Республики Казахстан, Научного архива Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург), Научного архива Русского географического общества, Отдела редких книг и рукописей Национальной библиотеки Республики Казахстан, посвященные истории изучения памятников археологии в середине XIX–начале XX в. на территории одного из богатейших в археологическом отношении регионов Казахстана – Жетысу, научно-изыскательской деятельности известного востоковеда Николая Николаевича Пантусова (1849–1909), а также археологов-энтузиастов Федора Владимировича Пояркова (1851–1910) и Алексея Михайловича Фетисова (?–1894), описанию исторических памятников, борьбе с грабительскими раскопками и др. В сборник включено 308 архивных документов и материалов, которые сгруппированы по хронологическому принципу и оформлены в

соответствии с общепринятыми правилами издания исторических документов с учетом накопившегося опыта публикации документальных сборников как в России, странах СНГ, так и у нас в Казахстане. Рецензируемый сборник представляет интерес еще и потому, что большинство помещенных в нем документов публикуются впервые.

Во вступительной статье «История изучения археологических памятников Семиречья во второй половине XIX–начале XX века» (С. 5–30) представлен обширный очерк истории изучения памятников археологии Семиречья дореволюционного периода, статья также снабжена обширной библиографией. Автор статьи составитель сборника, археограф, профессионал своего дела Ильяс Минсалихович Самигулин (научный сотрудник Национального центра археологии и источниковедения Республики Казахстан). Во вступительной статье автор справедливо отмечает, что публикуемые «исторические документы, взятые в совокупности, являются важнейшими источниками информации о недвижимом материальном наследии Семиречья, которые имеют большую научно-практическую значимость для современных специалистов-археологов. Широкое использование данной категории исторических памятников существенно расширяет возможности исследователей в датировке и социально-культурной идентификации археологических объектов древности и средневекового периода, а также позволяет более точно реконструировать их первоначальный облик. Думается, что издание специального сборника документов по истории археологических исследований Семиречья в дореволюционный период – это назревшая задача исторической науки нашего времени».

Если все этапы археологического изучения Семиречья в советский период и в постсоветские годы достаточно подробно освещены в «Своде памятников истории и культуры Алматинской области», литературе по археологии и специальной историографической литературе, то история изучения и накопления сведений об археологических памятниках этого региона в дореволюционную эпоху представлена в научных изданиях очень поверхностно и фрагментарно. Данный сборник документов по мере возможности восполняет этот пробел.

В сборнике опубликована служебная переписка чиновников разного ранга: отношения, рапорты, донесения по вопросам изучения и сохранения обнаруженного здесь культурного наследия. Особую ценность представляет переписка с Императорской археологической комиссией военных губернаторов Семиреченской области и Н. Н. Пантусова.

Сборник существенно дополняет богатый иллюстративный материал в виде графических рисунков сверстанных непосредственно в текст, а также цветных и тоновых рисунков и фотографий, выявленных в фондах Научного архива Института истории материальной культуры РАН. Иллюстративный материал отредактирован и подготовлен к печати автором-составителем сборника, им также предложена идея дизайна обложки книги.

Сборник снабжен обширным научно-справочным аппаратом, позволяющим читателям без особого труда свободно ориентироваться в

содержании опубликованных документов и материалов, который состоит из археографического предисловия, выше указанной вступительной статьи, а также емких информативных комментариев, где приведены биографические сведения, основанные на архивных и библиографических источниках, чиновников столичной и местной администрации, а также различных специфических терминов, упомянутых в текстах документов. Научно-справочный аппарат издания также состоит из именного и географического указателей, списков использованной литературы, иллюстраций и использованных архивных фондов. Оглавление издания составлено по заголовкам публикуемых документальных материалов.

Данный сборник «замкнул» в единую логическую цепь-полотно, разрозненные до сей поры, этапы археолого-исследовательского изучения Жетысу/Семиречья XIX и XX веков и поколения археологов любителей-краеведов и профессионалов.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТ

Әбжаппарова Б.Ж. – тарих ғылымдарының докторы, Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің профессоры.

Әлиев Е.Ж. – Жамбыл облыстық мемлекеттік мұрағатының мұрағатшысы.

Дәркенов Қ.Ғ. – тарих ғылымдарының кандидаты, Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің доценті.

Диханбекова Б. – Алматы облыстық мемлекеттік мұрағатының бас қор сақтаушысы.

Ерназаров А.Ә. – Археография және деректану ұлттық орталығының Қазақстанға қатысты шетелдегі мұраларды зерттеу және мәліметтер жинақтау зертханасының бастығы

Қалиева К.С. – тарих ғылымдарының кандидаты, Шығыс Қазақстан мемлекеттік университетінің доценті.

Ковальская С.И. – тарих ғылымдарының докторы, Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің профессоры.

Көшкімбаев А.К. – тарих ғылымдарының докторы, Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің профессоры.

Күлмұханбетова Г. – Алматы облыстық мемлекеттік мұрағатының бас директоры.

Максимович А.А. – Белорус мемлекеттік университетінің тарих факультетінің аспиранты.

Мармонтова Т.В. – тарих ғылымдарының кандидаты, Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің доценті.

Меньковский В.И. – тарих ғылымдарының докторы, Белорус мемлекет университетінің профессоры.

Оразбек Е.Ж. – Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының ғылыми қызметкері.

Торланбаева К.У. – тарих ғылымдарының докторы, Шығыстану институтының аға ғылыми қызметкері.

Тулибаева Ж.М. – тарих ғылымдарының докторы, Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің профессоры.

Щетинина А. – тарих ғылымдарының кандидаты, Алтай мемлекет университетінің доценті.

Якубова Г. – Алматы облыстық мемлекеттік мұрағаты бас директорының орынбасары.